

Великая тайна

Морис Метерлинк

MAURICE MAETERLINCK

LE

GRAND SECRET

PARIS

BIBLIOTHÈQUE-CHARPENTIER

EUGÈNE FASQUELLE, ÉDITEUR

11, RUE DE GRENNELLE, 11

1921

Tous droits réservés.

Copyright 1921, by EUGÈNE FASQUELLE.

Электронная книга проекта Gutenberg « » Большая тайна

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Великая тайна

Автор: Морис Метерлинк

Дата выпуска: 18 апреля 2022 г. [электронная книга № 67863]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: французский

Оригинальное издание: Франция: Eugène Fasquelle, 1921

Благодарности: Лоран Вогель и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Эта книга была создана на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Books.)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА GUTENBERG «ВЕЛИКАЯ ТАЙНА» ***

МОРИС МЕТЕРЛИНК

БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ

ПАРИЖ

БИБЛИОТЕКА-ШАРПАНТЬЕ

ЭЖЕН ФАСКЕЛЛ, ИЗДАТЕЛЬ

11, УЛИЦА ГРЕНЕЛЛЬ, 11

1921

Все права защищены.

Copyright 1921, by Eugène Fasquelle.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОРИСА МЕТЕРЛИНКА

В БИБЛИОТЕКЕ ШАРПАНТЬЕ

ЭЖЕН ФАСКЕЛЛ, Издатель

Мудрость и судьба (75 ^е тысяча)	1 том
Жизнь пчел (93 ^е тысяча)	1 том
Погребенный храм (32 ^е тысяча)	1 том
Двойной сад (26 ^я миля)	1 том
Интеллект цветов (42 ^{-я} миля)	1 том
Смерть (56 ^я миля)	1 том
Остатки войны (17 ^я миля)	1 том
Неизвестный гость (27 ^я миля)	1 том

Тропы в горах (17 ^я миля)	1 том
ТЕАТР	
Театр , том I. — <i>Принцесса Малейна, Незванная гостья, Слепые</i>	1 том
Том II. — <i>Пеллеас и Мелизанда</i> (1892), <i>Алладин и Паломиды</i> (1894), <i>Интерьер</i> (1894), <i>Смерть Тинтагила</i> (1894)	1 том
Том III. — <i>Аглавайна и Селизетта</i> (1896); <i>Ариана и Синяя Борода</i> (1901), <i>Сестра Беатрис</i> (1901)	1 том.
Joyzelle , пьеса в 5 актах (13 ^е тысяча)	1 том
« Синяя птица », феерия в 6 актах и 12 картинах (48 ^е тысяча)	1 том
Трагедия Макбет , У. Шекспир. Новый перевод с <i>введением и примечаниями</i> (6 ^е тысяча)	1 том
Мария Магдалина , драма в 3 актах (6 ^е тысяча)	1 том
Монна Ванна , пьеса в 3 актах (44 ^е тысяча)	1 том
Монна Ванна , лирическая драма в 4 актах и 5 картинах, либретто (музыка Генри Феври) (11 ^е тысяча)	1 брошюра.
Пеллеас и Мелизанда , лирическая драма в 5 актах (4 ^е тысяча)	1 брошюра.
Интерьер , пьесы в 1 акте (4 ^е тысяча)	1 брошюра.
Смерть Тинтагиля , лирическая драма в 5 актах	1 брошюра.
Ариана и Синяя Борода , сказка в 3 актах	1 брошюра
Чудо святого Антония , фарс в 2-х действиях	1 брошюра.
Бургомистр Стилмонде , с продолжением « Соль жизни » (6 ^я тысяча)	1 том
У РАЗЛИЧНЫХ ИЗДАТЕЛЕЙ	
Сокровище смиренных (Mercure de France)	1 том
Теплицы (стихи). — (Lacomblez)	1 том
L'Ornement des Noces spirituelles , Руйсброк Прекрасный, перевод с фламандского с предисловием. (Lacomblez)	1 том.
Ученики в Саисе и Фрагменты Новалиса , перевод с немецкого с предисловием (Lacomblez)	1 том.
Альбом из двенадцати песен. (Stock)	Исчерпано.

В — 1926 — Lib.-Imp. réunies, 7, rue Saint-Benoît, Paris.

БЫЛО НАПЕЧАТАНО:

30 пронумерованных экземпляров на японской бумаге,
100 пронумерованных экземпляров на голландской бумаге.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ

I

Не стоит ожидать, что здесь вы найдете историю или методическую монографию об оккультизме. Для этого потребовались бы целые тома, которые неизбежно были бы заполнены большим количеством бесполезной информации, которую я хочу в первую очередь избавить читателя. Моя единственная цель — как можно проще рассказать о том, чему меня научили несколько лет, проведенных в этих довольно неоднозначных и малопосещаемых областях. Я делюсь впечатлениями искреннего путешественника, который исследует их скорее из любопытства, чем из веры. Это будет, если хотите, своего рода резюме или предварительный отчет. Я не знаю ничего больше, чем мог бы узнать любой приезжий, совершивший ту же поездку. Я не посвященный, у меня не было исчезающих и таинственных учителей, специально прибывших из пределов этого мира или другого, чтобы открыть мне последние истины и запретить мне их повторять. Я не имел доступа к скрытым библиотекам, к этим тайным источникам высшей Мудрости, которые, как говорят, где-то существуют, но для нас всегда будут как бы несуществующими, поскольку, проникнув в них, мы обрекаем себя на смертную казнь за нарушение священного молчания. Я также не расшифровал непонятные гримуары и не открыл новый ключ к священным книгам великих религий. Я только прочитал и изучил большую часть того, что было написано по этим вопросам; и среди огромного количества абсурдных, детских, повторяющихся и бесполезных документов я привязался только к шедеврам, которые действительно могут научить нас чему-то, чего мы не найдем в других местах. Очистив таким образом поле для исследования, слишком часто заваленное отталкивающими обломками, я, возможно, облегчу задачу тем, кто захочет и сможет пойти дальше меня.

II

Благодаря работам довольно новой науки, в частности благодаря исследованиям индологов и египтологов, сегодня нам гораздо легче, чем раньше, найти источники, проследить течение и распутать подземную сеть великой загадочной реки, которая с начала истории текла под всеми религиями, под всеми верованиями, под всеми философиями, одним словом, под всеми дневными или открытыми проявлениями человеческой мысли. Уже практически не вызывает сомнений, что этот источник находится в древней Индии. Оттуда священное учение, вероятно, распространилось в Египет, достигло древней Персии, Халдеи, проникло в народ еврейский, проникло в Грецию и Северную Европу, достигло Китая и даже Америки, где цивилизация ацтеков была лишь более или менее искаженной копией египетской цивилизации.

Таким образом, мы имеем три основных ответвления первобытного оккультизма, арийского или атланта-индуистского: 1° древний оккультизм, то есть египетский, персидский, халдейский, иудейский и греческий мистицизм; 2^(о) иудео-христианский эзотеризм с эссеями, гностиками, неоплатониками Александрии и каббалистами средневековья, и 3° современный оккультизм, в той или иной степени проникнутый предыдущими течениями, но

который под довольно неточным термином « » (окультный) обозначает, помимо теософов, в первую очередь современных спиритуалистов и метапсихологов.

III

Что касается источников первоисточника, то их практически невозможно найти. Здесь мы имеем только утверждения оккультистской традиции, которые, впрочем, подтверждаются историческими открытиями. Эти традиции приписывают огромный запас мудрости, который сформировался где-то с самого начала существования человека и, по их словам, даже до его появления на этой земле, более духовным сущностям, существам, менее вовлеченным в материю, психическим организмам, последними представителями которых были атланты, которые были лишь их выродившимися представителями.

С исторической точки зрения, за пределами пяти или шести тысяч лет, а может быть, и семи тысяч, у нас совершенно отсутствуют документы. Мы не можем знать, как зародилась религия индусов и египтян. Когда мы ее находим, она уже сформирована в своих общих чертах, в своих основных принципах. Она не только уже сформирована, но чем дальше мы уходим в прошлое, тем она совершеннее, чище, тем ближе она к высшим спекуляциям современного агностицизма. Она предполагает существование более ранней цивилизации, продолжительность которой, учитывая медлительность всей человеческой эволюции, невозможно оценить. Эта продолжительность, вероятно, исчисляется тысячами и тысячами лет. И здесь нам на помощь приходит оккультистская традиция. Почему эта традиция должна быть *априори* неприемлемой и презренной, если почти все, что мы знаем о этих первобытных религиях, также основано на устной традиции, поскольку письменные тексты появились гораздо позднее, и, кроме того, все, что нам говорит эта традиция, странным образом согласуется с тем, что мы узнали из других источников?

IV

В любом случае, если нам нужна оккультистская традиция, чтобы объяснить происхождение этой мудрости, которая по праву кажется нам сверхчеловеческой, то мы вполне можем обойтись без нее, когда речь идет о сути самой этой мудрости. Аутентичные тексты, которые можно отнести к определенному историческому периоду, содержат ее целиком; и в этом отношении современные теософы, которые утверждают, что имели в своем распоряжении секретные документы и воспользовались чрезвычайными откровениями, которые им якобы сделали Адепты или Махатмы из таинственного братства, не сообщили нам ничего, чего не было бы в доступных всем востоковедам писаниях. То, что отличает оккультистов — например, теософов школы Блаватской, которая доминирует над всеми другими, — от индологов и египтологов-ученых, это не то, что касается происхождения, устройства, цели вселенной, предназначения земли и человека, природы божества, великих проблем морали; это почти исключительно вопросы, касающиеся доисторического периода, номенклатуры эманаций непознаваемого и способов овладения и использования неизвестных сил природы.

Давайте сначала рассмотрим те моменты, в которых они сходятся; они, кстати, являются наиболее интересными, поскольку все, что касается доисторического периода, неизбежно носит гипотетический характер, а имена и функции промежуточных богов имеют лишь второстепенное значение; что же касается использования неизвестных сил, то это скорее относится к метапсихологическим наукам, о которых мы поговорим позже.

V

«То, что мы читаем в *Ведах*, — говорит Рудольф Штайнер, один из самых эрудированных и одновременно самых озадачивающих современных оккультистов, — то, что мы читаем в *Ведах*, этих архивах индуистской мудрости, дает нам лишь слабое представление о возвышенных учениях древних наставников, и то не в их первоначальном виде. Только взгляд ясновидящего, устремленный на тайны прошлого, может открыть неизвестную мудрость, скрытую за этими писаниями».

Исторически, скорее всего, Штайнер прав. Действительно, как я уже говорил, чем древнее тексты, тем чище и величественнее то, что они раскрывают; и вполне вероятно, что они сами, по выражению Штайнера, являются лишь ослабленным отголоском более возвышенных учений. Но, не обладая даром ясновидения, мы должны довольствоваться тем, что видим.

Тексты, которые мы имеем, являются священными книгами Индии, что подтверждается текстами Египта и Персии. Влияние, которое они оказали на человеческую мысль, если не в их нынешней форме, то, по крайней мере, через устную традицию, которую они лишь закрепили, восходит к истокам истории, распространилось повсюду и никогда не переставало ощущаться; но для западного мира их открытие и методическое изучение являются относительно недавними. «Пятьдесят лет назад, — писал в 1875 году Макс Мюллер, — не было ни одного ученого, который мог бы перевести строку из Вед, строку из Зенд-Авесты или строку из буддийского Трипитаки, не говоря уже о других диалектах или языках».

Если бы эти события с самого начала приобрели в анналах человечества те масштабы, которые они приобрели позже, то открытие этих священных книг, вероятно, потрясло бы Европу, поскольку это, без сомнения, самое важное духовное событие, которое произошло там со времен христианства. Но редко когда духовное или нравственное событие быстро распространяется среди масс. Против него выступает слишком много сил, заинтересованных в его подавлении. Это событие осталось в узком кругу ученых и филологов и даже меньше, чем можно было предположить, затронуло метафизиков и моралистов. Оно все еще ждет своего часа.

VI

Первый вопрос, который возникает, касается даты этих текстов. Очень трудно дать на него точный ответ, потому что, хотя относительно легко определить время, когда были написаны книги, невозможно оценить время, в течение которого они существовали только в памяти людей. По мнению Макса Мюллера, практически нет санскритских рукописей, датированных ранее 1000 года нашей эры, и все указывает на то, что письменность появилась в Индии только в начале буддийского периода (V век до н. э.), то есть в конце старой ведической литературы. *Ригведа*, насчитывающая 1028 гимнов, в среднем по десять стихов, или 153 826 слов, была сохранена исключительно благодаря усилиям памяти. И сегодня все брахманы знают *Риг-Веду* наизусть, как и их предки три тысячи лет назад. Самостоятельное развитие ведической мысли, которую мы находим в *Риг-Веде*, следует отнести к периоду после X века до н. э. Уже за триста лет до нашей эры, по-прежнему согласно Макс Мюллеру, санскрит перестал быть разговорным языком народа, что подтверждается надписью, язык которой для санскрита является тем же, чем итальянский для латыни.

Этот период «Чанд», по мнению других востоковедов, вероятно, восходит к двум или трем тысячам лет до нашей эры, так что мы уже подошли к пяти тысячам лет, самой скромной и осторожной дате. «Одно можно сказать наверняка, — добавляет Макс Мюллер, — что нет ничего более древнего и примитивного, чем гимны *Риг-Веды*, не только в Индии, но и во всем

арийском мире. Как арийская по языку и мышлению, *Риг-Веда* является нашей древнейшей священной книгой[1]».

[1] Макс Мюллер, *Происхождение и развитие религии*. Перевод Дж. Дарместетера, стр. 142.

После работ великого востоковеда другие ученые значительно отодвинули дату появления первых рукописей и, прежде всего, первых традиций; однако они все еще остаются в огромном отрыве от расчетов брахманов, которые относят происхождение своих книг к тысячелетиям до нашей эры. «Более пяти тысяч лет назад, — говорит Свами Даянунд Сарасвати, — *Веды* перестали быть предметом изучения»; а по расчетам востоковеда Халледа, *Шастры*, согласно хронологии брахманов, должны быть семимиллионного возраста.

Не принимая участия в этих спорах, важно установить только одно: эти книги, или, скорее, традиция, которую они собрали и закрепили, очевидно предшествуют всему, что мы знаем в истории человечества, за исключением, возможно, Египта, Китая и Халдеи.

VII

Эта литература включает в себя, в первую очередь, четыре Веды: *Риг*, *Сама*, *Яджур* и *Атхарва-Веда*, дополненные комментариями или *Брахманами* и философскими трактатами, называемыми *Араньяками* и *Упанишадами*, к которым следует добавить *Частры*, или *Шастры*, наиболее известной из которых является *Манава-Дхарма-Частра*, или *Законы Ману*, — которая, по словам Уильяма Джонса, Шези и Луазель-Делоншана, восходит к XIII веку до нашей эры, — и первые *Пураны*.

Из этих текстов *Риг*, несомненно, является самым древним. Остальные охватывают период в несколько сотен, а то и тысяч лет, но все, за исключением последних *Пуран*, предшествуют нашей эре, что не следует упускать из виду, не из чувства враждебности к великой западной религии, а для того, чтобы отнести ее к ее месту в истории и эволюции человеческой мысли.

Риг-Веда является скорее политеистической, чем пантеистической, и вершины доктрины в ней появляются лишь изредка, например, в строфах, которые мы приводим ниже. Ее божества представляют собой лишь усиленные физические силы, которые *Сама-Веда* и, прежде всего, *Брахманы* впоследствии свела к метафизическим концепциям и единству. *Сама-Веда* утверждает Непознаваемое, а *Яджур-Веда* — пантеизм. Что касается *Атхарвы*, самой древней, по мнению одних, самой поздней, по мнению других, то она является прежде всего ритуальной.

Эти идеи были развиты в комментариях брахманов, которые особенно умножились между VII и XII веками до нашей эры, но, вероятно, связаны с гораздо более древними традициями, которые, как утверждают наши современные теософы, они обнаружили, не подкрепляя, однако, свои утверждения достаточными доказательствами.

Поэтому, говоря о религии Индии, необходимо рассматривать ее в целом, начиная с первобытного ведизма, через брахманизм и кришнаизм, вплоть до буддизма, останавливаясь, если угодно, за два или три века до нашей эры, чтобы избежать любого подозрения в иудео-христианском влиянии.

Вся эта литература, к которой можно присоединить, среди прочего, полупрофаные тексты *Рамаяны* и *Махабхараты*, в середине которых расцветает *Бхагават-Гита*, или *Песнь Блаженного*, этот великолепный цветок индуистского мистицизма, до сих пор остается очень плохо изученной, и мы владем лишь тем, что брахманы соизволили нам передать.

Она поднимает множество чрезвычайно сложных вопросов, из которых до сих пор решено очень мало. Добавим, что перевод санскритских текстов, особенно самых древних, по-прежнему весьма неопределен. По словам Рота, истинного основателя ведической экзегетики, «переводчик, который сделает *Веды* понятными и читаемыми, *mutatis mutandis*, как Гомер стал после работ Восса, еще не появился, и его появление вряд ли можно ожидать до следующего столетия».

Чтобы составить представление о неопределенности этих переводов, достаточно посмотреть, например, в конце третьего тома «*Ведической религии*» Абеля Бергайна, великого французского востоковеда, на дискуссии, которые возникают между самыми известными индологами, такими как Грассман, Людвиг, Рот и сам Бергань, по поводу интерпретации почти всех основных слов гимна I-123, посвященного Заря. «Она, как говорит Бергань, демонстрирует бедствия современной интерпретации *Rig-Vеды*[2]».

[2] *Ведическая религия по гимнам Rig-Vеды*, А. Берген, т. III, стр. 283 и далее.

Нео-теософы пытались решить некоторые проблемы, возникающие в связи с древностью Индии, но их работы, весьма интересные с точки зрения доктрины, крайне слабы с точки зрения критики, и невозможно следовать за ними на поле, где встречаются только непроверяемые гипотезы. Правда заключается в том, что, когда речь идет об Индии, нужно отказаться от любой хронологической определенности. Чтобы взять минимум, несомненно, очень ниже реальности, оставив позади, возможно, огромный промежуток туманных веков, не будем переносить расцвет брахманов более чем на три или четыре тысячи лет назад; таким образом, мы констатируем, что в то время у подножия Гималаев существовала величественная пантеистическая и агностическая религия, которая позднее стала эзотерической; и это все, что нас интересует на данный момент.

VIII

А Египет, скажут некоторые, разве его памятники и иероглифы не гораздо древнее? Послушаем по этому поводу очень эрудированного египтолога Ле Пажу Ренуфа[3], одного из крупнейших авторитетов в этой области. Он считает, что египетские памятники и их надписи не могут служить основой для установления точных дат; что расчеты, основанные на гелиакальном восходе звезд, не являются убедительными, поскольку в текстах речь, скорее всего, идет о их прохождении, а не о восходе. Однако он убежден, что, согласно самым осторожным расчетам, египетская монархия существовала уже более 2000 лет до того, как был написан «Исход», а «Исход», вероятно, относится к 1310 году до нашей эры; а дата постройки Великой пирамиды не может быть отнесена к периоду более чем за 3000 или 4000 лет до нашей эры. Эти расчеты, как и те, согласно которым китайская эра началась в 2697 году до нашей эры, довольно любопытно возвращают нас к периоду, который индологи относят к развитию ведической мысли, которое предполагает гораздо более давний период зарождения и формирования. Они не подразумевают, что египетская цивилизация, как и индуистская, не является гораздо более древней. Другой великий египтолог, Леонард Хорнер, с 1851 по 1854 год провел раскопки в долине Нила () в различных местах, пробуравив девяносто пять скважин. Было установлено, что Нил каждый век добавляет к своему аллювиальному руслу 5 дюймов, причем эта высота должна быть меньше для нижних слоев из-за давления; однако на глубине до 75 футов были найдены гранитные скульптуры, фигуры людей и животных, мозаики, вазы, фрагменты кирпичей и глиняной посуды (последние на больших глубинах). Поскольку в одной фута 12 дюймов, это относит нас к более чем 17 000 или 18 000 лет назад. На глубине 33 футов 6 дюймов была обнаружена табличка с надписями, которая, по простым подсчетам, имела возраст около 8000 лет. Гипотеза о колодцах или

цистернах, на которые наткнулись случайно, должна быть отвергнута, поскольку тот же факт подтверждается повсюду. Эти наблюдения, между прочим, еще раз подтверждают правоту оккультных традиций, касающихся древности человеческой цивилизации. Эта удивительная древность подтверждается также астрономическими наблюдениями древних. Например, существует каталог звезд, называемый каталогом Сурьо-Шиддханто; различия в положении восьми из этих фиксированных звезд, выбранных наугад, показывают, что наблюдения Сурьо относятся к периоду более 58 000 лет назад.

[3] П. Ле Пейдж Ренуф, *Лекции о происхождении и развитии религии на примере религии Древнего Египта*.

IX

Кто был прямым наследником легендарной мудрости, завещанной нам более древними народами, в частности, вероятно, атлантами: Индия или Египет? В нынешнем состоянии нашей науки и без учета оккультных традиций ответить на этот вопрос пока невозможно.

Менее века назад древний Египет был практически неизвестен. О нем были известны только слухи и более или менее фантастические легенды, собранные поздними историками и, прежде всего, бреднями философов и теургов александрийской эпохи. Только в 1820 году Жан-Франсуа Шампольон, благодаря тройному тексту знаменитого иероглифического камня из Розеты, нашел ключ к загадочной письменности, покрывающей все памятники, все гробницы и почти все предметы земли фараонов. Но реализация этого открытия была долгой и мучительной; и только сорок лет спустя один из самых выдающихся последователей Шампольона, де Руже, смог сказать, что больше не осталось египетских текстов, которые нельзя было бы перевести. Было расшифровано бесчисленное количество документов, и в отношении материального смысла большинства надписей была достигнута почти окончательная уверенность.

Тем не менее, все более вероятно, что за буквальным смыслом религиозных надписей скрывается другой, который невозможно понять. К этой гипотезе, учитывая неопределенность многих слов, неизбежно приходят самые объективные и научные египтологи, хотя они сразу же добавляют, что ничего не подтверждает ее формально. Таким образом, весьма вероятно, что под официальной религией, которой обучали мирян, скрывалась другая, предназначенная только для жрецов и посвященных; и гипотеза, к которой вынуждены прибегнуть ученые, еще раз подтверждает утверждения оккультистов, в частности неоплатоников из Александрии, относительно египетских мистических тайн.

X

В любом случае, тексты, подлинность которых не вызывает ни малейшего сомнения, *Книга мертвых*, *Книги гимнов*, *Сборник нравственных изречений* Птаххотепа, самая древняя книга на земле, поскольку она является современницей пирамид, и многие другие, позволяют нам составить очень точное представление о высокой морали и, прежде всего, о фундаментальной теософии Египта до того, как эта теософия была искажена, чтобы удовлетворить вульгарные вкусы, и превратилась в чудовищное многобожие, которое, впрочем, всегда было скорее кажущимся, чем реальным.

Чем древнее тексты, тем больше их учения сходятся с индуистской традицией. Были ли они до или после них, вопрос в сущности второстепенный; более интересно проблема общего происхождения, единственного и незапамятного, вероятность которого возрастает с каждым шагом, который мы делаем в доисторическом прошлом. Чем дальше мы уходим в прошлое,

тем яснее становится согласие по основным вопросам. Вот, например, представление о Боге в египетской религии в ее зачаточном состоянии. Чуть дальше мы найдем ее оригинал или индуистскую копию, а также сможем сравнить две теогонии, две космогонии и две морали, которые, очевидно, являются источниками всех теогоний, всех космогоний и всех моралей человечества.

Для египтянина, сохранившего веру своих предков, существует только один Бог, единственный Бог. «Нет другого, кроме Него. » — «Он единственное живое существо по сути и по истине». — «Ты единственный, и миллионы существ происходят от тебя». — «Он сотворил все вещи, и только он сам не был сотворен». — «Везде и всегда он является единственной сущностью и недостижимым». » — «Он един из единого». — «Он есть вчера, сегодня и завтра». — «Он есть Бог, становящийся Богом, существующий сам по себе, двойственное существо, то есть порождающее само себя, порождающее с самого начала».

«Более пяти тысяч лет назад, — говорит де Руже, — в долине Нила начался гимн единству Бога и бессмертию души... Вера в единство верховного Бога и его атрибуты как создателя и законодателя человека, которого он наделил бессмертной душой, — вот первобытные понятия, закрепленные как нерушимые алмазы в мифологических наслоениях, накопленных веками, прошедшими над этой древней цивилизацией[4].»

[4] Де Руже, «Анналы христианской философии», т. XX, с. 327.

Конечно, в этом определении божества нет той проникновенности, тонкости и метафизического пространства, счастья выражения, словесного великолепия, гениальности, одним словом, всего того, что мы найдем в индуистских определениях. Дело в том, что египетский ум более холоден, сух, сдержан, угловатый, реалистичен, его воображение более конкретно, оно не воспламеняется недостижимым бесконечным, как воображение народов Азии. Кроме того, не забываем, что мы еще не знаем тайного смысла, который, возможно, скрывается в глубине этих определений. В любом случае, как мы их читаем, идея одна и та же и имеет одно и то же происхождение, которое, в соответствии с эзотерическими традициями и в ожидании дальнейших разъяснений, можно назвать атлантской мыслью. Это предположение подтверждается, кстати, знаменитым отрывком из «Тимея», согласно которому, по словам египетского жреца, разговаривавшего с Солоном, 12 000 лет назад Египет был колонией Атлантиды.

XI

Для маздеизма или зороастризма, третьей из великих религий, проблема происхождения проще, хотя вопрос дат также сложен. Зороастр, или, вернее, один из Зороастров, последний, согласно Аристотелю, жил в VII веке до нашей эры. Плиний относит его к десяти векам до Моисея, Гермипп из Смирны, переводивший его книги на греческий язык, — к 4000 годам до взятия Трои, а Евдокс — к 6000 годам до смерти Платона.

Современная наука, как отмечает Эдуард Шуре на основании научных исследований Эжена Бурнуфа, Шпигеля, Джеймса Дарместетера и Харлеза, заявляет, что невозможно установить дату, когда жил великий иранский философ, автор «Зенд-Авесты», но в любом случае откладывает ее на 2500 лет до нашей эры. Макс Мюллер, со своей стороны, привел доказательства того, что Зороастр или Заратустра и его ученики проживали в Индии. «Многие из зороастрийских богов, — добавляет он, — являются лишь отражениями, отклонениями от первобытных и подлинных богов Вед». Здесь, таким образом, нет ни малейшего сомнения в том, что индуистские книги появились раньше, и в то же время еще раз подтверждается невероятная древность этих книг или традиций.

Этих предварительных замечаний, для более подробного рассмотрения которых потребовались бы целые тома, достаточно — и это то, что нас интересует в данный момент, — чтобы установить, что учение, которое впоследствии можно найти в основе всех религий в форме таинств, посвящения, тайного учения, восходит, по самым скромным подсчетам, к тысячелетиям. В любом случае, они достаточны, чтобы отвергнуть довольно наивную теорию тех, кто утверждает, что оно относительно недавнее и подверглось влиянию иудео-христианских откровений. Эта теория больше не защищается всерьез, но трудность обходят, говоря: да, в этой примитивной религии есть истины и даже тексты, датируемые более или менее точно, предшествующие Моисею и Иисусу Христу, но кто мог бы отделить последующие вставки, которые их изменили?

В Индии, по-видимому, существует более 1200 текстов *Вед* и более 350 текстов *Законов Ману*, не считая тех священных книг, которые брахманы не передали нам, и несомненно, что в этих текстах или в учениях, которые они воспроизводят, есть явные интерполяции. Не следует забывать, что восточная религия, которую мы обычно и весьма неверно называем буддизмом, делится на три больших периода, которые довольно точно соответствуют трем периодам, которые можно выделить в христианстве, а именно ведизм или первобытная религия, которую брахманы комментировали, усложнили и в конце концов испортили в своих интересах, и которая стала брахманизмом, против которого восстал и который реформировал в V веке до н. э. Сиддхартха Гаутама Будда или Шакьямуни.

Индийские исследователи, в основном благодаря историческим ориентирам, которые дает им институт каст, изменениям в языке и метре, научились довольно легко различать эти три течения в подозрительных текстах; и под роскошью и запутанностью интерполяций всегда проступают основные черты и существенные истины, которые для нас важны.

ИНДИЯ

I

Давайте сначала рассмотрим представление о божестве, которое одновременно с египтянами, а гораздо более вероятно, что и до них, имели предки, чьи традиции насчитывают не менее 5000 или 6000 лет и которые сами унаследовали эти традиции от народов, сегодня исчезнувших, последний след которых в памяти людей, согласно «*Тимею*» и «*Критию*» Платона, восходит к ста двадцати векам.

Я избавляю читателя от запутанной номенклатуры восточной мифологии, от множества антропоморфных богов, которых священники Индии, как и священники Египта, Персии и всех времен и всех стран, были вынуждены создать, чтобы удовлетворить требования народного идолопоклонства. Я также избавляю его от показной эрудиции, изобилующей непроизносимыми именами, чтобы перейти непосредственно к сути и сосредоточиться исключительно на понятии первопричины, которое можно найти в самых древних источниках и которое постепенно, если и не было скрыто от простого народа, то перестало быть им понятным и стало великой тайной элиты священников и посвященных.

Давайте сразу же послушаем *Rig-Веду*, самое подлинное эхо древнейших традиций, когда она затрагивает этот важный вопрос:

«Не было ни Бытия, ни Небытия. Не было ни атмосферы, ни неба над головой. Что движется? В каком смысле? Под чьей охраной? Были ли воды и глубокая бездна?

«Тогда не было ни смерти, ни бессмертия. День не был отделен от ночи. Только Единое дышало, без постороннего дыхания, само по себе; и кроме него не было ничего другого.

«Тогда в нем впервые пробудилось желание; это был первый зародыш разума. Связь Бытия они обнаружили в Небытии, мудрецы, полные разума, стремясь в своих сердцах...

«Кто знает, кто может сказать нам, откуда родилось, откуда пришло творение, и не родились ли боги только после него? Кто знает, откуда оно пришло?

«Откуда пришло это творение, создано оно или нет, знает только тот, чей глаз наблюдает за ним с самого высокого неба, и знает ли он это?»^[5]»

^[5] *Pur*, X, 129.

Возможно ли найти в анналах человечества слова более грандиозные, более наполненные торжественной тревогой и звучащие более величественно, более священно и более грозно? Можно ли найти в основе всего более полное и непреодолимое признание невежества; и из глубины нашего агностицизма, который тысячами усиливали, можем ли мы расширить его горизонты? С самого начала он превосходит все и идет дальше, чем мы когда-либо осмелимся пойти из-за страха отчаяния, поскольку он не боится задаться вопросом, знает ли Высшее Существо, что оно сделало, знает ли оно, создало ли оно или нет, и сомневается, осознано ли оно себя...

II

Давайте затем послушаем, как *Сама-Веда* подтверждает и развивает это великолепное признание невежества:

«Если ты говоришь: «Я полностью знаю Высшее Существо», ты ошибаешься; кто может перечислить все его атрибуты? Если ты говоришь: «Я думаю, что знаю Его, не то чтобы я верил, что знаю Его в совершенстве, или что не знаю Его вовсе, но я знаю Его частично; ибо тот, кто знает все проявления богов, исходящие от Него, знает Высшее Существо», — если ты говоришь так, ты ошибаешься, *ибо не знать Его вовсе — не значит знать Его*.

«Напротив, тот, кто верит, что не знает Его, тот знает Его; а тот, кто верит, что знает Его, тот не знает Его. Он считается непостижимым теми, кто знает Его больше всего, и совершенно известным теми, кто совершенно Его не знает».

К этому фундаментальному агностицизму *Яджур-Веда* добавляет свой полный пантеизм:

«Мудрец устремляет свой взор на это таинственное существо, в котором вечно существует вселенная, не имеющая иной основы, кроме Него. В Нем заключен этот мир, из Него возник этот мир. Он обнимает и пронизывает все существа в различных формах существования.

«Это единственное существо, которое ничто не может достичь, быстрее мысли; *и сами боги не могут понять этот высший двигатель, который опередил их всех*. Он далек и близок ко всему. Он наполняет всю вселенную и еще бесконечно превосходит ее.

Когда человек умеет видеть всех существ в этом Высшем Духе, а этот Высший Дух во всех существах, он больше не может презирать ничего.

«Те, кто не верят в тождественность существ, погрузились в глубокую тьму; те, кто верят только в их тождественность, погрузились в еще более глубокую тьму.

«Тот, кто верит в вечную идентичность существ, обретает бессмертие.

«Все существа находятся в этом Высшем Духе, и этот Высший Дух находится во всех существах.

Существа предстают перед ним такими, какими они были с вечности, всегда подобными самим себе».

III

Наши предки стремились проникнуть в эту бездну невежества, заселить эту бездонную пустоту, где человек не мог дышать, и пытались определить это высшее существо, которое даже более древняя, чем они сами, традиция не осмеливалась себе представить. Нет зрелища более захватывающего, чем эта борьба наших предков шестьдесят или сто веков назад с Непознаваемым; и, чтобы дать вам представление об этом, я заимствую их собственные слова, воспроизводя лишь почти отчаянные выражения, которые они использовали в своих древнейших и наиболее аутентичных священных книгах, которые нужно читать, не пугаясь непоследовательности образов, которая, как замечает Бергань, является хлебом насущным ведической поэзии.

Бог, как они говорят нам, есть Существо и великое целое, существующее само по себе, непознаваемое и являющееся беспричинной причиной всех причин. Он есть древнейший из древних и неизвестный из неизвестных. Он есть все и во всем, вечная душа всех существ, которую никто не может понять. Он – совокупность всех материальных, интеллектуальных и моральных форм вселенской сущности. Он – единственный, первоначальный, нераскрытый зародыш всего, неизвестная глубина, несозданная субстанция неизвестного. «Нет, нет, таково Его Имя», и все постоянно колеблется между «Все есть, ничего нет». » «Только море знает глубину моря, только пространство знает протяженность пространства, только Бог может познать Бога». Он — неизвестная сосуд всего; он — небытие, потому что он — абсолютное Бытие, нечто, что является ничем, будучи всем. «Тот, кто есть и все же не есть, вечная причина, не имеющая бытия, Неоткрытый и Неоткрываемый, которого ни одно существо не может понять», — говорит Ману. Он не является чем-то, он не является известным или видимым существом, и к нему нельзя применить имя какого-либо известного объекта. Он — скрытый из скрытых, он — «Это», пассивное и латентное начало. Мир — это его имя, его образ; но только его первоначальное существование, которое содержит в себе все, действительно существует. Эта вселенная — это он, она происходит от него, она возвращается к нему. Все миры едины с ним, потому что они существуют только по его воле; вечной и врожденной воле во всех вещах. Эта воля проявляется в том, что мы называем сотворением, сохранением и разрушением вселенной; но собственно говоря, сотворения нет, ибо все существует в нем с самого начала, сотворение — это лишь эманация того, что было в нем. Эта эманация просто делает видимым для наших глаз то, что раньше было невидимым. Точно так же нет и разрушения, поскольку оно является лишь вдыханием того, что было выдохнуто; и это вдыхание, в свою очередь, лишь делает невидимым то, что было видно; ибо все нерушимо, поскольку все является лишь субстанцией Высшего Существа, которое само по себе не имеет ни начала, ни конца в пространстве и времени.

IV

Столь глубокое и обширное исследование того, что наше невежество называет истоками, бесконечной тайны непознаваемой первопричины, очевидно, предполагает наличие цивилизации, накопления мыслей, размышлений, опыта, созерцания и проникновения в сущность вселенной, которые не могут не вызывать у нас восхищения и смирения. Мы едва достигли вершин, с которых спустились эти идеи, где пантеизм и монотеизм сливаются и образуют единое целое в неизмеримом неизвестном. И кто знает, достигли ли бы мы их без

их помощи? Менее века назад мы еще не знали этих определений в их четкости, в их первоначальном величии; но они проникли повсюду, они плавали обломками на подземных водах всех религий, и в первую очередь на официальной религии Египта, где «Нун» так же непознаваем, как индуистское «Это», и где, согласно оккультной традиции, в качестве высшего откровения, в конце последнего посвящения, адепту на ухо шептали эти страшные слова: «Осирис — черный бог!», то есть бог, которого нельзя познать, которого никогда не познают!... Они также присутствовали в Библии, если не в Вульгате, где они стали неузнаваемыми, то, по крайней мере, в переводах еврейских ученых, таких как Фабр д'Оливе, которые вернули ей, или, по крайней мере, считают, что вернули ей, ее истинный смысл. Они также присутствовали в греческих мистериях, которые были лишь искаженной и бледной копией египетских мистерий. Они все еще плавали, и ближе к поверхности, под учениями ессеев, которые, по словам Плиния, жили на берегах Мертвого моря в течение тысяч веков. «*Per saeculorum millia*», что, очевидно, преувеличено. Они плавали в Каббале, традиции древних еврейских посвященных, которые утверждают, что сохранили устный закон, данный Богом Моисею на Синае и передававшийся из уст в уста, который был записан учеными раввинами средневековья. Они плавали под учениями и необыкновенными снами гностиков, вероятных наследников неуловимых ессеев, под влиянием неоплатоников и раннего христианства, как в темноте, в которой терялись несчастные средневековые герметисты, среди все более искаженных и испорченных текстов и все более неопределенных и опасных проблесков света.

V

Итак, вот великая истина, первая из всех, радикальная истина, к которой мы вернулись: непознаваемость беспричинной причины всех причин. Но эту причину, или Бога, мы бы всегда оставались в неведении, погребенные в нем, если бы он не проявил себя. Необходимо было вывести его из бездействия, которое для нас было равносильно небытию, поскольку вселенная, по-видимому, существует, и мы сами верим, что живем в ней. Освобожденная от путаницы теогонических и теологических лиан, которые вскоре заполнили ее со всех сторон, первопричина, или, скорее, вечная причина, — поскольку, не имея начала, она не может быть ни первой, ни второй, — никогда ничего не создавала. Не было никакого творения, поскольку с вечности все существует в этой причине, в невидимой для наших глаз форме, но более реальной, чем если бы мы ее видели, поскольку наши глаза созданы только для того, чтобы видеть иллюзию. С точки зрения этой иллюзии, все это, что всегда существует, появляется или исчезает в соответствии с вечным ритмом, который задают сон и пробуждение вечной причины. «Так, согласно *Законам Ману*, посредством чередующегося пробуждения и покоя неизменное Существо вечно воскрешает и умерщвляет все это собрание подвижных и неподвижных существ[6].» Он выдыхает или вдыхает, и дух спускается в материю, которая является лишь видимой формой духа, и бесчисленные миры рождаются, размножаются и развиваются во вселенной. Он вдыхает или втягивает; материя возвращается в дух, который является лишь невидимой формой материи, миры исчезают, не погибая, и возвращаются к вечной причине, чтобы вновь появиться при пробуждении Брахмы, то есть через миллиарды лет, и снова вернуться туда, когда он вновь погрузится в сон, через миллиарды лет; и так было и так будет всегда, от вечности и до вечности, без начала, без остановки и без конца.

[6] *Законы Ману*, I, 57.

VI

Это еще одно огромное признание невежества; и это новое признание, каким бы древним оно ни было, самое древнее из всех, является также самым глубоким, самым полным и самым грандиозным. Это объяснение непостижимой вселенной, которое ничего не объясняет, потому что невозможно объяснить необъяснимое, более приемлемо, чем все те, которые мы могли бы дать, и, возможно, единственное, которое мы можем принять, не сталкиваясь на каждом шагу с непреодолимыми возражениями и вопросами, на которые наш разум не может найти ответа.

Это второе признание мы находим в истоках двух основных религий. В Египте, даже в том поверхностном и экзотерическом Египте, который мы знаем, и не принимая во внимание тайный смысл, который, вероятно, имеют иероглифы, оно принимает аналогичную форму. Здесь также нет собственно сотворения, а есть только внешнее проявление вечного и скрытого духовного принципа. Все существа и все вещи существуют от вечности в «Нуне» и возвращаются туда после смерти. «Нун» — это «бездна» из Книги Бытия; в ней парит неопределенный божественный дух, несущий в себе совокупность будущих существований, откуда и происходит его имя «Тум», которое означает одновременно Ничто и Целостность. Когда «Тум» захотел основать в своем сердце все сущее, он поднялся среди того, что было в Нун, вне Нун и неживых вещей, и появилось солнце «Ра», появился Свет. Но не было трех богов: бездны, духа в бездне и света вне бездны. Тум, выразившийся силой своего творческого желания, стал Ра-солнцем, не переставая быть Тумом, не переставая быть Нуном. Он говорит о себе: «Я Тум, тот, кто существовал один в Нуне. Я великий Бог, который создает себя сам, то есть Нун, отец богов. Он является суммой существований всех существ. И чтобы выразить эту идею, что демиург создал все из собственного фонда, знаменитый папирус из Лейдена объясняет: «До него не было другого бога, ни другого бога с ним, когда он произнес свои формы, не было матери для него, которая дала бы ему имя (в Египте дать имя означало создать), не было отца для него, который произнес бы: «Это я создал тебя[7]».

[7] См. A. Moret, *Les Mystères égyptiens*, стр. 110 и далее, и Pierret, *Études égyptologiques*, стр. 414.

Чтобы сотворить мир, египетский бог сначала *думает*, а затем *произносит* слово. (Это уже Слово, знаменитый Логос александрийских философов, с которым мы встретимся позже.) Его высший разум носит имя Птах, его сердце, то есть дух, который его одухотворяет, — это Гор, а Слово, инструмент творения, — это Тот. Таким образом, мы имеем: Птах-Гор-Тот, демиург-дух-слово, триада в единстве Тум. Впоследствии, как и в ведической, персидской и халдейской религиях, верховный и непознаваемый бог постепенно попадает в забвение, и речь идет только о его бесчисленных эманациях, имена которых меняются от века к веку, а иногда и от города к городу. Так, в «Книге мертвых» Осирис, ставший самым известным богом Египта, говорит, что он есть Тум.

В маздеизме или зороастризме, который является лишь адаптацией ведизма к иранскому характеру, верховный бог не является всемогущим создателем, который мог создать мир по своему усмотрению; он подчиняется неукоснительным законам неизвестной первопричины, которой, возможно, является он сам. В Халдее, на перекрестке религий Индии, Египта и Персии, все по-прежнему рождает существующая сама по себе, несозданная субстанция, которая не творит, потому что все существует в ней, но периодически проявляется, отражая свое изображение в видимом нам мире. В каббале, последнем отголоске и подтверждении эзотерических учений Халдеи и Египта, мы находим то же признание: несозданный, вечный,

непознаваемый, непонятный в своей чистой сущности дух содержит в себе принцип всего сущего и проявляется и становится видимым для человека только через свои эманации.

Наконец, если мы откроем Библию не в ее ограниченном, поверхностном и эмпирическом переводе, а в версии, которая проникает в глубинный, внутренний и радикальный смысл еврейских слов, такой как та, которую пытался создать Фабр д'Оливе, то в первом стихе Книги Бытия мы найдем: «В первую очередь, то есть прежде всего, Он, Элохим, Он-боги, Сущее, сотворил, то есть не создал что-то из ничего, а извлек из неизвестного элемента, перевел из принципа в сущность, самость-небес и самость-земли».

«И земля существовала, как условная сила бытия, в силе бытия; и тьма (сжимающая и упрочняющая сила) была над поверхностью бездны (универсальная и условная сила бытия); и дыхание Его-богов (расширяющая и расширяющая сила) было генеративно движущимся над поверхностью вод (универсальная пассивность)[8]. »

[8] Фабр д'Оливе, «Восстановленный еврейский язык», т. II, стр. 25-27.

Не любопытно ли, что этот буквальный перевод возвращает нас к Индии, к идее неизвестного принципа; и еще ближе к индуистскому творению: переход от принципа к сущности, расширение бытия существ, которое содержит все, и внешнее проявление, при его пробуждении, того, что оно содержало в себе в потенциале во время сна? Однако давайте вспомним, что в 1875 году Макс Мюллер писал: «Пятьдесят лет назад не было ни одного ученого, который умел бы перевести хотя бы одну строку из Вед» (). Поэтому, несмотря на утверждение великого востоковеда, следует верить, что либо Фабр д'Оливе был способен перевести его, либо он уловил его дух в традициях каббалы, которую он мог знать только по очень неполной и очень неточной «*Kabbala Denudata*» Розенрота, или, наконец, что еврейский текст, если он действительно говорит то, что ему приписывают, как все кажется доказывает, странным образом воспроизводит индуистские принципы, поскольку его перевод, плод долгих предшествующих работ, появился в 1815 году, то есть за десять или двадцать лет до того, как люди научились читать санскрит и египетские иероглифы.

VII

Возможно ли сегодня, со всем тем, что мы думаем знать, или, скорее, со всем тем, что мы наконец знаем, что мы не знаем, дать более обширное, более глубоко негативное представление о божественности, чем то, которое давали религии в начале человечества, и которое лучше соответствует огромному безнадежному невежеству, в котором мы всегда будем бороться по поводу первопричины; и не находимся ли мы здесь на огромной высоте над более или менее антропоморфными богами, которые сменили непознаваемое верховное божество религии, которая была неизвестной матерью всех других? Не к ее безымянной загадке ли мы наконец возвращаемся, после того как так долго блуждали, потеряли столько веков и столько сил, совершили столько ошибок и преступлений, ища ее там, где ее не было, вдали от первобытных вершин, на которых она ждала нас тысячи и тысячи лет?

VIII

Но нужно было украсить и наполнить это признание невежества, обставить эту безграничную пустоту, оживить эту абстракцию, которая выходит за пределы понимания и которой люди не могли довольствоваться. Именно этому стремились все религии, начиная с той, которая первая осмелилась это сделать.

Я вновь отбрасываю в сторону заросли теогоний, простых в своем происхождении, но вскоре становящихся неразрешимыми, чтобы придерживаться общих черт. В первобытной религии, как мы уже видели, неизвестная причина в определенный момент, пойманная в бесконечности времени, повторяя то, что она делала с вечности, пробуждается, раздваивается, объективируется, отражается в всеобщей пассивности и становится, до следующего сна, нашей видимой вселенной. Из этой неизвестной причины, существующей сама по себе, которая делится на две части, чтобы сделать видимым то, что было в ней скрыто, рождаются Брахма или Нара, отец, Нари, вселенская мать, от которой в свою очередь рождается Вираджд, сын, вселенная. Эта первоначальная триада, принимая затем более антропоморфную форму, становится Брахмой, создателем, Вишну, хранителем, и Шивой, разрушителем и возродителем. В Египте это Нун, Тум, Ра, затем Птах, Гор, Тот, которые затем становятся Осирисом, Исидой и Гором.

Вслед за этими первыми подразделениями неизвестной причины, в первобытные пантеоны устремляется поток богов, которые являются лишь прерывистыми эманациями, переходными делегациями, мимолетными ростками первопричины, все более человеческими олицетворениями ее проявлений, ее воли, ее атрибутов или способностей. Мы не будем их здесь изучать, но интересно отметить вскользь глубокие истины, которые почти всегда встречаются в этих древних космогониях и теогониях и которые постепенно подтверждаются наукой. Неужели это просто случайность, что, например, земля возникла из хаоса, сформировалась и покрылась жизнью именно в том порядке, который указывают эти ? Согласно книге Ману, эфир порождает воздух, воздух, преобразуясь, порождает свет; воздух и свет, порождающие тепло, производят воду; а вода является матрицей всех живых существ. «Когда этот мир вышел из тьмы, — говорит Бхагавата Пурана, современник Веды по мнению индусов, — тонкие элементарные принципы произвели растительное семя, которое сначала оживило растения. Из растений жизнь перешла в фантастические тела, которые родились из грязи вод; затем, через ряд различных форм и животных, она достигла человека». «Они последовательно прошли через растения, червей, насекомых, змей, черепах, скот и диких животных, такова низшая ступень», — говорит Ману, добавляя: «Существа приобретают качества тех, кто предшествует им, так что чем дальше существо находится в ряду, тем больше у него качеств[9]».

[9] *Законы Ману*, I, 20.

Разве это не дарвиновская эволюция, подтвержденная геологией и предсказанная по крайней мере 6000 лет назад? С другой стороны, разве не теория «Акаши», которую мы более грубо называем эфиром, единственным источником всех тел, соответствует нашей физике[10]? Не вызывают ли беспокойство эти примеры, которые можно умножать до бесконечности? Откуда у наших доисторических предков, в ночи и в условиях, которые мы представляем себе ужасными, появились эти необыкновенные интуиции, эти знания и уверенность, которые мы с трудом возвращаем себе? и если они были правы в тех вопросах, которые мы можем случайно проверить, то не следует ли задаться вопросом, не были ли они более правы и дальновидны, чем мы, во многих других вопросах, в которых они также уверены и которые до сих пор ускользают от нашей проверки? Несомненно, чтобы достичь того, чего они достигли, они должны были иметь за спиной сокровищницу традиций, наблюдений, опыта, мудрости, одним словом, то, о чем мы с трудом можем себе представить; но пока не появится ничего лучшего, мы должны доверять им немного больше, чем мы это делаем, и использовать их, чтобы успокоить наши страхи, узнать и укрепить наше будущее за гробом и направить нашу жизнь.

[10] Правда, недавние теории Эйнштейна отрицают существование эфира и предполагают, что излучаемая энергия, например видимый свет, распространяется независимо через *абсолютно* пустое пространство. Но помимо того, что эти теории все еще кажутся спорными, следует отметить, что научный эфир, к которому до Эйнштейна были вынуждены прибегать наши современные ученые, не совсем соответствует индуистскому Акаше, который гораздо более тонкий и нематериальный, своего рода духовный элемент или божественная энергия, несотворенное, нетленное, бесконечное пространство.

IX

Мы только что видели, что первобытные религии и те, которые от них произошли, сходятся в том, что первопричина вечно непознаваема, и что их объяснения перехода от небытия к бытию, от пассивного к активному, от удвоения, порождающего триаду, практически одинаковы.

Здесь следует отметить странную нелогичность, которая доминирует и бросает тень на всю религиозную проблематику. Материнские религии, или, вернее, материнская религия, учат, что причина причин непознаваема, что ее невозможно определить, понять, представить; что она есть «Это» и ничего больше, небытие, будучи в то же время бытием по преимуществу, вечным, бесконечным, занимающим все время, все пространство, которое оно само собой является, не имея ни форм, ни воли, ни особых атрибутов, поскольку оно имеет их все. Однако из этого безусловного «», этого абсолюта абсолюта, о котором нельзя сказать, что оно такое, и тем более, чего оно хочет, из этого самого источника неопределимого и непознаваемого она испускает эманации, которые сразу же становятся совершенно известными, совершенно определенными богами, действующими очень четко в своих соответствующих сферах, проявляющими личную силу и волю, провозглашающими законы и целый моральный кодекс, которому человек обязан подчиняться. Как такие полностью известные существа могут выходить из существа, по сути своей неизвестного? Как, если все непознаваемо, часть этого всего внезапно становится знакомой? В этом непостижимом безграничном, единственно допустимом, потому что к нему нас возвращает наука, где находится точка, из которой выходят боги, которые нам навязываются? Где находятся связь и соотношение? Где место и момент, в котором происходит непостижимое чудо пресуществления непознаваемого? Где переход, который узаконивает этот удивительный переход от непостижимой тьмы не только к возможному или вероятному, но и к известному, описанному до мельчайших подробностей?

Не кажется ли, что религия-мать, а вслед за ней и все другие, которые являются лишь ее более или менее замаскированными дочерьми, произвольно разделилась на две ветви или, скорее, сделала огромный и сознательно слепой прыжок в бездну нелогичности? Не возможно ли, что она не осмелилась сделать все выводы из своего страшного признания; и эти выводы, не были ли они сделаны где-то еще, а именно в тайных учениях, следы которых мы все еще тщетно ищем и раскрытие которых навсегда заставило замолчать великих посвященных?

X

Это подозрение возникает не раз, когда углубляешься в эти религии, и оно объясняет тот пугающий крик оккультистской традиции, который мы уже отметили: «Осирис — черный бог!» Неужели великая, высшая тайна заключается в полном агностицизме? Не говоря уже об эзотерических учениях, которые нам неизвестны, разве не является почти публичным признанием слово «Майя», самое загадочное в Индии, которое означает, что все, вселенная

и сами боги, которые ее создают, поддерживают и управляют ею, — всего лишь иллюзия невежества, а несозданное и непознаваемое — единственное реальное?

Но какая религия могла бы заявить своим верующим: «Мы ничего не знаем; мы просто констатируем, что эта вселенная существует или, по крайней мере, кажется существующей в наших глазах. Существует ли она сама по себе, является ли она самим богом или лишь следствием более отдаленной причины? И за этой более отдаленной причиной не следует ли предположить еще более отдаленную, и так до бесконечности, до безумия, потому что если Бог существует, кто создал Бога?

«Является ли он причиной или следствием, это не имеет большого значения для нашего невежества, которое в любом случае остается непреодолимым и чьи мраки просто смещены. Очень древние традиции говорят нам, что он скорее является проявлением причины, более непостижимой, чем он сам. Мы принимаем эту традицию, возможно, более необъяснимую, чем сама загадка, которая предстает перед нашими глазами, но которая, кажется, объясняет то, что в ней кажется преходящим или бранным, и заменяет это вечным, неизменным и чисто духовным основанием. Не зная ничего об этой причине, мы должны ограничиться констатированием определенных привычек, определенных равновесий, определенных законов, которые кажутся ее волей. Мы временно делаем их богами. Но эти боги — лишь олицетворения, возможно верные, возможно иллюзорные, возможно ошибочные, того, что мы, как нам кажется, наблюдали. Возможно, что другие, более точные наблюдения свергнут их с трона. Возможно, однажды мы обнаружим, что неизвестная причина, о которой мы узнали немного больше, имела в виду не то, во что мы верили. Тогда мы изменим имена, желания, законы наших богов. Но пока что те, которые мы вам предлагаем, родились из наблюдений и опытов, настолько мудрых и древних, что до сих пор нет ничего, что превосходило бы их».

XI

Если ей было невозможно говорить так со своими верующими, которые бы ее не поняли, она могла раскрыть секрет последним посвященным, которых подготовили долгие испытания и чья интеллигентность была подтверждена нечеловечески строгим отбором. Поэтому она призналась всему нескольким из них. Вероятно, она сказала им: «Предлагая им наших богов, мы не хотели обманывать людей. Если бы мы признались им, что Бог неизвестен и непостижим, что нельзя сказать, что он такое, чего он хочет; что он не имеет ни формы, ни субстанции, ни места обитания, ни начала, ни конца, что он везде и нигде, что он ничто, потому что он все, они бы пришли к выводу, что он не существует, что нет ни законов, ни обязанностей, и что вселенная — это огромная бездна, в которой каждый должен спешить делать то, что ему угодно. Однако, хотя мы ничего не знаем, мы все же знаем, что это не так, что это не может быть. В любом случае, мы знаем, что причина причин не материальна, как они понимают это, потому что всякая материя кажется бранный, а она не может погибнуть. Для нас эта неизвестная причина действительно является нашим Богом, потому что наш разум способен видеть ее в масштабах, которые может ограничить только наше несовершенное воображение. Мы знаем с непоколебимой уверенностью, что эта причина, или причина этой причины, и так до бесконечности, должна существовать, хотя мы знаем, что никогда не сможем ее познать или понять. Но очень немногие люди способны убедить себя в существовании того, чего они никогда не смогут увидеть, потрогать, почувствовать, услышать, познать или понять; поэтому вместо небытия, которое, как они полагают, мы предлагаем им, если скажем им, насколько мы ничего не знаем, мы предлагаем им в качестве ориентиров некоторые проявления воли, которые, как нам кажется, мы различаем в мраке времени и пространства...»

Это признание полного незнания первопричины, сущности бога богов, мы также находим в основе египетской религии. Но вполне возможно, что, будучи утраченным из виду — ведь люди не любят задерживаться в безнадежном невежестве — его необходимо было повторить посвященным, уточнить, подчеркнуть, развить его последствия; и, таким образом, раскрытый во всей своей полноте, он стал основой тайной доктрины. Мы действительно видим, что в последующих теогониях спешили забыть признание, записанное на первых страницах священных книг. Его больше не принимали во внимание, оттесняли в мрак истоков и непостижимого. О нем больше не говорили; и все внимание было сосредоточено на богах, которые произошли от него, при этом всегда забывая добавить, что, будучи произведенными из невыразимого неизвестного, они по сути и по определению должны были участвовать в его природе и быть такими же неизвестными и непознаваемыми, как и он сам. Возможно, что тайное учение, предназначенное для верховных жрецов, возвращало их к более правильному представлению о первоизданной истине.

К этому признанию, сделанному посвященным, вероятно, не нужно было добавлять других объяснений, поскольку оно с самого начала разрушало все возможные объяснения. Что можно было, например, сказать им о первой, самой страшной из всех загадок, с которой сталкиваются сразу после загадки о причине причин: о происхождении зла? Экзотерические религии решали ее, раздвоя и умножая своих богов. Это было просто и легко. Были боги света, которые олицетворяли и творили добро, и боги тьмы, которые олицетворяли и творили зло; они сражались между собой во всех мирах; и хотя боги добра всегда были сильнее, они никогда не одерживали полной победы на этой земле. Наиболее яркие проявления этого дуализма мы встречаем в мифологии Авесты, где они носят имена Ормузда и Аримана; но под другими названиями, в других формах и в бесконечном множестве мы встречаем их во всех религиях и даже в христианстве, где Ариман становится князем демонов.

Но что можно было сказать посвященным? Современные теософы, которые утверждают, что раскрывают хотя бы часть тайных учений, подразделяя проявления неизвестного принципа, лишь воспроизводят в другой форме слишком простые объяснения экзотерической религии и остаются так же далеки от источника загадки, как и она; и во всей области оккультизма мы не имеем даже намека на начало объяснения, которое отличалось бы чем-либо, кроме терминов, от объяснений официальных религий. Поэтому мы не знаем, что им раскрывали; и вполне вероятно, что, как и в случае с тайной первопричины, им приходилось признаваться, что ничего не знают. Вероятно, им можно было сказать только то, что сказали бы нам сегодня оптимистические философы, а именно, что зло не существует само по себе, а существует только с нашей точки зрения, что оно чисто относительно, что моральное зло — это лишь слепота или фантазия нашего разума, а физическое зло — это дефектная организация или ошибка нашей чувствительности; что самая ужасная боль — это лишь удовольствие, неверно переданное нашими нервами, так же как самое острое удовольствие — это уже боль. Возможно, это и правда; но несчастный человек и, прежде всего, несчастное животное, у которых нет другой жизни, кроме этой, когда эта жизнь, как это слишком часто бывает, является лишь сотканной из невыносимых страданий, имеют право на некоторые дополнительные разъяснения.

Их давали, ссылаясь на последующие жизни, на системы искупления и очищения. Но эти объяснения, превосходные, когда допускается гипотеза о разумных богах, намерения которых известны, менее оправданы, когда речь идет о непознаваемой причине, которой нельзя приписать разум и волю, не отрицая, что она неизвестна. Если бы удалось дать

адептам другое убедительное объяснение, оно должно было бы содержать в себе ключ к разгадке загадки и раскрыть все тайны. Но даже тень этого призрачного ключа не дошла до нас.

XIII

Как бы ни были шаткими ее основы, опирающиеся лишь на непознаваемое, тем не менее эта первобытная религия оставила нам наследие в виде представлений о строении и эволюции Вселенной, о продолжительности преобразований звезд и Земли, о времени, пространстве и вечности, о взаимоотношениях материи и духа, о невидимых силах природы, о вероятных судьбах человека и о морали. Эзотерика всех религий, начиная, возможно, с Египта, а в любом случае с Персии, Халдеи, греческих мистиков и, наконец, средневековых герметистов, воспользовалась этими учениями и извлекла из них самую высокую и прочную часть своего престижа, приписывая их тайному откровению, пока открытие священных книг Индии не раскрыло их истинный источник и не восстановило справедливость. В сущности, эзотеризм никогда не был чем-то иным, как более ученым космогоническим учением, более рациональной, более грандиозной и более чистой теогинией, более высокой моралью, чем у обычных религий; кроме того, для поддержания или защиты своих доктрин он обладал секретом, с трудом передаваемым и часто ужасно затуманенным, манипулирования некоторыми забытыми силами. Сегодня мы можем распознать, под всеми искажениями, под всеми наслоениями, под всеми масками, иногда ужасно обезображенными, одно и то же лицо. С этой точки зрения, несомненно, что с момента публикации и перевода аутентичных текстов оккультизм, каким его понимали еще полвека назад, утратил три четверти своих лучших провинций. В частности, он утратил почти весь доктринальный интерес, за исключением средства контроля, поскольку теперь можно изучать из первоисточника, откуда он скупо проникал, все, что он тайно учил о Боге или богах, о происхождении миров, нематериальных сил, которые им управляют, о рае и аде, как их понимали евреи, греки и христиане, о строении тела и души, о судьбах души, ее ответственности и загробном существовании.

С другой стороны, если эти древние и подлинные тексты, наконец переведенные, доказывают нам, что почти все, что утверждал оккультизм с доктринальной точки зрения, не было чисто вымышленным, а основывалось на реальных и вековых традициях, они также позволяют нам предположить, что все, что он утверждал по другим вопросам, в частности об использовании некоторых неизвестных сил, также не является чисто вымышленным; и в этом он компенсирует то, что теряет в другом. Действительно, если мы обладаем основными священными книгами Индии, то почти наверняка существуют и другие, о которых мы еще не знаем, так же как вполне вероятно, что мы не проникли в скрытый смысл большого числа иероглифов. Поэтому вполне возможно, что оккультисты знали об этих писаниях или устных традициях благодаря проникновению, аналогичному тому, которое мы могли наблюдать. Похоже, что следы такого рода проникновений можно найти в их биологии, медицине, химии, физике, астрономии и, прежде всего, во всем, что касается существования более или менее нематериальных сущностей, которые, по-видимому, живут вокруг нас. В этом отношении оккультизм по-прежнему представляет интерес и заслуживает тщательного и методичного изучения, которое могло бы эффективно поддержать и, возможно, дополнить работы, которые независимые метапсихологи и ученые предприняли со своей стороны по тем же темам.

XIV

Что же касается первобытной традиции, то, хотя она утратила престиж оккультизма, хотя, с другой стороны, она грешит тем, что черпает все свои учения и утверждения из источника, который она сама объявила навсегда недоступным, непостижимым и непознаваемым, тем не менее, если абстрагироваться от этого недостатка, эти утверждения и учения являются самыми неожиданными, самыми высокими, самыми замечательными, самыми правдоподобными и наиболее часто подтверждаемыми фактами, которые человек знал до сих пор.

Имеем ли мы право, например, *априори* отвергать как детское воображение, не основанное ни на чем, понятие упадка человечества, которое мы не можем проверить, когда рядом с ним, почти в то же время, мы встречаем другое, столь же общее понятие всемирных и доисторических потоков и катаклизмов, которые геология материально подтвердила? Какой глубокой истине соответствует эта легенда о человечестве, более совершенном, более счастливым и более умном, чем наше? До сих пор мы ничего об этом не знаем; но мы также не знали, чему соответствует традиция великих катастроф, пока летописи этих потрясений, запечатленные в недрах земли, не открыли нам, что они имели место. Можно привести множество подобных примеров () гениальных интуиций или древних истин, следы которых наука обнаруживает или к которым она приходит сегодня. Я уже отмечал последовательное появление различных форм жизни, перечисленных в точном порядке, установленном палеонтологией. К этому следует добавить преобладающую роль эфира, этой невесомой космической жидкости, перехода от духа к материи, источника всего сущего, которую первобытная религия называла Акашей и которая, переходя от одного эха к другому, становится Телесмом Гермеса Трисмегиста, Живым Огнем Зороастра, Созидательным Огнем Гераклита, *Ignis subtilissimus* Гиппократы, Астральный свет Каббалы, Пневма Галлена, *Quinta essentia* и *Azoth* алхимиков, Дух жизни Святого Фомы Аквинского, Тонкая материя Декарта, *Spiritus subtilissimus* Ньютона, *Od* Рейхенбаха и Карла ду Преля, «бесконечный, таинственный и всегда находящийся в движении эфир, из которого все выходит и в который все возвращается», к которому наши ученые в своих лабораториях в конце концов вынуждены прибегать, чтобы объяснить множество явлений, которые без него были бы абсолютно необъяснимы. Все, что наши физики и химики называют теплом, светом, электричеством, магнетизмом, для наших предков было лишь элементарными проявлениями единственной субстанции. Тысячи лет назад они признали наличие и господствующее влияние этого вездесущего агента во всех явлениях жизни; так же как они описали, еще до наших астрономов, рождение и формирование звезд; так же как и мнимая химера трансмутации металлов, которую они завещали алхимикам средневековья, также подтверждается химической и тепловой эволюцией звезд, «которые, как отмечает Шарль Нордманн, дают нам полный пример этой трансмутации, поскольку более тяжелые металлы появляются в них только после легких элементов и когда они достаточно остыли»; наконец, поскольку мы должны ограничиться, в отличие от науки недавнего прошлого, они учили, что необходимо увеличить продолжительность существования миров, возраст Земли и время, которое пройдет между ее рождением и уничтожением, до миллионов веков, поскольку один день Брахмы, который соответствует эволюции нашего земного шара, составляет четыре миллиарда триста двадцать миллионов лет.

XV

По другому вопросу, более грандиозному и более важному, поскольку он содержит в себе радикальный закон нашей вселенной, у них также есть неожиданная традиция, которую

человечество никогда не сможет контролировать, за исключением небольшой части. Они говорят нам, что Космос, видимое проявление неизвестной и невидимой причины, никогда не был и никогда не будет чем-то иным, как непрерывной чередой расширений и сжатий, испарений и конденсаций, сна и пробуждений, вдохов и выдохов, притяжений и отталкиваний, эволюций и инволюций, материализаций и одухотворений, «интериоризаций и экстериоризаций», как говорит доктор Яворски, который обнаружил аналогичный принцип в биологии.

Неизвестная причина пробуждается; и в течение миллиардов лет миры излучают, рассеиваются, распространяются, расширяются в пространстве; она снова засыпает, и те же миры в течение миллиардов лет, прилетевшие со всех концов горизонта, притягиваются, концентрируются, сжимаются и коагулируются, чтобы больше не образовывать, не погибая, ибо ничто не подвержено гибели, единую массу, которая возвращается в невидимую причину. Мы находимся именно в одном из таких периодов сжатия или вдыхания, которому предшествует этот огромный и таинственный закон гравитации, который ничто не может объяснить, если он не является электрическим, магнитным или духовным, и который доминирует над всеми другими законами природы. Если все тела, согласно Ньютону, притягиваются друг к другу в прямой зависимости от их массы и в обратной зависимости от квадрата их расстояний, с вечности без начала, то вся материя вселенной должна была бы образовывать только один бесконечный блок, если не предполагать совершенного и непоколебимого равновесия, которое было бы вечной неподвижностью. В вечном движении небесных тел, где нерегулярное перемещение атома нарушило бы его, не представляется возможным существование такого равновесия. Фактически, почти наверняка его не существует, и Апокс, таинственное место небесной сферы, расположенное вблизи Веги, к которому стремится наша солнечная система со всем своим созвездием планет, возможно, станет для нас точкой разрыва и одной из первых фаз великого сжатия, которое, согласно последним расчетам астрономов, произойдет через 400 000 лет.

Но если это огромное сжатие должно почти неизбежно произойти, то однажды Вселенная станет лишь огромным блоком материи, компактным, бесконечным и, вероятно, навсегда мертвым, вне которого больше не будет возможности разместить что-либо. Будет ли этот безграничный блок, образованный всей космической материей, даже эфирной и почти духовной жидкостью, заполняющей невероятные межзвездные просторы, занимать все пространство, окончательно и навсегда застыв в смерти, или будет он плавать в пустоте, более тонкой, чем эфир, и отныне подчиняться другим волям? Кажется, что фундаментальный закон вселенной приводит к своего рода уничтожению, тупику или бессмыслице; с другой стороны, если отрицать это притяжение или вселенскую гравитацию, то отрицается единственное явление, которое можно с уверенностью наблюдать, и все миры остаются абсолютно беззаконными.

XVI

Воображение, интуиция, наблюдения или традиции наших предков преодолели эту тупиковую ситуацию. Под своей мифической или мистической фразеологией они рассматривали вселенную как электрическое явление, или, скорее, как огромный источник тонкой и непознаваемой энергии, подчиняющейся тем же законам, что и магнитная энергия, где все является действием и противодействием, где всегда существуют две противостоящие и антагонистические силы; и, переворачивая полюса магнита, они за притяжением следуют отталкиванием, за центростремительной силой — центробежная сила, за гравитацией — другой закон, который еще не имеет названия, который снова рассеивает материю и миры, чтобы начать новый день Брахмы. Это *solve et coagula* алхимиков.

Конечно, это всего лишь гипотеза, некоторые аспекты которой можно подкрепить лишь некоторыми электрическими и магнитными явлениями, а также свойствами радиоактивных тел, но в целом она, естественно, не поддается проверке. Однако любопытно отметить, что эта гипотеза, самая грандиозная, самая смелая, а также самая древняя, первая из всех, возможно, является единственной, к которой наука может присоединиться без отступлений. И здесь мы снова вправе задать вопрос: не были ли они более точны и дальновидны, чем мы, и способны ли мы представить себе космогонию, столь же обширную и правдоподобную, как их?

XVII

Если мы спустимся с этих высот к человеку, то обнаружим столь же замечательные интуиции или уверенности. Не вдаваясь в сложность более поздних подразделений, которые увлекли бы нас слишком далеко, ограничимся тем, что во всех первобытных учениях, которые удивительно согласуются между собой, человек состоит из трех основных частей: физическое тело, подверженное тлению, духовное начало, тень или астральный двойник (), также подверженный тлению, но гораздо более долговечный, чем тело, и бессмертное начало, которое после более или менее длительной эволюции возвращается к своему истоку, которым является Бог. Однако можно заметить, что в явлениях гипноза, магнетизма, медиумизма и сомнамбулизма, во всем, что касается некоторых необычайных способностей подсознания, которые кажутся независимыми от физического тела, а также в некоторых проявлениях из загробного мира, которые уже трудно отрицать, наши метапсихологические науки в некотором роде вынуждены признать существование этого астрального двойника, который выходит за пределы физического существа, может покинуть его, отделиться от него, действовать независимо и вдали от него; и, вероятно, пережить его, что, похоже, еще раз подтверждает, в чрезвычайно важном вопросе, почти доисторические интуиции наших индуистских и египетских предков.

XVIII

Как я уже неоднократно повторял, таких примеров можно привести множество; и каждый раз, когда наша наука подтверждает одну из этих интуиций или традиций, было бы разумно с большей уверенностью смотреть на те, которые еще ждут такого подтверждения. Чем больше будет доказано, что они не ошибались, тем больше будет шансов, что они не ошибались и в тех случаях, которые пока не поддаются проверке. Часто это самые важные моменты, которые затрагивают нас наиболее непосредственно и глубоко. Не делаем пока слишком общих или поспешных выводов, но пусть эти первые подтверждения или начала подтверждений побуждают нас временно и внимательно отнестись к другим гипотезам. Когда мы окончательно уладим эти первые вопросы, наши трудности еще не закончатся, но мы окажемся гораздо дальше, чем были, и это все, что мы вправе требовать или ожидать от любой религиозной или философской системы и даже от любой науки; не говоря уже о том, что малейший прогресс здесь, в центре всего, имеет несравненно более значительные последствия, чем прогресс по диаметру или окружности; ибо именно из этого центра или этой оси исходят все лучи огромного колеса, периферию которого наука едва ли изучила.

Надо раз и навсегда признать, что мы не можем ничего понять и объяснить, иначе мы были бы не людьми, а богами; или, скорее, единственным Богом. За исключением некоторых математических и материальных наблюдений, сущность которых, впрочем, мы не можем понять, все остальное – лишь гипотезы. Поэтому мы должны строить свою жизнь исключительно на гипотезах, не полагаясь на уверенность, которая, вероятно, никогда не придет. Поэтому важно правильно выбирать наши жизненные гипотезы, принимая только

самые высокие, лучшие и наиболее правдоподобные; и мы видим, что почти всегда это самые древние. В иерархии эволюции мы никогда не узнаем центральное или высшее существо, ни его последнюю мысль; но это не мешает нам стремиться узнать гораздо больше, чем мы знаем. Если мы не можем знать всего, это не повод смириться с тем, что мы не знаем ничего; и если другие науки, помимо науки в собственном или несобственном смысле этого слова, могут нам помочь, заставить нас двигаться быстрее и дальше, то полезно обратиться к ним или, по крайней мере, не отвергать их заранее и без рассмотрения, как это слишком часто и слишком легкомысленно делалось до сих пор.

XIX

Из всех этих утверждений и неуправляемых учений выберем только те, которые нас интересуют больше всего, в частности те, которые касаются нашего поведения в жизни, наказаний, ответственности, вознаграждений и вытекающей из них морали, тайн смерти, загробной жизни и окончательной судьбы человека.

До сих пор почти все учения, касающиеся этих вопросов, были для нас, европейцев, эзотерическими и скрывались в глубинах каббалы и гнозиса, преследуемых, измученных и малоизвестных наследников мудрости индусов, египтян, персов и халдеев. Но после прочтения санскритских текстов они больше не являются таковыми, по крайней мере в своих основных частях, потому что, хотя, как я уже сказал, мы далеки от познания всех священных книг Индии и, возможно, еще дальше от понимания тайного смысла иероглифов, тем не менее маловероятно, что новые откровения или более полные разъяснения могут серьезно изменить то, что мы знаем.

XX

Никаких правил поведения, никакой морали нельзя было извлечь из непознаваемой первопричины, из единого и непроявленного Бога. Ведь невозможно узнать, чего он хочет, поскольку невозможно познать его самого. Чтобы найти волю в бесконечности, во вселенной или в божестве, мы вынуждены броситься в непроверяемое и пересечь бездну нелогичности, о которой мы уже говорили, выводя из этой причины, которая, чтобы проявить себя, разделилась, одного или нескольких богов, эманации непознаваемого, которые внезапно становятся такими же известными, как если бы они вышли из рук человека. Несомненно, что основа морали, которая вытечет из этой произвольной операции, всегда будет шаткой и будет представлять собой лишь постулат, на который нужно закрыть глаза. Но примечательно, что после этой предварительной операции или одновременно с ней во всех примитивных религиях мы находим другую, которая является ее необходимым и в любом случае постоянным следствием: добровольное жертвование одной из этих эманаций непознаваемого, которая воплощается, отказывается от своих привилегий, чтобы обожествить человека, очеловечив Бога.

Египет, Индия, Халдея, Китай, Мексика, Перу — все они имеют миф о ребенке-боге, рожденном девой; и первый иезуитский миссионер в Китае обнаружил, что чудесное рождение Христа было предвосхищено Фу-Ке, рожденным в 3468 году до нашей эры. Было справедливо замечено, что если бы священник из древнего Фив или Гелиополиса вернулся на эту землю, он узнал бы в картине Рафаэля «Дева с младенцем» изображение Гора в объятиях Исиды. Египетская Исида, как и наша непорочная Дева, также изображалась стоящей на полумесяце и увенчанной звездами. Деваки также изображается держащей на

руках божественного Кришну или Кришну, как и Истар в Вавилоне, держащую на коленях ребенка Таммуза. Миф о воплощении, который также является солнечным мифом, повторяется из века в век под разными именами, но именно в Индии, где он, по всей вероятности, и зародился, мы находим его в самой чистой, возвышенной и значимой форме.

XXI

Не задерживаясь на спорных воплощениях Гермеса, Ману и Зороастра, которые невозможно проверить исторически, среди многочисленных воплощений Вишну, второй личности брахманской троицы, вспомним только два самых известных: восьмое, воплощение Кришны, и девятое, воплощение Будды. Чтобы приблизительно датировать первую, у нас есть Бхагават-Гита, которая выделяет замечательную фигуру Кришны. Католические индологи, чувствуя опасность, которую, с их слишком узкой точки зрения, воплощение Кришны представляет для воплощения Христа, признают, что Бхагават-Гита была составлена до нашей эры, но утверждают, что с тех пор она была переработана. Поскольку доказать эти изменения очень сложно, они добавляют, что, кроме того, если будет доказано, что «Бхагават-Гита» и другие столь же неудобные священные книги действительно предшествовали Христу, то они являются делом рук демона, который, предвидя воплощение Иисуса, хотел с помощью этих предзнаменований ослабить его влияние. Как бы то ни было, чисто научные индологи, такие как Уильям Джонс, Коулбрук, Томас Стрендж, Уилсон, Принцепс и др., сходятся во мнении, что она восходит по крайней мере к двенадцати или пятнадцати векам до нашей эры. Он действительно комментируется и анализируется в Мадана-Ратна-Прадипа, сборнике текстов древнейших законодателей, в Врихаспати, в Парасаре, в Нараде и во множестве других произведений, подлинность которых не вызывает сомнений. По мнению других востоковедов, стихи о Кришне не восходят к периоду, предшествующему Махабхарате, что в любом случае относит их к двум векам до нашей эры.

Что касается воплощения Сиддхартхи Гаутамы Будды или Шакья-Муни, то здесь нет никаких сомнений, поскольку Шакья-Муни был исторической личностью, жившей в V веке до нашей эры.

XXII

Все это, впрочем, достаточно хорошо известно, и нет смысла на этом настаивать. Но в чем может заключаться тайный смысл такого древнего, единодушного и озадачивающего мифа? Незвестная причина всех причин, разделяющаяся, спускающаяся с высот непостижимого, жертвующая собой, ограничивающая себя и становящаяся человеком, чтобы открыться людям? Не были бы все возможные интерпретации этого мифа неразумными, если мы не хотим видеть в этом непонятном мифе новое признание, на этот раз более косвенное, лучше замаскированное, более глубоко скрытое, фундаментального агностицизма, возвышенного и непобедимого невежества великих первобытных учителей? Они знали, что из непознаваемого может родиться только неизвестное. Они знали, что человек никогда не сможет познать Бога, и поэтому, не ища больше там, где всякая надежда была утрачена, они обращаются прямо к человеку, который является единственной вещью, которую они знают. Они говорят себе: нам невозможно знать, что такое Бог, где он находится, чего он хочет; но мы знаем, что, будучи везде и являя собой все, он обязательно находится в человеке и что он есть человек; поэтому только в человеке и через человека мы можем открыть его волю. Под символом воплощения они таким образом скрывают великую истину, что все божественные законы являются человеческими; и эта истина является лишь обратной стороной другой, столь же великой истины, а именно, что в человеке находится единственный бог, которого мы можем познать.

Бог проявляется в природе, но он никогда не говорил с нами, кроме как устами людей. Не ищите в других местах, в бесконечных и недоступных пространствах, Бога, о котором вы беспокоитесь; он скрывается в вас, и именно в вас вы должны его обнаружить. Он находится в вас в той же мере, что и в тех, в ком он, как кажется, воплотился более ярко. Каждый человек – это Кришна, каждый человек – это Будда; нет никакой разницы между богом, воплощенным в них, и богом, воплощенным в вас, но они сумели найти его в себе лучше, чем вы. Подражайте им, и вы станете равны им; а если вы не можете следовать за ними, то хотя бы слушайте то, что они вам говорят, потому что они могут сказать вам только то, что сказал бы вам бог, который находится в вас, если бы вы научились слушать его так же, как слушают его они.

XXIII

В этом заключается суть всей ведической религии и всех эзотерических религий, которые от нее произошли. Но в своем источнике истина едва ли окутана символами или прозрачными мифами. В ней нет ничего тайного, часто она даже утверждается громко, без колебаний и без завес. «Когда все другие боги становятся лишь исчезающими именами, — говорит Макс Мюллер, — остаются только *Атман*, субъективное я, и *Брахма*, объективное я, и высшая наука выражается в этих словах: *Tat twam, Hoc tu*, «Ты есть это», ты, твое истинное я, то, что не может быть отнято у тебя, когда исчезает все, что казалось твоим на время. Когда все, что было создано, исчезает, как сон, твое настоящее «я» принадлежит вечному «я»; *Атман*, личность, которая есть в тебе, — это истинный Брахма. Этот Брахма, от которого тебя на мгновение отделили рождение и смерть, но который снова принимает тебя в свое лоно, как только ты возвращаешься к нему[11]».

[11] Макс Мюллер, «Происхождение религии», стр. 321.

«Риг-Веда, или Веда гимнов, истинная Веда, или Веда по преимуществу, — продолжает Макс Мюллер, — заканчивается в Упанишадах, или, как их позже стали называть, в Веданте. Однако доминирующей нотой Упанишад является «Познай себя», то есть познай существо, которое является опорой твоего Я, и научись находить и узнавать его в вечном и высшем Существо, Едином, не имеющем себе равных, которое является опорой всего мира».

Култ на своей последней ступени, култ Ванапрастхи, то есть старика, человека, который заплатил свои три долга, который увидел «сына своего сына» и ушел в лес, становится чисто умственным и, в конце концов, самоанализ в самом глубоком смысле этого слова, то есть признание индивидуального «я» с вечным «я», становится единственным занятием, которое ему еще позволено[12].»

[12] Там же, с. 313.

«Ищи скрытое в твоем сердце Я», — говорит *Махабхарата*, последнее эхо великих учений, — «Брахма, истинный Бог, — это ты сам». Повторим, что это и есть суть ведической мысли, из которой вытекает все остальное. Чтобы найти ее, нам вовсе не нужна современная теософия, которая лишь подкрепила ее менее известными текстами, подлинность которых менее очевидна. Она никогда не была тайной, но самой своей величиной ускользала от глаз тех, кто не мог ее понять; и постепенно, по мере того как боги множились и становились доступными для людей, она была утрачена из виду. Только ее высота сделала ее эзотерической. В героические времена ведизма, когда почти все, выполнив свои обязанности по отношению к родителям и детям, уходило в лес, чтобы там спокойно дожидаться смерти, уйти в себя и найти

скрытого бога, с которым они скоро сольются, она была мыслью всего народа. Но народы не остаются долго верными вершинам. Чтобы не потерять с ними всякую связь, она должна была спуститься вниз, скрыть свое лицо, смешаться с толпой под тысячами масок. Тем не менее, мы всегда находим ее под все более густыми завесами, которыми она себя покрывает. «Человек — ключ к вселенной», — провозглашал еще фундаментальный аксиом средневековых герметистов, заглушенный голос под грудой нечитаемых текстов и неразборчивых гримуаров, как Новалис, возможно, не подозревая, что он обнаружил истину, старую на несколько тысяч лет, почти столь же старую, как и мир, повторил ее в последний раз, в слегка измененной форме, научив нас, что «наша первая обязанность — поиск нашего трансцендентального я».

Брошенные в бесконечной вселенной, где мы не можем знать ничего, кроме самих себя, разве это не единственная истина, которая остается на плаву, единственная, которая не является иллюзорной, единственная, которую мы можем, после стольких ошибочных интерпретаций, в которых мы ее не признавали, после стольких неудач, все еще надеяться обрести?

XXIV

Бог или первопричина непознаваемы; но, будучи вездесущими, они обязательно находятся в нас; поэтому именно в себе мы можем обнаружить то, что нам важно знать. Вот две опоры свода, поддерживающего первобытную религию и все другие, или, по крайней мере, реальную, но тайную доктрину всех тех, которые от нее происходят, то есть всех тех, которые мы знаем, за исключением фетишизма совершенно варварских народов. Она нашла их с самого начала, или, вернее, с того, что мы называем началом, за которым должно было быть прошлое, насчитывающее тысячи, а может быть, и миллионы лет. Мы не нашли других, и никогда не найдем, если только не произойдет невозможное откровение, по крайней мере в принципе, если не по факту; ибо ничто, что не является человеческим или божественно человеческим, не может дойти до нас. Мы вернулись к тому месту, откуда начали наши предки; и день, когда человечество достигнет другого, будет самым необыкновенным днем, который с момента рождения этого мира осветил нашу планету.

Итак, воплощения Бога в первобытной религиозной мысли являются лишь периодическими и спорадическими проявлениями, яркими, синтетическими и исключительными проявлениями Бога, который есть в каждом человеке. Это воплощение является всеобщим и латентным в каждом из нас; но если воплощение рассматривается как привилегия для человека, в котором оно происходит, то оно считается жертвой со стороны Бога. Вишну добровольно пожертвовал собой, ниспославшись в Кришну и Будду. Пожертвовал ли он собой также, ниспославшись в других людей? Откуда взялась эта идея жертвы? Она довольно загадочна и, без сомнения, восходит к очень древним традициям; в любом случае, она не кажется столь же рациональной, как две предыдущие. Нигде не объясняется, почему необходимо, чтобы эманация Бога спустилась в человека, который и так уже является божественной эманацией. Здесь есть пробел, который не заполняет миф о первородном грехе, который также остается необъясненным. Если только эта идея не основана просто на том наблюдении, что любой человек, который превосходит других, который видит выше и дальше, чем они, и учит их тому, чего они еще не могут понять, обязательно будет непонятым, преследуемым, принесенным в жертву и несчастным.

XXV

Эта идея, объяснимая или нет, тем не менее очень важна, поскольку именно она, по-видимому, направила первобытную мораль по одному из основных путей, по которым она следовала. Действительно, понятие непознаваемого, хотя и расширяло смелые мысли, которые осмеливались подниматься на его обнаженные вершины, могло дать только отрицательные уроки. Оно, безусловно, отбрасывало маленьких антропоморфных и почти всегда злобных богов, но оставляло на их месте только огромную и безмолвную пустоту. С другой стороны, пантеизм, столь же обширный, как и агностицизм, учил, что, поскольку Бог вездесущ и все есть Бог, все должно быть любимо и уважаемо; но из этого следовало, что зло, или, по крайней мере, то, что человек вынужден называть злом, будучи божественным, как и добро, должно быть любимо и уважаемо наравне с ним. Эта идея была слишком обнаженной, слишком неограниченной, слишком гигантски возвышалась над двумя полюсами вселенной, чтобы человек осмелился принять ее и выбрать путь.

Наконец, поиск скрытого в каждом из нас бога, который является одним из следствий этого пантеизма, если бы он остался без направления, мог бы привести только к опасным последствиям. В нас есть всевозможные боги или всевозможные инстинкты, мысли, желания, страсти, которые можно принять за богов; есть хорошие и плохие; и плохие часто более многочисленны и в любом случае легче найти, чем хорошие. Истинный Бог, высший, нематериальный, открывается лишь немногим. Этот Бог, который, в сущности, является лишь лучшими мыслями лучших из нас, необходимо было привлечь внимание других людей; познакомить их с ним и навязать им; и, возможно, именно так этот странный миф, который, вероятно, в глубине души является лишь признанием человеческого и естественного явления, постепенно проник, а затем укоренился и развился. Вполне вероятно, что, как и все, что связано с эволюцией человека, он не возник внезапно в одном единственном мозгу, а сформировался смутно и постепенно уточнился в ходе бесчисленных проб и ошибок на протяжении многих веков.

XXVI

Не задерживаясь больше на этой загадке, ограничимся констатацией того влияния, которое она оказала на первобытную мораль, с самого начала направляя ее к другим вершинам, чем те, которые указывал ей разум. Без нее первобытная мораль, которая верила, что слушает скрытого Бога, но в конечном счете слышала только человеческий разум, была бы лишь интеллектуальной моралью и могла бы отклониться в сторону бесплодного созерцания или холодного, жесткого, сурового и неумолимого рационализма; поскольку один только разум, даже когда он поднимается очень высоко и принимается за голос Бога, не достаточен, чтобы вести людей к вершинам самоотречения, доброты и любви. Пример первоначальной жертвы смягчил ее строгость и направил ее в другое русло, к цели, которую она, возможно, в конце концов угадала бы, но достигла бы только гораздо позже и после бесчисленных и жестоких ошибок.

Именно на этом мифе о воплощении основано догма — хотя в восточных религиях, строго говоря, нет догм — о реинкарнации, в которой находятся все наказания и все награды первобытной религии? Сущность человека, опора его «я», будучи божественной и бессмертной, после исчезновения тела, которое на время отделило его от его духовного источника, должна логически вернуться к этому источнику. Но с другой стороны, скрытый бог, посредством великих воплощений, ввел в мораль понятие добра и зла, и казалось недопустимым, чтобы душа, которая не слушала своего собственного голоса или голоса божественных наставников и более или менее осквернила себя в жизни, могла сразу и без

предварительного очищения вернуться в непорочный океан вечного духа. От воплощения до реинкарнации был всего один шаг, который, без сомнения, был сделан почти бессознательно; а от реинкарнации к последующим реинкарнациям и очищениям переход был еще легче; и из них вытекает вся индуистская мораль с ее кармой, которая, в сущности, является лишь судимостью души, судимостью, которая следует за ней, усугубляется или смягчается в ее палингенезиях, вплоть до нирваны, которая не является, как это слишком часто представляют, уничтожением или рассеянием в лоне Бога или, с другой стороны, соединение с Богом, совпадающее с совершенством человеческого духа, освобожденного от материи, совершенным согласием с законом, неизменным спокойствием в созерцании того, что есть, бескорыстной надеждой на то, что должно быть, и покоем в абсолюте, то есть в мире причин, где исчезают все иллюзии чувств; но более таинственное состояние, которое не является ни совершенным счастьем, ни небытием, а, строго говоря, и вновь, непознаваемым. «Что Совершенный существует за пределами смерти, говорит современный Будде текст, раскрывающий эзотерический смысл Нирваны, что Совершенный существует за пределами смерти, это неверно. Что Совершенного не существует за пределами смерти, это тоже неверно. Что Совершенный одновременно существует и не существует за пределами смерти, это тоже неверно[13]».

[13] *Санньята Никая*, т. II, фолианты 110 и 199.

Как очень хорошо сказал Олденберг, цитируя этот отрывок среди многих других, где содержится то же признание: «Это не означает отрицание Нирваны или Совершенного или вывод о том, что они вообще не существуют. Здесь ум подошел к грани непостижимой тайны. Бесполезно пытаться ее раскрыть. Если бы мы окончательно отказались от будущей вечности, мы бы говорили иначе; это сердце укрывается за завесой тайны. Разуму, который не решается признать вечную жизнь возможной, оно пытается вырвать надежду на жизнь, превосходящую всякое представление[14].»

[14] Oldenberg, *Le Bouddha*, стр. 235.

И это еще раз подтверждает древнее фундаментальное признание, что о всем, что касается сущности, мы ничего не знаем, ничего не можем знать, и в то же время это новое доказательство великолепной искренности и высокой и верховной мудрости первобытной религии.

Все ли существа в конце концов достигнут Нирваны? Что же тогда произойдет, и почему, раз все существует с вечности, не все еще достигли ее? На эти и другие подобные вопросы Веды отвечают лишь презрительным молчанием, но буддийские тексты, в том числе и этот, дают мудрый ответ тем, кто хочет знать слишком много: «Высшее не раскрыло этого, потому что это не служит спасению, не служит благочестивой жизни, отречению от земных вещей, уничтожению желаний, прекращению, покою, знанию, просветлению, Нирване; по этой причине Высшее ничего не раскрыло».

XXVII

Какова бы ни была ценность этих гипотез, несомненно, что мораль, которая, как мы видим, рождается из этого безграничного агностицизма и пантеизма, является самой высокой, самой чистой, самой бескорыстной, самой чувствительной, самой глубокой, самой тонкой, самой прозрачной, самой совершенной из всех, которые мы знали до сих пор и которые, без сомнения, мы можем надеяться познать.

Эта мораль, как и загадка воплощения и жертвы, о которой мы только что говорили, и многие другие моменты, которые мы лишь слегка затронули, требуют отдельного изучения, которое не является предметом нашего исследования. Достаточно напомнить, что она основана на принципе последовательных реинкарнаций и кармы.

Мир, собственно говоря, не был сотворен; в санскрите нет слова, соответствующего понятию «сотворение», как нет и слова, соответствующего понятию «ничто». Вселенная — это мгновенная и, без сомнения, иллюзорная материализация неизвестной духовной причины. Отделенная от духа, который является ее собственной, реальной и вечной сущностью, материя стремится вернуться к нему и, проходя через эволюцию за эволюцией, начиная с минералов, через растения и животных, чтобы достичь человека и превзойти его, она преобразуется и одухотворяется, пока не станет достаточно чистой, чтобы вернуться к своему истоку. Это очищение часто требует долгой серии реинкарнаций, но можно сократить их количество и даже положить им конец посредством интенсивного, героического и полного одухотворения, которое после смерти, а иногда даже в этой жизни, возвращает душу в лоно Брахмы.

Это объяснение необъяснимого, несмотря на возражения, которые возникают, в частности, по поводу происхождения и необходимости материи или зла, которые остаются в тени, стоит другого и имеет преимущество в том, что оно является первым по дате, кроме того, что оно является самым обширным, охватывает все, что можно себе представить, и исходит из великого духовного принципа, к которому, за неименованностью другого приемлемого, мы все более и более вынуждены возвращаться.

В любом случае, она доказала, что больше, чем любая другая, способствовала зарождению и развитию морали, которой человек никогда не достигал и которую он до сих пор не превзошел.

Чтобы дать достаточное представление об этом, потребовалось бы больше места, чем у нас есть, и это нарушило бы баланс данного исследования.

Прекрасно в этой морали, когда ее воспринимаешь у ее истоков, где она еще сохраняет свою чистоту, то, что она полностью внутренняя, полностью духовная. Ее наказания и награды находятся только в нашем собственном сердце. Нет судьи, который ждет душу при выходе из тела, нет рая, нет ада; потому что ад приходит только позже. Судья, ад или рай — это сама душа, только душа. Она не встречает никого и ничего. Ей не нужно судить себя, она видит себя такой, какая она есть, такой, какой ее сделали ее поступки и мысли, в конце этой жизни и предыдущих жизней. Наконец, она видит себя целиком в непогрешимом зеркале, которое протягивает ей смерть, и признает, что ее счастье или несчастье — это она сама. Она может наслаждаться или страдать только от самой себя. Она одинока в бесконечности, над ней нет бога, который улыбался бы ей или пугал ее; она сама тот бог, которого она разочаровала, недовольная или довольная. Ее осуждение или оправдание — это то, чем она стала. Она не может выйти из себя, чтобы отправиться в другое место, где она была бы счастливее. Она может дышать только в атмосфере, которую она сама создала, она является своей атмосферой, своим собственным миром и своей собственной средой; и она должна возвыситься и очиститься, чтобы этот мир и эта среда возвысились, очистились и расширились вместе с ней, вокруг нее.

«Душа, — говорит Ману, — является своим собственным свидетелем, душа — это свое собственное убежище; никогда не презирайте свою душу, этого превосходного свидетеля людей!»

«Злые люди говорят себе: «Никто нас не видит», но Боги смотрят на них, как и дух, который пребывает в них».

«О человек! Когда ты говоришь себе: «Я один с собой», в твоём сердце непрерывно пребывает этот высший Дух, внимательный и молчаливый наблюдатель всего добра и всего зла.

Этот Дух, который пребывает в твоём сердце, — суровый судья, неумолимый каратель, это Яма, судья мертвых[15].»

[15] Ману, VIII, 84, 85, 91, 92.

XXVIII

Между рождением и смертью, которая является лишь новым рождением, *Законы Ману* различают пять периодов: зачатие, детство, ученичество или изучение божественных и гуманитарных наук, состояние отца семейства и, наконец, состояние отшельника, готовящегося к смерти. Каждый из этих периодов имеет свои обязанности, которые необходимо выполнить, прежде чем можно будет уйти в лес. В ожидании этого столь желанного часа, «смирение, говорит Ману, воздаяние добром за зло, воздержание, честность, чистота, целомудрие и подавление чувств, знание священных книг, поклонение истине, воздержание от гнева — вот десять добродетелей, в которых заключается долг[16].»

[16] Ману, VI, 92.

Цель нашей жизни на этой земле — положить конец реинкарнациям, потому что реинкарнация — это наказание, которое душа вынуждена налагать на себя, пока не почувствует себя достаточно чистой, чтобы вернуться к Богу. «Достичь высшего состояния, говорит Ману, больше не возрождаться на этой земле, вот идеал! Быть уверенным в вечном счастье и в том, что земля больше не увидит нашу душу, приходящую снова, чтобы облечься в свою грубую субстанцию».

Это очищение, эта постепенная дематериализация, этот отказ от всякого эгоизма начинаются с самого начала жизни и продолжаются на всех этапах существования; но сначала необходимо выполнить все обязанности этой активной жизни: «Ибо, знают все, — говорят священные книги, — никто из вас не сможет погрузиться в лоно Брахмы только с помощью молитвы, и таинственное односложное слово сможет стереть ваши последние пятна только тогда, когда вы прибудете на порог будущей жизни, обремененные добрыми делами, и самыми заслуживающими из этих дел будут те, которые будут мотивированы любовью к ближнему и милосердием».

«Один добрый поступок, говорит Ману, лучше тысячи добрых мыслей, и те, кто выполняют свои обязанности, превосходят тех, кто их знает».

«Пусть мудрец постоянно соблюдает моральные обязанности (Ямы) с большим вниманием, чем благочестивые обязанности (Ниямы), ибо тот, кто пренебрегает моральными обязанностями, падает, даже если соблюдает благочестивые обязанности[17].»

[17] Ману, IV, 204.

XXIX

В жизни есть три четко различимых периода: активный или социальный период, когда человек создает семью, обеспечивает потомство, трудится своими руками, выполняет скромные обязанности повседневной жизни по отношению к своим близким и окружающим. В эти еще светские дни изобилуют самые ангельские заповеди смирения, уважения к жизни, терпения и любви.

«Зло, которое мы причиняем ближнему, — говорит Кришна, — преследует нас, как тень преследует наше тело».

«Так же как земля терпит тех, кто топчет ее и разрывает ее лоно, возделывая ее, так и мы должны отвечать добром на зло».

«Пусть он хорошо знает, что выше всего стоит уважение к себе и любовь к ближнему».

«Тот, кто выполняет все свои обязанности, чтобы угодить одному только Богу, не думая о будущем вознаграждении, может быть уверен в бессмертном счастье[18].»

[18] Там же, II, 15.

«Если благочестивый поступок исходит из надежды на вознаграждение в этом мире или в другом, этот поступок называется корыстным. Но тот, кто не имеет иного мотива, кроме познания и любви к Богу, называется бескорыстным[19]. » (Давайте на мгновение задумаемся над этими словами, которым уже несколько тысяч лет, и которые мы можем повторить, не изменив ни одной буквы, потому что Бог здесь, как и во всей ведической литературе, является лучшим и вечным в нас самих и во вселенной).

[19] Там же, XII, 89.

«Человек, все религиозные действия которого продиктованы корыстью, достигает ранга святых и ангелов (девов). Но тот, все благочестивые действия которого бескорыстны, навсегда отрекается от пяти элементов, чтобы обрести бессмертие в Великой Душе».

«Из всех вещей, которые очищают, чистота в приобретении богатства — лучшая. Тот, кто сохраняет свою чистоту, становясь богатым, действительно чист, а не тот, кто очистился землей и водой».

«Образованные люди очищаются прощением обид, милостыней и молитвой. Ум очищается знанием».

«Рука ремесленника всегда чиста, пока он работает».

«Хотя поведение ее мужа и достойно порицания, хотя он предается другим любовным увлечениям и лишен хороших качеств, добродетельная женщина должна постоянно почитать его как бога».

«Тот, кто осквернил воду какой-либо нечистотой, должен в течение целого месяца жить только на милостыню».

«Чтобы не причинить смерти ни одному животному, санньяси (то есть аскет-нищий) должен днем и ночью, даже рискуя причинить себе вред, ходить, глядя в землю[20].»

[20] Там же, XII, 90; V, 106, 107, 129, 154; XI, 255; VI, 68.

«За то, что один раз и без злого умысла срубили плодоносящие деревья, кусты, лианы, вьющиеся или ползучие растения в цвету, нужно повторить сто молитв Риг-Веды».

«Если кто-то без нужды вырывает культивируемые растения или растения, произрастающие спонтанно в лесу, он должен в течение целого дня следовать за коровой и питаться только молоком».

«Путем признания перед всеми, раскаяния, преданности, чтения священных молитв грешник может быть освобожден от своей вины, а также путем подаяния милостыни, когда он не может совершить иного покаяния».

«Насколько его душа испытывает сожаление о плохом поступке, настолько его тело освобождается от бремени этого порочного поступка».

«Успех всех дел в мире зависит от законов Судьбы, определяемых поступками смертных в их предыдущих жизнях, и от поведения человека; постановления Судьбы являются тайной; поэтому необходимо прибегать к средствам, зависящим от человека».

«Справедливость — единственный друг, который сопровождает людей после смерти, ибо всякая привязанность подвержена тому же разрушению, что и тело[21]».

[21] Там же, XI, 142, 144, 227, 229; VII, 205.

«Если тот, кто бьет вас, уронит палку, которой он пользуется, поднимите ее и верните ему без ропота».

«Не бросайте животных в старости, в память об услугах, которые они вам оказали[22].»

[22] Сама Веда.

«Тот, кто презирает женщину, презирает свою мать. Слезы женщин привлекают небесный огонь на тех, кто заставляет их течь».

«Честный человек должен падать под ударами злых, как сандаловое дерево, которое, когда его срубают, ароматизирует топор, который его ударяет[23].»

[23] Прадаса.

«Носить три палки аскета, соблюдать молчание, носить волосы в косе, брить голову, одеваться в одежды из коры или шкур, выполнять обеты и омовения, праздновать Агнихотру, жить в лесу, истощать тело — все это бесполезно, если сердце не чисто».

«Тот, кто, независимо от того, насколько он заботится о себе, практикует спокойствие души, кто спокоен, покорный, сдержанный, целомудренный и перестал критиковать других, тот действительно является брахманом, шраманом (аскетом), бхикшу (нищим монахом)».

«О Бхарата, для чего нужен лес тому, кто овладел собой, и для чего он нужен тому, кто не овладел собой? Везде, где живет человек, овладевший собой, там и есть лес, там и есть отшельничество».

«Мудрец, оставаясь в своем доме, как бы он ни заботился о себе, если он всегда чист и полон любви на протяжении всей своей жизни, освобождается от всех бед».

«Не отшельничество делает добродетель; добродетель приходит только с практикой. Поэтому человек не должен делать другим то, что было бы болезненно для него самого».

«Мир поддерживается всяким действием, цель которого — только жертва, то есть добровольное самоотдавание; именно в этом добровольном самоотдании, без привязанности к формам, человек должен совершать действие. Действие должно совершаться с единственной целью — служить другим. Тот, кто видит бездействие в действии и действие в бездействии, является мудрецом среди людей; он находится в гармонии с истинными принципами, какое бы действие он ни совершал. Такой человек, отказавшись от всякой привязанности к плодам действия, всегда довольный, ни от кого не зависящий, хотя и совершающий действия, как будто их не совершает. Все его мысли, проникнутые мудростью, и все его поступки, состоящие из жертв, как будто испарились[24].»

[24] Ванапарва, 13445. — Притчи Буддгоши. — Кантипарва, 5951. — Ванапарва, 13550. — Законы Яджнавалкьи, III, 65. — Бхагават-Гита.

XXX

Вот несколько случайно выбранных из огромного, еще частично неизвестного сокровища советов, которым тысячи лет и которые задолго до появления христианства вели людей доброй воли к опушке леса. Итак, как говорит Ману, «когда глава семьи видит, как его кожа морщится, а волосы седеют, и перед его глазами появляется сын его сына», когда у него больше нет обязанностей, когда никто больше не нуждается в его помощи, будь он самым богатым купцом в городе или самым бедным крестьянином в деревне, он может наконец посвятить себя вечным вещам, оставить свою жену, детей, близких, друзей, «взять шкуру газели или плащ из коры», чтобы уединиться в одиночестве, углубиться в огромный тропический лес, забыть о своем теле и тщетных мыслях, которые рождаются в нем, и слушать голос Бога, скрытого в глубине его существа, голос «невидимого путешественника, говорит брахман со ста путями, неслышимого слушателя, немыслимого мыслителя, неизвестного знатока, Атмана, внутреннего водителя, нетленного, вне которого есть только боль. Он может медитировать о бесконечности пространства, бесконечности разума и «небытии ничего», уловить момент просветления, который приносит «освобождение, которому никто не может научить, которое нужно найти самому, которое невыразимо», и очистить свою душу, чтобы избавить ее, если это возможно, от нового возвращения на эту землю.

Дойдя до этого, «пусть он не желает смерти, пусть он не желает жизни; как жнец, который вечером мирно ждет своей платы у дверей своего хозяина, пусть он ждет, пока наступит момент».

«Пусть он размышляет, с максимальной сосредоточенностью ума, о тонкой и неделимой сущности Высшей Души и о ее существовании в телах самых высоких и самых низких существ».

«С удовольствием размышляя о Высшем Существе, не нуждаясь ни в чем, недоступном для любых чувственных желаний, не имея другого общества, кроме своей души и мысли о Боге, пусть он живет в постоянном ожидании вечного блаженства».

«Ибо главная из всех обязанностей — это приобретение знания о высшей душе, это первая из всех наук, ибо только она дарует человеку бессмертие».

«Таким образом, человек, который признает в своей собственной душе высшую душу, присутствующую во всех существах, проявляет одинаковое отношение ко всем и обретает самую счастливую судьбу — быть в конце концов поглощенным лоном Брахмы[25].»

[25] Ману, VI, 45, 65, 49; XII, 85, 125.

«Отрекшись таким образом от всякой благочестивой практики, от всякого аскетического поклонения, сосредоточив свой ум на едином созерцании великой Первопричины, свободный от всякого злого желания, его душа уже стоит на пороге Сварга, в то время как его смертное тело еще бьется, как последний проблеск гаснущей лампы[26].»

[26] Там же, VI, 96.

XXXI

Не забываем, что почти все это появилось задолго до буддизма, восходит к истокам брахманизма и напрямую связано с Ведами. Согласимся, что эта мораль, о которой я смог дать здесь лишь самое общее представление, первая, которую познало человечество, является также самой высокой из всех, которые оно практиковало. Она исходит из принципа, который даже сегодня, со всем тем, что мы, как нам кажется, узнали, мы не можем оспорить, а именно, что человек и все, что его окружает, является лишь своего рода эманацией, мгновенной материализацией неизвестной духовной причины, к которой он должен вернуться; и лишь выводит из этого принципа с несравненной красотой, возвышенностью и логикой его последствия. Здесь нет внезапного откровения, Синая, грома в небе, бога, специально сошедшего на нашу планету. Ему не нужно было спускаться, он уже был в сердцах всех людей, потому что все люди являются лишь частью его самого и не могут быть чем-то другим. Они спрашивают этого бога, который, кажется, обитает в их душах, в их умах, одним словом, в нематериальном принципе, дающем жизнь их телам. Он не говорит им, правда, или, может быть, говорит, но они не могут понять, почему он на время и, по-видимому, навсегда отделил их от себя; и это — источник зла и необходимость испытания — постулат, столь же недоступный, как и тайна первопричины, с той разницей, что тайна первопричины была неизбежна, а необходимость этого непостижима. Но если принять этот постулат, все остальное проясняется и разворачивается как силлогизм. Материя — это то, что отделяет нас от Бога, дух — то, что нас с Ним объединяет; поэтому дух должен преобладать над материей. Но дух — это не только разум, это еще и сердце, чувства, все, что не является материальным; поэтому он должен во всех своих формах очищаться, расширяться, возвышаться и торжествовать над материей. Никогда не было и, я думаю, не может быть более грандиозной, более логичной, более неопровержимой, более реалистичной в том смысле, что она основана только на реальности, и более божественно человеческой духовной эволюции. Несомненно, что после стольких веков, после стольких приобретений и опыта мы находимся в той же точке. Исходя, как и они, из непознаваемого, мы не можем найти ничего другого и не можем выразить это лучше. Единственное, что было бы выше тех огромных усилий, которые они предприняли в своих словах, — это смиренное молчание, предпочтительное в теории, но на практике ведущее только к неподвижному и отчаянному невежеству.

ЕГИПЕТ

I

Говоря о Нуне, Туме и Птахе, мы уже видели представление египтян о первопричине, о сотворении или, скорее, о проявлении или манифестации вселенной. По крайней мере, в том виде, в каком мы ее знаем по, вероятно, неполному переводу иероглифов, она менее яркая, менее глубокая и менее метафизическая, аналогична ведам и свидетельствует об общем источнике.

Сразу после загадки первопричины они тоже неизбежно столкнулись с неразрешимой проблемой происхождения зла и, не осмеливаясь слишком углубляться в нее, нашли более бледное, более уклончивое решение, но в сущности почти схожее с решением индусов. В осиризме дух и материя называются светом и тьмой; и «Сет, антагонист Ра-света, в мифах о Ра, Осирисе и Горе, не является богом зла, говорит Ле Паж Ренуф, он представляет собой физическую реальность, постоянный закон природы[27]». Он — бог, столь же реальный, как и его противники, и его культ столь же древен, как и их. У него были свои жрецы, как и у них, и он — сын той же неизвестной причины. Он настолько неотделим от противостоящей ему силы, что на некоторых памятниках головы Гора и Сета возвышаются над одним и тем же телом и образуют единого бога.

[27] *Op. cit.*, p. 115.

После тех же признаний в невежестве, здесь, как и в Индии, миф о воплощении уточняет и направляет мораль, которая, выйдя из непознаваемого, не могла принять форму и быть познанной только в человеке и через человека. Осирис, Гор, Тот или Гермес, который, по словам оккультистов, пять раз принимал человеческий облик, являются лишь наиболее запоминающимися воплощениями бога, который живет в каждом из нас. Из этих воплощений вытекает менее яркая, менее обильная, менее сильная — поскольку египетский гений не обладает масштабностью, возвышенностью, абстрактной силой индийского гения, — более скромная, более приземленная мораль, но той же природы, что и у Ману, Кришны и Будды, или, вернее, у тех, кто в глубине веков предшествовал Ману, Кришне и Будде. Эта мораль содержится в «*Книге мертвых*» и в надгробных надписях. Некоторые папирусы, на которых воспроизведена *Книга мертвых*, имеют возраст более четырех тысяч лет, но тексты этой же книги, которые покрывали почти все гробницы и почти все саркофаги, вероятно, еще более древние. Наряду с клинописными надписями, это самые древние письменные источники с точной датой, которые имеет человечество. Самый почитаемый из моральных кодексов, работа Птахотепа, еще не до конца расшифрованная, современная пирамидам, опирается на авторитет гораздо более древних предков. «Ни одна из христианских добродетелей, — говорит Ф.-Ж. Шапас, один из первых великих египтологов, — не забыта в египетской морали. Благочестие, милосердие, доброта, самообладание в словах и поступках, целомудрие, защита слабых, доброжелательность к смиренным, почтение к вышестоящим, уважение к чужой собственности, вплоть до мельчайших деталей, — все это выражено в прекрасном языке».

II

«Я не сделал зла ребенку, — гласит надгробная надпись. Я не угнетал вдову, я не жестоко обращался с пастухом. При моей жизни не было ни одного нищего; и когда наступили годы голода, я вспахал всю землю провинции, накормил всех ее жителей и сделал так, что вдова была как будто не потеряла своего мужа[28].»

[28] Надписи Амени, *Denkm*, II, pl. 121.

Он «был отцом слабых, опорой тех, кто не имел матери; он был страшен для злых и защищал бедных. Он был мстителем тех, кого ограбили сильные мира сего. Он был мужем вдов и прибежищем сирот[29]». «Он был защитником смиренных, пальмой изобилия для нуждающихся, пищей для бедных, богатством для слабых, а его мудрость служила невежественным[30]. «Я был хлебом для голодного, водой для жаждущего, одеждой для нагого, убежищем для нуждающегося. То, что я сделал для них, Бог сделал для меня»[31], — гласят другие надписи, повторяя ту же тему доброты, справедливости и милосердия. «Хотя я

был великим, я всегда вел себя так, как будто я был маленьким. Я никогда не преграждал путь тому, кто был лучше меня. Я всегда повторял то, что мне говорили, точно так, как мне говорили. Я никогда не одобрял низкое и злое, но с удовольствием говорил правду. Искренность и доброта, которые были в сердцах моего отца и моей матери, моя любовь вернула им. Я был радостью для своих братьев, другом для своих товарищей, принимал путников на дороге; мои двери были открыты для тех, кто приходил извне, и я давал им возможность освежиться. Я не колебался в том, чтобы исполнить то, что диктовало мне сердце[32].»

[29] Плита Антюфа. Лувр, С. 26.

[30] Британский музей, 581.

[31] Dumichen, *Kalenderinschriften*, XLVI.

[32] Бергманн, *Hieroglyphische Inschriften*, табл. VI, I. 8; табл. VIII, IX.

III

В «Книге мертвых», когда после долгого и страшного перехода через Дуау, который, как уже было сказано, не является египетским адом, а промежуточным состоянием между смертью и вечной жизнью, душа прибывает в страну «Менти», которую позже стали называть «Аменти», она оказывается перед Маат или Маит, самым загадочным божеством Египта. Маат — это прямая линия, она олицетворяет Закон, Справедливость-Истину, абсолютную Справедливость. Каждый из великих богов называет себя повелителем Маат, но она не признает никакого повелителя. Боги живут благодаря ей, она одна царит на земле, в небесах и в загробном мире; она одновременно является матерью бога, который ее создал, его дочерью и самим богом. В присутствии Осириса, сидящего на своем судейском троне, на одну из чаш весов кладут сердце умершего, символизирующее всю его моральную природу, а на другую чашу — изображение Маат. Сорок два божества, представляющие сорок два греха, за наказание которых они отвечают, стоят за весами, за стрелкой которых следит Гор, а Техутин, бог букв, записывает результат взвешивания. Все это, конечно, лишь аллегорическое представление, своего рода визуализация, проекция на экран этого мира того, что происходит в другом мире, в глубине души или сознания, которое судит себя после смерти.

Итак, если испытание проходит благополучно, происходит нечто необыкновенное, что раскрывает тайное, неожиданное и глубокое значение всей этой мифологии: человек становится богом. Он становится самим Осирисом. Он обнаруживает, что он подобен тому, кто его судит. Он присоединяет свое имя к имени Осириса, он становится Осирисом-таким-то. Он наконец обретает неизвестного бога, которым он был, не зная об этом. Он признает Вечного, скрытого в глубине его самого, которого он искал на протяжении всей своей жизни и который, наконец, освобожденный его добрыми делами, его духовными усилиями, оказывается идентичным богу, которого он слушал и поклонялся и к которому он хотел приблизиться, взяв его за образец.

Это, под другим образом, поглощение очищенной души в лоне Брахмы, возвращение к божественности того, что было божественного в человеке, а также, под драматической аллегорией, душа, которая судит сама себя и признает себя достойной вернуться к Богу.

IV

Рудольф Штайнер, который, когда не заблуждается в, возможно, правдоподобных, но непроверяемых видениях доисторического прошлого, астральных клише и жизни на других планетах, является очень точным и проницательным умом, замечательно осветил смысл этого суждения и этой идентификации души с Богом. «Существо Осирис, — говорит он, — является лишь самой совершенной степенью человеческого существа. Само собой разумеется, что Осирис, который царит в качестве судьи над вечным порядком вселенной, сам по себе является лишь совершенным человеком. Между человеческим состоянием и божественным состоянием существует лишь разница в степени. Человек находится в процессе развития; в конце своей карьеры он становится Богом. В этой концепции Бог — это вечное становление, а не законченный в себе Бог.

«Таков универсальный порядок, и очевидно, что только тот, кто уже стал Осирисом, может войти в жизнь Осириса, прежде чем постучать в дверь вечного храма. Таким образом, высшая жизнь человека состоит в том, чтобы превратиться в Осириса. Человек становится совершенным, когда живет как Осирис, когда проходит через то, через что прошел Осирис. Миф об Осирисе приобретает тем самым более глубокий смысл. Он становится образцом для того, кто хочет пробудить Вечного в себе[33]».

[33] Рудольф Штайнер, *«Христианская тайна и древние тайны»*. Перевод Дж. Зауэрвейна, стр. 170.

V

Эта осирификация, это обожествление души праведника всегда удивляло египтологов, которые не понимали ее скрытого смысла и не видели, что она соединяется с ведическим нирваной, которой она является лишь драматизированной копией. Но аутентичные тексты существуют, и даже с экзотерической точки зрения невозможно придать им другое значение. Суть египетской религии, под всей ее паразитической растительностью, которая постепенно стала чудовищной, вполне совпадает с сутью ведической религии; с одной и той же отправной точки в непознаваемом, это поклонение и поиск бога в человеке и возвращение человека в бога. Праведник, то есть тот, кто в течение своей жизни стремился найти вечное в себе и слушать его голос, освободившись от своего тела, становится не только Осирисом; но так же, как Осирис является другими богами, он также становится другими богами. Он говорит, как если бы он был Ра, Тму, Себ, Шну, Гором и так далее. «Ни люди, ни боги, ни духи умерших, ни люди прошлого, настоящего и будущего, кто бы они ни были, не могут больше причинить ему вреда. Он тот, кто идет в безопасности. Его имя — «Тот, кого люди не знают». «Его имя — вчерашний день, который видит бесчисленные дни, проходящие в триумфе по дорогам неба». «Он — Господь вечности. Он — властелин королевской короны, и каждый из его членов — бог».

VI

Но что происходит, если приговор не благоприятный, если душа не признана достойной вернуться в вечность, снова стать богом, которым она была? Никто этого не знает. Все, что было сказано о наказаниях, искуплении, очистительных переселениях, не основано ни на одном подлинном тексте. «Ни в одном из египетских текстов, обнаруженных до сих пор, не найдено следа подобной концепции, — говорит Ле Паж Ренуф. — Преобразования после смерти, как нам прямо сказано, зависят исключительно от воли умершего или его гения[34]», то есть от его души. Разве это не означает также, что они зависят только от суждения души о

себе самой и что только она признает и решает, как индуистская душа, ответственная за свою карму, достойна ли она войти в божественность; другими словами, что рай и ад существуют только в нас самих?

[34] Le Page Renouf, *op. cit.*, p. 183.

Но что с ней происходит, если она не считает себя достойной быть богом? Она ждет или перевоплощается? Ни один египетский текст не позволяет решить этот вопрос; нет также никаких следов промежуточного состояния между смертью и вечным блаженством. Погребальные обряды не дают никаких указаний по этому поводу. Они, кажется, предполагают для умершего загробную жизнь, точно такую же, как и земная, только на другом уровне. Но эти обряды, по-видимому, не относятся к самой душе, к божественному началу. Египетская религия, как и другие примитивные религии, различает в человеке три части: физическое тело, брэнное духовное начало, своего рода отражение тела, которое переживало его, тень или, скорее, двойник, который по своему желанию мог слиться с мумией или отделиться от нее, и, наконец, чисто духовное начало, истинная и бессмертная душа, которая после суда становилась богом.

Обезумевший двойник, а не душа, которая снова становилась Осирисом, блуждал в страданиях между видимым и невидимым миром, как, по-видимому, делают бесплотные души наших спиритуалистов, если бы похоронные обряды не приходили ему на помощь, чтобы вернуть его и удержать рядом с телом, которое он покинул. Весь ритуал был направлен на то, чтобы как можно дольше продлить существование этого двойника, обеспечивая его потребности, аналогичные потребностям его земной жизни, удерживая его рядом с его нетленным мумифицированным телом, приковывая его к месту, которое ему было приятно.

Предполагалось, что существование этого двойника будет очень долгим. Например, табличка из Лувра показывает нам, что Псамтик, сын Утахора, живший во времена²⁶-й династии, был жрецом трех правителей Великой пирамиды, умерших более 2000 лет назад.

Эта идея двойника, как отмечает Герберт Спенсер, является универсальной. «Везде, — говорит он, — мы видим выраженную или подразумеваемую веру в то, что каждый человек имеет двойника и что, когда он умирает, его другое «я», оставаясь рядом или уходя далеко, может вернуться и способно навредить его врагам или помочь его друзьям».

Этот египетский двойник – не что иное, как перисприт, астральное тело оккультистов, эта бесплотная сущность, это подсознание, более или менее независимое от нашего тела, этот неизвестный гость, к которому, вопреки своей воле, возвращаются наши современные метапсихологи, когда они наблюдают определенные гипнотические или медиумические проявления, определенные явления телепатии, действия на расстоянии, материализации и посмертные явления, которые в противном случае были бы практически необъяснимы. И снова древние религии опередили нашу науку, увидев, возможно, более точно и дальше, чем она. Я говорю «возможно», потому что, хотя существование двойника, астрала или подсознательного существа, практически независимого от нашего мозга, в отношении живых людей уже практически не подвергается сомнению, в отношении умерших оно все еще может быть предметом дискуссий. Несомненно, в поддержку этого существования накапливаются чрезвычайно тревожные факты; только их интерпретация еще не является окончательной. Но древняя египетская гипотеза становится все более правдоподобной и тысячи лет назад заранее опровергала главное возражение, которое выдвигают спиритуалистам, когда им говорят, что их бесплотные духи – лишь несвязные и испуганные призраки, прежде всего заботящихся об установлении своей личности и удержании своей прежней жизни, жалкие маны, которым смерть ничего не открыла и которые не могут ничего

рассказать нам о своей загробной жизни, бледном отражении их прежней жизни. В самом деле, вполне объяснимо, что этот бесплотный дух не знает ничего, кроме того, что он знал при жизни. Египетский двойник, который является лишь его копией, не был настоящей душой, бессмертной душой, которая, если суд Аменти был к нему благосклонен, возвращалась в бога или, скорее, снова становилась богом. Погребальные обряды не имели отношения к этой душе, судьба которой была предрешена приговором Маат; они хотели только сделать менее прекарным, менее жалкое посмертное существование этого задержавшегося и более медленно растворяющегося принципа, этого рода духовного отхода, этого нервного, магнетического или флюидного призрака, который был человеком и теперь представлял собой лишь пучок стойких и не имеющих пристанища воспоминаний. Они стремились смягчить ему переход от смерти к вечному забвению, сохраняя вокруг него предметы этих воспоминаний. Египтяне, без сомнения, более четко, чем мы, осознавали существование этого двойника, о котором мы только начинаем догадываться; ведь их цивилизация, унаследовавшая остатки древних цивилизаций, была гораздо более древней, чем наша, и больше склонялась к духовным и невидимым сторонам жизни. Но они не предрешали ничего, так же как спиритическая гипотеза, если бы она была правильно представлена, не предрешала бы ничего относительно судьбы самой души.

Двойник не подвергался никакому суду. Независимо от того, был ли человек добрым или злым, справедливым или несправедливым, он имел право на одинаковые погребальные обряды, на одинаковое существование за гробом. Его наказанием или наградой был он сам, то есть продолжение того, чем он был, продолжение на другом плане той жизни, высокой или низкой, узкой или широкой, умной или глупой, щедрой или эгоистичной, которую он вел на земле.

Заметим, что в наших спиритических проявлениях также не идет речи о награде или наказании. Наши бесплотные, даже если они были верующими, почти никогда не упоминают о посмертном суде, аде, рае, чистилище, а когда в исключительных случаях они об этом говорят, можно почти наверняка заподозрить некоторую телепатическую интерполяцию. Они являются или, если угодно, кажутся такими, какими были при жизни: более или менее последовательными, более или менее образованными, более или менее умными, более или менее волевыми, в зависимости от того, насколько последовательными, образованными и волевыми были их мысли. Они находят только то, что посеяли на духовных полях этого мира. Но они не подверглись, — и это единственное отличие, — как египетский двойник, магическому заклинанию, которое, справедливо или нет, к их счастью или несчастью, нарушая законы природы, привязывало его к его физическим остаткам и мешало ему плыть, как обломку, между материальным миром, где он больше не мог жить, и духовным миром, куда ему, казалось, было запрещено проникнуть.

VII

Был ли двойник счастлив благодаря этой заботе, этому поклонению и этой предусмотрительности? Не смеем утверждать это. Существует ужасный текст, надгробная надпись жены Пашеренпата, которая является самым душераздирающим криком сожаления и отчаяния, который мертвые издавали в адрес жизни. Правда, эта надпись относится к эпохе Птолемеев, то есть к последним временам Египта, искаженного Грецией, за два или три века до нашей эры. Она показывает нам упадок и почти гибель египетской веры; и что еще более серьезно и тревожно, говоря об Аменти, она, кажется, смешивает судьбу двойника с судьбой бессмертной души. Вот эта надпись, которая свидетельствует о том, к каким неопределенностям приводят самые прочные и утвердительные религии; и о том, как в

конце своего пути они погружают нас обратно в мрак великой тайны, в хаос непознаваемого, из которого они вышли.

«О, мой брат, мой супруг, не переставай пить, есть, опустошать чашу радости и жить в праздниках. Каждый день следуй своим

желания и не позволяй заботам проникать в твое сердце, пока ты живешь на этой земле! Ибо Аменти — это страна глухого сна и тьмы, место скорби для тех, кто в ней обитает. Они спят в своих телах, они больше не просыпаются, чтобы увидеть своих братьев, они не узнают своих отцов и матерей; их сердца равнодушны к их женам и детям. Каждый на земле наслаждается водой жизни, но жажда не покидает меня. Вода приходит к тому, кто живет на земле, но я жажду воды, которая находится рядом со мной. Я не знаю, где я нахожусь с тех пор, как оказался в этом месте, и я молю о текущей воде, я молю о бризе на берегу реки, чтобы он освежил боль моего сердца. Ибо Бог, который здесь, называется «Абсолютная Смерть». Он призывает всех людей, и все приходят к нему, дрожа от страха. У него нет уважения ни к людям, ни к богам; рядом с ним великие такие же, как и малые. Боятся молиться ему, потому что он не слушает. Никто не приходит к нему, потому что он не добр к тем, кто его поклоняется, и не принимает во внимание приносимые ему жертвы[35]».

[35] Sharpe, *Egyptian Inscriptions*, I, pl. 4.

VIII

А как насчет реинкарнации? Обычно считается, что Египет — это страна палингенезии и метемпсихоза. Но это не так. Ни один египетский текст не содержит упоминания об этом. Правда, душа, становясь Осирисом, могла принимать любые формы, но это не реинкарнация в прямом смысле слова, искупительная и очищающая реинкарнация индусов. Все, что нам известно на эту тему, основывается главным образом на тексте Геродота, который отмечает, что «египтяне были первыми, кто утверждал, что душа человека бессмертна. Непрерывно, из умирающего живого существа она переходит в другое, которое рождается, и, когда она прошла весь земной, водный и воздушный мир, она возвращается, чтобы войти в человеческое тело. Это круговое путешествие длится 3000 лет. Эта теория была более или менее близко принята многими греками; я знаю их имена, но не пишу их[36]».

[36] Геродот, II, 123.

Точно так же все, что касается знаменитых таинств египетского посвящения, имеет относительно недавнее происхождение и датируется эпохой, когда индуистские, халдейские, иудейские и неоплатонические традиции и теории смешивались и бурно ферментировали в Александрии. Египет фараонов не говорит нам, что становилось с душой, которая не была беатифицирована. Возможно, она была вынуждена вернуться на землю, чтобы очиститься, и что секрет этой реинкарнации оставался известен только посвященным, как также возможно, что более точно интерпретированные тексты или другие, которые мы еще не знаем, оправдывают и объясняют эзотерическую традицию. Кроме того, как отмечает Седир, один из самых эрудированных оккультистов, не было бы удивительно, если бы часть секретов, которые не содержатся в надписях, которые мы считаем полностью понятными, пришли к нам из Халдеи, поскольку именно среди магов, на границах Тигра и Евфрата, Камбиз после завоевания Египта переселил всех священников этой страны, без исключения и без права на возвращение. Как бы то ни было, я повторяю, что чисто египетские тексты пока не позволяют решить этот вопрос.

ПЕРСИЯ

Персия займет нас меньше времени, поскольку ее религия, без сомнения, является отражением ведизма или, что более вероятно, свидетельствует об общем происхождении. Эжен Бернуф и Шпигель доказали, что некоторые части Авесты столь же древние, как и Риг.

Маздеизм или зороастризм, таким образом, представляется адаптацией ведизма или арийских традиций (атлантов, как сказали бы теософы) к иранскому менталитету, предшествовавших ведизму. Во время вавилонского плена, проникнув в халдейство, он оказал глубокое влияние на религию еврейского народа. Мы обязаны ему, среди прочего, такими понятиями, которые перешли в иудео-христианскую традицию, как бессмертие души, суд над ней, последний суд, воскресение мертвых, чистилище, вера в эффективность добрых дел с точки зрения спасения, обратимость наказаний и наград и вся наша ангеология.

Зороастризм пытался решить загадку зла более четко, чем другие древние религии, сделав его отдельным богом, вечно борющимся с Богом добра. Но этот дуализм скорее кажущийся, чем реальный. Ахура-Мазда, или Ормузд, или Ормузд, абсолютное и вселенское Существо, Слово, всемогущий и всеведущий Дух, Реальность, предшествует и доминирует над Агра-Майнюсом, или Ариманом, Нереальностью, то есть то, что является злом и обманом, что в своей тьме ничего не знает, кажется столь же низшим по отношению к Ормузду, как демон по отношению к христианскому Богу, и в конечном счете представляет собой лишь своего рода подражателя божества, неуклюже имитирующего его творения и способного производить только пороки, зло и несколько злобных существ, которые будут уничтожены в огромной победе добра; ибо конец света в системе Зороастра — это лишь возрождение творения.

Кроме того, нам не объясняют, почему верховный бог Ормузд вынужден терпеть Аримана, который, правда, не олицетворяет зло как таковое, а зло, необходимое для добра, тьму, необходимую для проявления света, реакцию, следующую за действием, отрицательный принцип или полюс, противоположный положительному, чтобы обеспечить жизнь и равновесие во вселенной.

Сам Ормузд, кстати, кажется, подчиняется необходимости или естественному закону, более могущественному, чем он сам, и прежде всего Времени, чьими постановлениями является Судьба, «потому что вне Времени, говорит *Улема*, все было создано, и Время является создателем. Время не позволяет увидеть ни вершины, ни корни, и оно всегда было и всегда будет. Умный человек не будет спрашивать: откуда взялось Время? Или было ли время, когда этой силы не существовало[37]».

[37] Ж. Дарместетер, *Ормузд и Ариман*, с. 320.

Было бы интересно изучить эту религию с точки зрения того, чем ей обязано христианство, которое заимствовало у нее столько же и даже больше, чем у брахманизма и буддизма. Следует также остановиться, хотя бы на мгновение, на ее морали, одной из самых высоких, чистых и благородных из известных нам. Но это исследование выходит за рамки нашей работы. Например, древней Персии мы обязаны замечательным понятием сознания, своего рода божественной силы, существующей вечно, независимой от материального тела, не принимающей участия в совершаемых ею грехах, оставаясь чистой среди худших заблуждений, сопровождая после смерти душу человека, который, если он был праведным, когда пересекает мост Чинват или мост Возмездия, видит, как к нему приближается девушка

чудесной красоты. «Кто ты, удивленная душа спрашивает ее, ты, которая кажется мне прекраснее и великолепнее любой девушки на земле?» И ее совесть отвечает: «Я твои собственные дела. Я воплощение твоих добрых мыслей, слов и поступков, я воплощение твоей веры, полной благочестия»[38]?»

[38] *Йест*, XXII.

Напротив, если мост Возмездия пересекает грешник, его сознание предстает перед ним в ужасном обличье, хотя само по себе оно не меняется, а лишь предстает перед людьми таким, каким они заслужили его увидеть. Эта аллегория, которая, казалось бы, взята из сборника христианских притч, возможно, датируется 5000 или 6000 лет назад и является лишь драматизацией индуистского кармы. Здесь, как и в «Карме» и «Осирификации», душа судит сама себя.

Мы также обязаны маздеизму загадочным и тонким понятием фравашы или фероуров, которое каббала заимствовала из Персии, а иудейский мистицизм и христианство превратили в ангелов и, прежде всего, в ангелов-хранителей. Оно подразумевает предсуществование душ. Феруры — это духовная форма существа, независимая от материальной жизни и предшествующая ей. Ормазд предлагает Феруэрам людей выбор: остаться в духовном мире или спуститься на землю, чтобы воплотиться в человеческих телах. Это своего рода прототипы, из которых Платон, вероятно, черпал свою теорию «Идей», предполагая, что всякая вещь имеет двойное существование: сначала в идее, а затем в реальности.

Добавим, что здесь повторилось явление, аналогичное тому, которое мы уже наблюдали в Индии: то, что было публичным и явным в маздеизме, постепенно стало тайным и было доступно только посвященным, откуда греки и евреи, в частности в своей каббале, позаимствовали его.

ХАЛДЕЯ

Халдея, то есть Вавилония и Ассирия, как и Персия, является родиной магов и обычно считается классической страной оккультизма; но и здесь, как мы видели в случае с Египтом, легенда мало согласуется с исторической реальностью.

На первый взгляд кажется, что Халдея должна нас особенно интересовать, но не потому, что она может научить нас чему-то большему, чем Индия, Египет и Персию, от которых она зависит, но потому, что именно в ней, по всей вероятности, находится главный источник каббалы, которая сама по себе является великим источником, питавшим оккультизм средневековья, который продлился до наших дней.

Мы надеялись, что открытие ключа к клинописным надписям, которое произошло всего полвека назад, и расшифровка надписей из Ниневии и Вавилона принесут нам ценные открытия о тайнах халдейской религии. Но эти надписи, датируемые 2000, 3750 и даже, в случае одной из них, хранящейся в Британском музее, 4000 годами до нашей эры, чтение которых, к тому же, гораздо более неопределенно и спорно, чем чтение иероглифов и санскрита, дали нам лишь королевские биографии, перечисления завоеваний, заклинания, литании и псалмы, которые послужили образцами для еврейских псалмов. Мы видим, что основой очень примитивной религии шумеров или шумеров и аккадов или аккадцев, населявших нижнюю Халдею до семитского завоевания, были магия и колдовство,

сменившиеся натуралистическим политеизмом, который завоеватели-семиты, менее цивилизованные, чем их побежденные, частично приняли, пока примерно за 2000 лет до нашей эры семитский элемент взял верх и постепенно свел первобытных богов к роли фаз или атрибутов Баала, верховного бога, бога Солнца.

Таким образом, эти надписи ничего не рассказали нам о тайне — если она вообще существует — халдейской религии и не добавили ничего существенного к информации, которой мы уже располагали благодаря фрагментам Бероса, точность которых, кстати, они позволили проверить более одного раза.

Берос, как известно, был халдейским астрономом, жрецом Белуса в Вавилоне, который около 280 года до н. э., то есть вскоре после смерти Александра, написал на греческом языке историю своей родины. Поскольку он читал клинопись, он смог воспользоваться архивами вавилонского храма. К сожалению, произведение Бероса почти полностью утрачено, и от него остались лишь отрывки, собранные Иосифом Флавием, Евсевием, Татианом, Плинием, Витрувием и Сенекой. Эта утрата тем более прискорбна, что Берос, который, по-видимому, был серьезным и добросовестным историком, утверждал, что имел доступ к документам, приписываемым существам, предшествовавшим появлению человека на этой земле; и что его история, по словам Евсевия, охватывала 215 мириад лет. Мы также утратили его космогонию и вместе с ней всю астрономическую и астрологическую науку Халдеи, которая была великой тайной вавилонских магов, чей зодиак восходит к 6700 годам назад. У нас остался только трактат, известный под названием «Наблюдения Бела», переведенный на греческий язык Беросом, но текст которого дошел до нас гораздо позднее.

Те несколько страниц, которые остались от халдейской космологии, представляют собой своего рода «предвосхищение» дарвиновских теорий о происхождении мира и человека. Первым богом и первым человеком были бог и человек-рыба, — что, кстати, подтверждается эмбриологией, — рожденные из безбрежного космического океана; и природа, пытаясь творить, сначала произвела на свет разнородных и нежизнеспособных монстров. Что касается астрологии, то, по замечанию А.-Х. Сейса, ученого-профессора ассириологии Оксфордского университета, она, по-видимому, основана главным образом на аксиоме: *Post hoc ergo propter hoc*, то есть что два последовательных события, второе из которых считалось причиной первого; отсюда и тщательность, с которой астрологи наблюдали за небесными явлениями, чтобы эмпирически предсказывать будущее.

В целом, мы очень плохо знаем официальную религию Ассирии и Вавилонии, боги которой кажутся довольно варварскими. Эта религия становится понятной и интересной только после завоевания Кира, который привнес зороастрийские и индуистские учения или подтвердил и дополнил те, которые, вероятно, уже проникли в тайны храмов; ведь Халдея всегда была большим перекрестком, где неизбежно встречались все теологии Индии, Египта и Персии. Так эти учения проникли в Библию, в Каббалу, а оттуда — в христианство.

Но как религия-источник, следует отметить, что недавно обнаруженные подлинные документы почти ничего нам не говорят, и все, что было сказано об эзотерике и тайнах Халдеи, основано только на легендах или известных апокрифических писаниях.

ДОСРОКАСОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

I

Чтобы завершить этот краткий обзор первобытных религий и поиск истоков великой тайны, осталось сказать несколько слов о досократической теогонии.

До классической эпохи греческие философы, о которых мы, кстати, располагаем лишь обрывочными сведениями, Пифагор, Петронов, Гиппас, Ксенофан, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, Алкмен, Парменид из Элеи, Левкипп, Демокрит, Эмпедокл, Анаксагор, уже находились в тревожной и странной ситуации, в которой пятнадцать-двадцать веков спустя оказались еврейские каббалисты и оккультисты средневековья. Они, как и те, казалось, предчувствовали существование или темную традицию более древней и высшей религии, которая отвечала или пыталась ответить на все мучительные вопросы о божественности, происхождении мира и его цели, вечном становлении, соседствующем с неподвижным бытием, переходе от хаоса к космосу, выходе из великого целого и возвращении в него, духе и материи, добра и зла, зарождения вселенной и ее конца, притяжения и отталкивания, судьбы, места и предназначения человека.

Эта утраченная традиция, которую мы почти в неизменном виде обнаружили в Индии, раз и навсегда провела грань между познаваемым и непознаваемым, отдав последнему львиную долю, и осмелилась поставить в центр своей доктрины огромное признание своего невежества.

Но греки, похоже, не подозревают о существовании этого простого, ясного и глубокого признания, которое избавило бы их от многих тщетных поисков; либо их более тонкий, более подвижный, более предприимчивый ум не хотел этого признавать; и вся их космогония, теогония и метафизика представляют собой лишь непрекращающиеся попытки уменьшить его, разделив на части, раздробив до бесконечности, как будто они надеялись, что, уменьшив каждую из частей непознаваемого, они смогут познать его целиком.

Кстати, эта борьба греческого разума, ясного, взыскательного, придирачивого и стремящегося все понять, с величественной и часто беспорядочной тьмой азиатских религий представляет собой чрезвычайно любопытное зрелище. Говорили, что грекам не хватало чувства божественного абсолюта; это было правдой, но позже. Вначале их мышление, еще находящееся под влиянием таинственных традиций, было проникнуто чувством этого абсолюта, которое часто, только с помощью разума, приводило их гораздо выше и, возможно, ближе к истине, чем их более умелые преемники, которые утратили это чувство.

II

Но, не вдаваясь в подробности их поисков света, предчувствуемого или глубоко погребенного в атавистической памяти или в мифах, которые больше не понимали, не уточняя вклад каждого из этих философов, что потребовало бы интересных, но несоразмерных разъяснений, просто отметим основные совпадения с ведическими и брахманическими теориями.

Ксенофан первым, в противовес поэтам, утверждал существование единого, неизменного, вечного бога. «Бог, — говорил он, — не рожден, ибо он мог бы родиться только от своего подобия или своего противоположности, и обе эти гипотезы бесполезны: первая — потому что бесполезна, а вторая — потому что абсурдна. Нельзя сказать, что он бесконечен или

конечен, потому что, будучи бесконечным, не имея ни середины, ни начала, ни конца, он был бы ничем, а будучи конечным, он требовал бы предела и перестал бы быть единым. Он не находится ни в покое, ни в движении по аналогичным причинам. Короче говоря, ему можно придать только отрицательные характеристики[39]. Это, в другой форме, признание того, что он так же непознаваем, как первопричина индусов.

[39] Альбер Риво, *Проблема становления*, с. 102.

Это признание непознаваемости, кстати, более четко сформулировано Ксенофаном в другом месте. «По правде говоря, нет человека, который мог бы познать богов и вещи, о которых я учу. Если бы кому-то и удалось встретить абсолютную истину, эта встреча осталась бы для него самой по себе неизвестной. Во всех вещах есть только правдоподобие[40]».

[40] Фр. 34.

Не могли бы мы сегодня повторить то, что более двадцати пяти веков назад утверждал основатель школы в Элее? Было ли здесь, как и в других местах, проникновение первобытной традиции? Вероятно, да; в любом случае, в других вопросах родство явно установлено. Орфики, которые находятся у легендарных и доисторических истоков греческой поэзии и философии, на самом деле, по словам Геродота, являются египтянами[41]. С другой стороны, мы видели, что египетская религия и ведическая религия, по всей вероятности, имеют общий источник, и что на данный момент невозможно с уверенностью сказать, какая из них более древняя. Пифагорейцы заимствовали у орфиков идею блуждания душ и серию очищений. Другие позаимствовали у них миф о Дионисе со всеми его последствиями, поскольку Дионис, бог-ребенок, убитый титанами, сердце которого Афиной спас, спрятав в корзине, и которого Юпитер воскресил, — это Осирис, это Кришна, это Будда, это все божественные воплощения, это бог, который спускается или, скорее, взрывается в человеке, это временная и иллюзорная смерть и реальное и бессмертное возрождение, это временное соединение с божеством, которое является лишь прелюдией к окончательному соединению, это бесконечный цикл вечного становления.

[41] Геродот, II, 81.

III

Гераклит, которого сделали философом таинств, проливает свет на этот цикл. «На периферии круга начало и конец являются одним целым[42]. » «Божество, по словам Августа Диеса, является источником и конечной целью индивидуального существования. Единство делится на множественность, а множественность разрешается в единстве; но единство и множественность сосуществуют, и эманация из лона божества сопровождается непрерывным возвращением к божеству[43]. Все исходит от Бога, все возвращается к Богу, все становится единым, единое становится всем. Бог или мир едины, божественная мысль распространяется по всем частям вселенной. Одним словом, его система, как и система Вед и египтян, является унитарным пантеизмом.

[42] Гераклит, фр. 102.

[43] Огюст Дьес, «*Мистический цикл*», стр. 62.

В Эмпедокле, который является последователем Ксенофана и Парменида, мы находим точное соответствие индуистской теории расширения и сжатия вселенной, бога, который вдохновляет и выдыхает ее, альтернативной интернализации и экстернализации. «Вначале элементы смешаны в совершенной неподвижности Сферос. Но когда сила отталкивания,

которая оставалась неактивной на внешней окружности, возобновила свое движение к центру, началось разделение. Оно привело бы к абсолютному разделению и рассеянию бытия, если бы противодействующая сила не вернула рассеянные элементы, пока постепенно не восстановилось первоначальное единство[44]».

[44] Там же, стр. 84, 85.

Греческий гений, который, как мы видим здесь любопытный пример, стремится как можно больше объяснить необъяснимое, в то время как индийский гений довольствуется величественным ощущением, называет силу отталкивания ненавистью, а силу притяжения — дружбой. Эти силы существуют с незапамятных времен. «Они были, они будут, и, как я полагаю, никогда не исчезнут из бесконечной вечности. Иногда множественность разрешается в единстве в любви, а иногда единство вновь делится на множественность в ненависти и борьбе».

Но откуда берет начало эта двойственность в единстве, откуда берутся эти противоположные принципы притяжения и отталкивания, ненависти и любви? Эмпедокл и его школа не говорят об этом. Они просто констатируют, что в разделении, отталкивании или ненависти есть падение, а в притяжении, возвращении к единству и любви — возвышение или восхождение, так же как индусы вкладывали идею падения в материю, а идею восхождения и возвращения к божественности — в дух. Признание невежества одинаково, и одинаковы также средства выхода из ненависти и освобождения от материи. Это, во-первых, очищение в течение жизни, и очищение чисто духовное. «Блажен, — говорит философ из Агригента, — тот, кто приобретает богатство божественных мыслей; несчастен тот, кто имеет о богах только мрачное представление».

Это еще и, прежде всего, очищение через последовательные реинкарнации. Эмпедокл идет дальше ведической религии, которая, по крайней мере до Ману, ограничивается реинкарнацией человека в человеке, он, как и пифагорейцы, признает метемпсихоз, то есть переход души не только в животных, но даже в растения, и таким образом возвращает ее, подъемами за подъемами, к божественности, откуда она вышла и куда она возвращается и поглощается, как в индуистском нирване.

IV

В этой связи, возможно, интересно отметить, что, как и в ведической и египетской доктринах, здесь не идет речи о внешних наградах и наказаниях. В досократической метемпсихозе, как и в индуистской реинкарнации, как и перед судом Осириса, душа сама себя судит и, так сказать, автоматически классифицирует себя в счастье или несчастье, на которое она имеет право. Нет разгневанного и мстительного бога, нет особых проклятых мест, предназначенных для отверженных и искупления. Искупление не происходит в смерти, потому что смерти нет. Искупать можно только в жизни и через жизнь, в этой или в другой. Или, вернее, нет искупления, есть просто прозрение. Душа счастлива или несчастна, потому что чувствует или не чувствует себя на своем месте; потому что может или не может достичь той высоты, на которую она надеялась. Она ощущает свою божественность только в той мере, в какой она поняла или понимает Бога. Лишенная всего материального, что ослепляло ее, она вдруг видит себя на другом берегу, такой, какой она была, не подозревая об этом, на этом берегу. Из всех ее благ, счастья или славы ей остаются только ее интеллектуальные и нравственные достижения. Она больше не является ничем иным, как своими мыслями и добродетелями, которые она практиковала. Она осознает, кем она является, и предвидит, кем она могла бы быть; и если она не удовлетворена, она говорит себе: «Надо начать заново»,

и добровольно возвращается в жизнь, чтобы стремиться к большему и выйти из нее более великой и счастливой.

V

В сущности, в теологии и мифах досократической эпохи, как и в теологиях и мифах предшествующих им религий, нет ни ада, ни рая. В подземельях Аида, как и на лугах Элисейских полей, находятся только тени, астральные маны, египетские двойники, неосязаемые остатки наших бесплотных душ. Инструменты их мучений или атрибуты их бледного счастья — это лишь удостоверения личности, с помощью которых они, как смутные собеседники наших спиритуалистов, пытаются добиться признания. Здесь, как и в Индии, ад — это не место, а состояние души после смерти. Маны не наказываются в полумраке, они просто продолжают жить там отражениями своей прежней жизни. Тантал жаждет, Сизиф катит свой камень, Данаиды изнуряют себя, наполняя бездонную бочку, Ахилл размахивает копьем, Одиссей несет весло, Геракл натягивает лук; их тщетные образы бесконечно повторяют памятные или привычные жесты своей земной жизни; но бессмертный дух, бессмертная душа там нет, она очищается, она действует в другом месте, в других телах, на долгом невидимом пути, который возвращает ее к Богу.

В этот момент, как и во всех высших истоках, еще нет страха смерти и загробной жизни. Этот страх проявляется и развивается в великих религиях только тогда, когда они начинают разлагаться в интересах священников и королей. Интуиция и интеллект человечества никогда не достигали той высоты, которой они достигли, когда они сформировали идею божественности, чистейшие следы которой мы находим в ведических традициях. Можно сказать, что в те дни человек открыл в себе высшее и закрепил там раз и навсегда понятие божественного, которое он с тех пор забыл, которое он часто искажал; но под забывчивостью и мимолетными искажениями оно всегда просвечивает. И так, в основе всех этих мифов, всех этих порой столь разнородных учений, мы чувствуем один и тот же оптимизм или, по крайней мере, одну и ту же неосведомленную уверенность, ибо древнейшая тайна человека — это огромная, слепая вера в божественное начало, из которого он произошел, оставаясь его частью, и в которое он однажды вернется.

Можно было бы отметить еще много других точек соприкосновения, например, в теории атомистов, которая содержит странные интуиции. В частности, Левкипп и Демокрит учат, что вращательное движение сфер существует вечно, а Анаксагор развивает теорию элементарных вихрей, которую восприняла современная наука. Но того, что мы только что отметили, вполне достаточно. К тому же, в этой философии, которую слишком часто считают набором абсурдов и детских домыслов, затрагиваются большинство великих загадок человечества. При более внимательном изучении в ней, напротив, можно увидеть самые замечательные усилия человеческого разума, который, тайно опираясь на истину, содержащуюся в затуманенных мифах, ближе, чем многие современные гипотезы, подходит к правдоподобному и вероятному.

VI

Можно предположить, что наиболее возвышенные части этой теософии и философии, то есть те, которые касались высшей причины и непознаваемого, постепенно пренебрегаемые и забытые в классической теософии и философии, стали, как в Египте и Индии, секретом

иерофантов и вместе с устными и более прямыми традициями сформировали основу знаменитых греческих мистерий, в частности элевсинских, тайны которых так и не были раскрыты.

Последним словом великой тайны должно было быть также признание непобедимого и священного невежества. В любом случае, того, что уже было негативного и непознаваемого в мифах и в этой философии, о которой ему напоминали, было достаточно, чтобы уничтожить в посвященном богов, которых почитал непосвященный, и в то же время он узнавал, почему учение, столь опасное для тех, кто не был способен понять его масштабы, должно оставаться тайным. Вероятно, в этом высшем откровении не было ничего другого, потому что, вероятно, нет другого секрета, которым человек мог бы обладать или который он мог бы понять; не могло существовать и никогда не будет существовать формулы, дающей ключ к вселенной.

Но помимо этого признания, которое могло показаться подавляющим или освобождающим, в зависимости от качества ума, который его принимал, неопита, вероятно, посвящали в более позитивную оккультную науку, аналогичную той, которой владели египетские и индуистские жрецы. Ему, прежде всего, должны были научить способу достижения божественного союза или погружения в божественность через экстаз. Можно предположить, что этот экстаз достигался с помощью гипнотических методов, но гипноза гораздо более научного и развитого, чем наш, в котором собственно гипноз, магнетизм, медиумизм и все таинственные силы, одные и другие, подсознания, которые были лучше известны, чем сегодня, смешивались и использовались.

Тот, кого многие считают величайшим современным теософом, Рудольф Штайнер, как мы увидим далее, утверждает, что он нашел способ, или один из способов, вызвать этот экстаз и вступить в связь с высшими мирами и с Богом.

VII

Из вышесказанного, по-видимому, можно сделать вывод, что великие посвященные, или, точнее говоря, адепты эзотерических религий, коллегий жрецов или оккультных братств, о происхождении и цели вселенной, о непознаваемости первопричины или бога богов, о долгах и судьбах человека, не знали ничего другого, кроме того, что открыто учили тем, кто был способен это понять, великие первобытные религии. Они не знали ничего другого по той причине, что до сих пор не было возможности узнать и, следовательно, преподавать что-либо другое. Если бы они знали что-то другое, мы бы тоже это знали, потому что вряд ли допустимо, чтобы суть такой тайны не просочилась за столько тысяч лет, в течение которых она была известна стольким тысячам людей. Если бы можно было представить, что она существует и что мы можем ее познать, то, познав ее, мы перестали бы быть людьми. Существуют пределы познания, которые мозг еще не преодолел и никогда не сможет преодолеть, не перестав быть человеческим мозгом. Самое большее, что можно было бы сделать, — это признать непреклонный агностицизм и полный пантеизм, которые являются двумя полюсами, между которыми всегда колебалось, колеблется и, вероятно, всегда будет колебаться высшее человеческое мышление, — это быть более откровенным, более четким, более лишенным форм, более полным и предупреждать тех, кто его принимал, о ложных видимостях и необходимых ложях официальных теогенезисов и мифологий.

VIII

На определенной высоте не было ни космогонии, ни теогонии, ни эзотерической теологии, ни тайной морали. В этом отношении, как мы только что увидели, первобытные религии исследовали все, не оставив ни одного уголка, где могли бы укрыться любители тайн

и искатели неизвестного. Их мораль с самого начала, или, по крайней мере, кажется с самого начала, — ведь мы не знаем о тысячелетиях ее развития, — является самой высокой, самой совершенной, которую человек может надеяться практиковать. Она испытала все, она поднялась на все вершины. Там, где она прошла, а она прошла везде, особенно на самых суровых вершинах, не осталось ничего, что можно было бы собрать. Мы все еще находимся на сотни веков ниже того, чего она достигла на вершинах самоотречения, доброты, милосердия, самопожертвования, полного самоотдачи; и главным образом в поиске того, что Новалис называл «нашим трансцендентным я», то есть божественной и вечной частью нашего существа.

Что касается наказаний, то они также доходили до пределов, которые может понять разум; поскольку они исходили из непознаваемого, они не могли, под угрозой опровержения самих себя, приписывать этому непознаваемому какую-либо волю. Поэтому они должны были поместить в нас самих награду и наказание морали, которая могла зародиться только в нас. И здесь тоже не было ни малейшего места для иного, оккультного учения.

Остается загадка происхождения зла, кажущегося противостояния духа и материи, необходимости жертвы, боли и искупления. И здесь, чтобы не противоречить себе, оккультная традиция не могла основываться на непознаваемом. Она просто должна была временно принять самое высокое объяснение эзотерических религий, которые рассматривают материю и тьму, разделение и отделение не как зло само по себе, но как переходные состояния единой и вечной субстанции, как фазу бесконечного движения становления, из которой нужно было стремиться выйти, чтобы как можно скорее достичь духовного состояния или фазы. Она не имела и, без сомнения, не могла иметь в этом отношении более удовлетворительного учения. В любом случае, до нас не дошло никаких отголосков об этом, и вполне вероятно, что она, как и прежде, довольствовалась признанием своего непреодолимого невежества.

IX

Вот, таким образом, самые важные моменты, в которых эзотерическое учение, если оно существовало в первоначальном виде, неизбежно сливалось с публичным учением первобытных религий, близких к своим истокам. Вероятно, как я уже говорил, это учение приобрело секретный характер гораздо позже, когда официальные религии стали чрезвычайно сложными и глубоко коррумпированными. Эзотерика тогда была лишь возвращением к первоначальной чистоте, так же как в Греции досократические учения или гипотезы, несмотря на то, что о них говорили, очевидно азиатского происхождения, стали учениями мистических орденов. Поэтому почти наверняка можно сказать, что в этих вопросах оккультисты всех времен и всех стран знали не больше, чем мы. Но есть и другие области, в которых они, по-видимому, обладали традициями, которые официальные религии не передали нам и секреты которых более или менее тщетно пытались восстановить преемники великих адептов Индии, Египта, Персии, Халдеи и Греции, каббалисты, неоплатоники, гностики и герметисты средневековья.

X

Эта область относится к неизвестным силам природы. Уже практически невозможно отрицать, что жрецы Индии, Египта, маги Персии и Халдеи обладали знаниями в области химии, физики, астрономии и медицины, которые в некоторых вопросах мы, без сомнения, превзошли, но в других, возможно, еще очень далеки от того, чтобы их восстановить. Не говоря уже о тех 1500-тонных камнях, которые были перенесены на огромные расстояния

неизвестными способами, или о тех качающихся камнях, блоках весом 500 000 кг, которые никогда не принадлежали земле, на которой они находятся, и которые восходят к доисторическим временам Атлантиды, несомненно, что великая пирамида, например пирамида Хеопса, является своего рода огромным иероглифом, который своими размерами, пропорциями, внутренним расположением и астрономической ориентацией предлагает целую серию загадок, из которых до сих пор разгаданы только самые очевидные. Оккультная традиция всегда утверждала, что эта пирамида хранит важные секреты, но только совсем недавно начали их разгадывать. Аббат Море, ученый-директор обсерватории в Бурже, прекрасно резюмировал этот вопрос в своей книге «Загадки науки»^[45], показывает нам, что меридиан пирамиды, или линия север-юг, проходящая через ее вершину, является идеальным меридианом, то есть тем, который пересекает больше всего континентов и меньше всего морей, и что, если точно рассчитать площадь земель, пригодных для проживания человека, он делит их на две строго равные части. С другой стороны, умножив высоту пирамиды на миллион, мы получаем расстояние от Земли до Солнца, равное 148 208 000 километров, что с точностью до миллиона километров соответствует расстоянию, которое после долгих исследований, дальних и опасных экспедиций и благодаря прогрессу в области астрофотографии окончательно принято современной наукой.

^[45] Аббат Т. Море, «Загадки науки», стр. 5 и далее.

Со своей стороны, известный астроном Кларк на основе недавних измерений вычислил полярный радиус Земли, который он оценивает в 6 356 521 метр. Это точно соответствует пирамидальной локтевой мере, то есть 0,6356,521, умноженной на 10 миллионов. Затем, разделив сторону пирамиды на локоть, использованный при ее строительстве, мы получаем длину сидерического года, то есть время, за которое Солнце возвращается в ту же точку неба. Затем, если мы умножим пирамидальный дюйм на 100 миллионов, мы получим длину, пройденную Землей по своей орбите за сутки, с большей точностью, чем позволяют наши современные меры, ярд или французский метр. Наконец, вход в пирамиду был обращен к Полярной звезде того времени; таким образом, он был ориентирован с учетом прецессии равноденствий, явления, при котором небесный полюс возвращается к тем же звездам через 25 796 лет.

Таким образом, как говорит аббат Море, «все эти достижения современной науки находятся в Великой пирамиде в виде естественных величин, измеренных и всегда измеримых, которым для того, чтобы проявиться, нужно только метрическое значение, которое они несут в себе».

Эти необычные знания невозможно объяснить простым совпадением. Они доказывают, что египетские жрецы обладали знаниями в области географии, математики, геометрии и астрономии, которые мы только недавно вновь открыли для себя; и ничто не говорит нам о том, что эта загадочная пирамида не хранит в себе множество других секретов, которые мы еще не открыли. Но самое странное и озадачивающее то, что ни один из бесчисленных иероглифов, которые были расшифрованы, ничто из того, что мы находим во всей литературе древнего Египта, не содержит упоминания об этой необыкновенной науке. Даже очевидно, что жрецы хотели его скрыть; пирамидальная или священная локоть, ключ ко всем вычислениям и научным измерениям, не использовалась повсеместно; и все эти чудесные знания, пришедшие неизвестно откуда, были намеренно и систематически погребены в гробнице и предложены как загадка или вызов будущим векам. Разве случайное раскрытие такой тайны не позволяет нам предположить, что многие другие тайны любого рода, будь то в этой пирамиде, в других памятниках или в священных писаниях, ждут другого случая для аналогичного раскрытия?

В любом случае, пока мы ждем этого, весьма вероятно, что египетские жрецы научили халдейских магов секрету того, что Элифас Леви называет «трансцендентальной пиротехникой», и что и те, и другие знали об электричестве и обладали средствами его производства и управления, о которых мы еще не знаем. Действительно, Плиний сообщает нам, что Нума, который был посвящен в тайны магов, владел искусством формировать и направлять молнию и успешно использовал свою молниеносную батарею против чудовища по имени Вольта, которое опустошало римскую провинцию[46]. Опередив изобретение телефона, египетские жрецы, как нам говорят, могли мгновенно общаться из одного храма в другой, независимо от расстояния. Кроме того, Библия[47] оставила нам свидетельство их знаний и могущества, когда показывает их среди десяти казней, которые были лишь делом магии, сражающихся чудесами против Моисея, который сам был одним из их посвященных.

[46] Плиний, кн. II, гл. 53.

[47] Исход, VII, VIII.

XI

Но прежде всего это касается подсознания, тайн неизвестного Гостя, того, что мы сегодня называем аномальной психологией, астрала, гипноза, медиумизма, свойств эфира, неизвестных флюидов, одной медицины, гиперхимии, выживанию, познанию будущего, они должны были обладать секретами, в поисках которых герметисты средневековья, среди своих пентаграмм, криптограмм, поддельных и непонятных гримуаров, изнурили себя. По-видимому, именно в этих областях оккультизма нам еще есть что почерпнуть; и именно к ним, другими путями, возвращается наша метапсихология.

Именно в этих мрачных краях последние посвященные Индии, наследники эзотерических традиций, все еще значительно превосходят все, что мы знаем, и производят те необычные явления, которые не всегда можно объяснить жонглированием и обманом и которые вызывают удивление даже у самых скептических и подозрительных путешественников.

Имеют ли они в запасе, как они утверждают, другие секреты, в частности те, которые позволяют им манипулировать некоторыми ужасными и непреодолимыми силами, такими как внутримолекулярная сила или огромная и неисчерпаемая мощь гравитации, звука или эфира? Это возможно, но менее вероятно. Довольно непонятно, почему в экстренных случаях, когда речь шла о жизни и смерти, они никогда не прибегали к ним. Индия, как и Египет, Персия и Халдея, подвергалась ужасным вторжениям, которые не только угрожали ее цивилизации, уничтожали ее богатства, сжигали ее священные книги, убивали ее жителей, но и нападали на ее богов, оскверняли ее храмы, истребляли ее жрецов. Однако нет никаких свидетельств того, что она когда-либо обращала против своих агрессоров сверхъестественное оружие. Можно ответить, что, учитывая огромность территорий, эти вторжения никогда не были тотальными, что последние посвященные могли бежать от них и укрываться в недоступных горах; что, кроме того, поскольку их царство не было из этого мира, они не считали себя вправе использовать свои сверхземные силы, поскольку фундаментальная аксиома высшей науки запрещает низводить ее до преследования материально выгодных целей; это еще возможно. Тем не менее, английское господство и, в особенности, завоевание Тибета в 1904 году полковником Янгхасбандом нанесли очень чувствительный удар по престижу их оккультных знаний.

XII

До 1904 года Тибет считался оккультистами последним убежищем их науки. По их словам, он обладал огромными подземными библиотеками с бесчисленными книгами, некоторые из которых восходили к доисторическим временам Атлантиды, где на языках, известных лишь немногим посвященным, были записаны высшие и вечные откровения. В его ламаистских монастырях, где жили тысячи монахов, находилось коллегий великих посвященных, во главе которого стоял Далай-лама, посвященный из посвященных и воплощение Бога на земле.

Ни один европеец, как утверждалось, никогда не нарушал его священную территорию, что, впрочем, не совсем соответствовало действительности, поскольку в 1661, 1715 и 1719 годах туда проникли два или три иезуита и несколько капуцинов. В 1740 году в Лхасе побывал голландский путешественник, а в 1813 году — англичанин. Затем, в 1846 году, миссионеры Хук и Гобет, переодетые в лам, сумели проникнуть туда. Но с тех пор, несмотря на многочисленные опасные попытки, последней и самой известной из которых была попытка Свена-Хедина, ни одному исследователю не удалось достичь святого города. Можно сказать, что из всех земель нашего земного шара это была самая загадочная и престижная.

Когда было объявлено о священномерной экспедиции, в мире оккультистов ожидали странных событий. Я помню уверенность, спокойную уверенность, с которой один из самых ученых и серьезных из них в начале 1904 года сказал мне: «Они не знают, на что идут. Они вызовут в своем убежище самые грозные силы. Почти наверняка последние трансималайские адепты владеют секретом ужасающей эфирной или звездной силы, «Маш-макета» атлантов, непреодолимый «Врил», о котором говорит Бульвер-Литтон, эту вибрационную силу, которая, согласно инструкциям, содержащимся в Астра-Видье, может превратить в пепел сто тысяч человек и слонов так же легко, как она превратила бы в порошок мертвую крысу. Произойдут необычайные вещи. Они никогда не достигнут неприступного Потала!»

Ничего не произошло, по крайней мере, ничего из того, что ожидалось. После долгих дипломатических переговоров, в ходе которых в удручающем свете проявились некомпетентность, непонимание, старческая слабость, недобросовестность китайцев и детская хитрость лам, войска полковника Янгхасбанда, состоявшие в основном из сикхов и гуркхов под командованием европейцев, выступили в поход. В этих изрезанных и покрытых льдом высокогорных районах опустошенных и непригодных для жизни, самых суровых в мире, им пришлось преодолевать невероятные трудности, и в ущельях, которые горстка хорошо организованных людей сделала бы неприступными, они не раз сталкивались с неумелым, но мужественным сопротивлением солдат Далай-ламы, фанатизированных «мантрами» и заклинаниями своих священников, но вооруженных фитильными ружьями и плохими местными пушками. Англичане наконец приблизились к Лхасе, и аббаты великих монастырей в течение пяти дней в панике торжественно проклинали захватчиков, приводили в движение тысячи молитвенных мельниц, прибегали к высшим заклинаниям, но все было тщетно. 4 августа полковник Янгхасбанд вошел в столицу Тибета, занял Свята Святых, резиденцию Бога: Поталу, огромное и фантастическое здание, возвышающееся над лачугами города и напоминающее с его террасами, плоскими крышами и бастионами крепость, наслоение итальянских вилл, казарму с бесчисленными окнами и некоторые американские небоскребы. Далай-лама, тринадцатое воплощение божества, папа буддизма, духовный отец шестисот миллионов душ, позорно бежал и так и не был найден. Были исследованы монастыри и святилища, где кишели более тридцати тысяч покорных и равнодушных монахов, и там были обнаружены лишь остатки величайшей религии, которую

знали люди, окончательно разложившейся в детские суеверия, механизм молитвенных мельниц и самое прискорбное колдовство. Так рухнул высший приют тайны, и последние секреты земли были открыты профанам.

ГНОСТИКИ И НЕОПЛАТОНИСТЫ

I

Оставляя в стороне Платона и его школу, теории которых слишком хорошо известны, чтобы их здесь повторять, мы теперь покидаем относительно чистые воды первобытных религий, чтобы войти в путанные водовороты, которые от них происходят. По мере того как терялись грандиозные и простые понятия, которые их высота скрывала от глаз, те, что пришли им на смену и были лишь их искаженными или разбитыми отражениями, становились все более туманными и многочисленными. Достаточно будет довольно быстро их пройти, потому что после того, что мы знаем, или, вернее, после того, что мы знаем, что не можем знать, они больше не могут нам многое рассказать и только бесплодно запутывают и усложняют признание непознаваемого и вытекающие из этого последствия.

До расшифровки иероглифов и открытия священных книг Индии и Персии, вплоть до работ наших научных метапсихологов, единственными источниками оккультизма были Каббала и писания гностиков и неоплатоников Александрии.

Довольно сложно определить хронологию Каббалы. Сефер Йезира, как мы его знаем, который является ее входом, по-видимому, был написан около 829 года нашей эры, а Зоар, который является ее храмом, — около конца ^{XIII} века. Однако часть доктрин, которые она проповедует, восходит к гораздо более древним временам, а именно к вавилонскому пленению и даже к пребыванию евреев в Египте. С этой точки зрения, ее следовало бы поставить выше гностиков и неоплатоников; но, с другой стороны, она так много заимствовала у них, они оказали на нее такое влияние, что почти невозможно говорить о ней, не упомянув тех, кому она обязана лучшими и худшими своими теориями.

II

Правда, со своей стороны, эти еврейские традиции смешались с другими восточными религиями, которые с ^I по ^{VI} век проникли в греческую и римскую теологию и философию и заставили людей переосмыслить и более тщательно изучить верования и теории, на которых они жили. Тогда в интеллектуальном мире, и особенно в Александрии, где сходились все расы и все учения, возникла странная лихорадка любопытства, беспокойства и активности. Впервые — по крайней мере, так она считала — эллинская философия оказалась в прямом контакте с восточными религиями и философиями, смелыми, грандиозными, бездонными, о которых до тех пор она знала только понаслышке или из скупых обрывков информации. Гностики принесли с собой, среди прочего, учения Зороастра; загадочные ессеи, теософы и теурги, пришедшие с берегов Мертвого моря, которые довольно таинственно исчезли, хотя во времена Филона их было 40 000, или в конце концов слились с гностиками, несомненно, более непосредственно представляли индуистский элемент; каббалисты до появления письменной каббалы возрождали учения Персии, Халдеи и Египта, христиане пробуждались между Библией и легендами Индии, неоплатоники, которых было бы более правильно называть неоорфиками или неопифагорейцами, возвращались к старым философам ^{VI} века до нашей эры и стремились найти в них давно забытые истины, которые восточные откровения внезапно вновь вывели на свет.

Мы не будем здесь изучать эту бурную деятельность, которая является одним из самых интенсивных и, в некоторых отношениях, самых плодотворных кризисов в истории человеческой мысли. Для наших целей достаточно отметить, что с точки зрения идеи Бога, первопричины, докосмического духа или абсолютной реальности, предшествующей любому проявленному или обусловленному существу, а также с точки зрения происхождения, цели, устройства вселенной и природы добра и зла, она не учит нас ничему, чего мы не нашли бы в предыдущих религиях и философиях. Проявления Непознаваемого, разделение первоначального Единого, нисхождение духа в материю приписываются *Логосу* и меняют название, не меняя сути. Чтобы попытаться объяснить неразрешимые противоречия между неподвижным богом и постоянно движущейся вселенной, между непознаваемым богом, которого в конце концов мы узнаем во всех деталях, между добрым богом, который создает, хочет или допускает зло, сначала мы представляем себе тройную ипостась, затем множество промежуточных божеств, демиургов или двойников Бога, зоны, олицетворенные божественные способности или атрибуты, ангелы и демоны. В вихре этих специализаций, этих различий, этих изобретательных, тонких и неразрешимых подразделений простое и огромное признание Непознаваемого вскоре настолько затоплено потоком слов, что его больше не видно. Вскоре его полностью забывают, о нем больше не упоминают, и высшее Неизвестное порождает столько второстепенных и хорошо известных божеств, что оно больше не смеет напоминать людям, что они никогда его не познают. Естественно, чем больше слов и разъяснений, тем больше первоначальные истины, над которыми работают, стираются и затуманиваются; так что после того, как Филон, и особенно Плотин, достигли или вернули высшие вершины мысли, с одной стороны, опустившись до бредовых размышлений китайской головоломки, известной как «Пистис-София», приписываемой Валентину, а с другой — до мнимых откровений Ямблика об египетских тайнах, откровений, которые ничего не раскрывают, все это гностическое и неоплатоническое движение, вместе с последователями Валентина и продолжателями Порфирия и Прокла, в конце концов погрузилось в самую детскую словесную перепалку и самую вульгарную магию.

Поэтому нет смысла настаивать; не то чтобы изучение этого бурного периода было неинтересным; напротив, в истории было мало моментов, когда интеллект сталкивался с такими новыми, сложными и трудными проблемами, когда он проявлял больше силы, жизнеспособности и энтузиазма. Но того, что я сказал, достаточно для моей цели, которая заключается просто в том, чтобы показать, что оккультисты Греции и, особенно, средневековья, которые нас особенно интересуют, потому что они ближе к нам и память о них осталась более живой, не могут научить нас ничему существенному, чего мы уже не знали бы из Индии, Египта и Персии.

КАББАЛА

I

Наконец мы подошли к каббале, которая является своего рода жизненным узлом оккультизма в том смысле, в каком его обычно понимают.

Это слово из каббалы, которое охватывает доктрины, в целом малоизвестные или плохо известные, для одних остается наполненным престижем и тайнами, которые беспокоят их и заставляют почти дрожать, как будто они видят в нем отражение адского пламени; то для других оно вызывает лишь неразборчивый набор абсурдных суеверий, чепухи, странных

формул с дьявольскими претензиями, детских загадок, устаревших бредней, которые не заслуживают серьезного внимания.

Хотя и неприятно использовать в ее отношении выражение, которое в обиходе стало столь грубым, правда заключается в том, что каббала не заслуживает ни чрезмерной чести, ни такого унижения. Во-первых, существует две каббалы: каббала собственно или теоретическая каббала, единственная, которой мы должны заниматься, и практическая каббала, которая является лишь своего рода старческой кожной болезнью, постепенно поражающей менее благородные части первой и вырождающейся в глупые практики черной магии и низкой колдовства, к которым невозможно проявить интерес.

Философское, критическое и научное изучение каббалы, как и ведизма, иероглифов, маздеизма, началось совсем недавно. До работ А. Франка каббала была известна только по труду Кнорра фон Розенрота *«Kabbala denudata»*, опубликованному в 1677 году, в котором в Зоаре рассматривались только «Книга тайн» и «Великое собрание», то есть ее наиболее непонятные части, и игнорировал тексты, приводя лишь неверно понятые выдержки из комментариев. А. Франк в своей книге *«Каббала или религиозная философия евреев»*, опубликованной в 1842 году, впервые воспроизводит полные и подлинные тексты, переводит их и комментирует. Джоэл и Желлинек продолжают его исследования, обсуждают его выводы, исправляют его ошибки; и последний из толкователей этих загадочных книг, С. Карппе, в своем *«Исследовании происхождения и природы Зоара»*, возвращаясь к вышеупомянутому вопросу и обращаясь к истокам еврейского мистицизма, в 1901 году дает нам исследование, которое позволяет без опаски отважиться на эти подозрительные и опасные земли.

Каббала, от ивритского «Кабалла», что, как вы узнаете из любого словаря, означает «традиция», претендует на то, чтобы быть оккультным учением, находящимся в стороне или, скорее, выше учения Библии или ортодоксальных доктрин Торы, то есть Пятикнижия, передаваемых устно от Моисея, который, как считается, получил их непосредственно от Бога, до периода с ^{IX} по XIII и XIV века нашей эры, когда эти секреты, передаваемые из уст в уста, как говорили посвященные, были наконец зафиксированы в письменном виде. Невозможно сказать, насколько обоснованно это утверждение, поскольку за исключением одного-двух веков до нашей эры, исторические следы, которые связывали бы известную нам традицию с более древней традицией, полностью отсутствуют. Поэтому мы должны ограничиться тем, что возьмем две книги Каббалы, *Сефер Йецира* и *Зоар*, такими, какими они есть, и рассмотрим их содержание на момент их написания.

Сефер Йецира или «Книга творения», которую сначала довольно наивно приписывали патриарху Аврааму, а затем, без особой уверенности, раввину Акибе, является в конечном счете произведением неизвестного автора, который написал ее между VIII и IX веками нашей эры.

Чтобы дать представление об этом произведении, достаточно привести здесь несколько абзацев из первой главы:

«32 чудесными голосами мудрости Ях, Иегова Себаоф, живой Бог, высокий и возвышенный Бог, вечно пребывающий, чье имя свято (он возвышен и свят), начертал и сотворил свой мир в трех книгах: в самой книге, в числе и в слове.

«Десять Сефирот без ничего и 22 буквы, из которых 3 основные, 7 двойных и 12 простых.

Десять Сефирот без ничего, в соответствии с числом 10 пальцев, 5 напротив 5. И завет Единого приспособлен точно посередине посредством обрезания языка и обрезания плоти.

«Десять Сефирот без ничего; 10, а не 9, 10, а

не 11. Пойми с мудростью и размышляй с разумом, исследуй и изучай их. Верни вещь к ее ясности и поставь ее автора на его место.

«Десять Сефирот без ничего, их мера — бесконечное 10: глубина начала и глубина конца; глубина добра и глубина зла; глубина верха и глубина низа; глубина Востока и глубина Запада; глубина Севера и глубина Юга; единственный господин, Бог, верный царь, царит над всеми с высоты своего святого и вечного обиталища.

«Десять Сефирот без ничего; их вид подобен молнии, но их конец не имеет конца. Его слово о них гласит, что они бегут и приходят, и по его слову они устремляются, как буря, и падают ниц перед его троном.

«Десять Сефирот без ничего; их конец определен в их начале, а их начало в их конце, как пламя, привязанное к углю. Господь един, и у него нет второго. Но что ты считаешь перед Единым?»

И так продолжается долго, погружаясь в своего рода непонятное суеверие букв и цифр, рассматриваемых как абстрактные силы. Несомненно, что такие тексты можно интерпретировать как угодно и извлекать из них то, что хочется. Здесь впервые встречается понятие *Сефирот*, которое *Зоар* подробно разрабатывает; и здесь разъясняется система творения, в которой «Слово, то есть слово Божье, выражая буквы *алеф*, *мем*, *шин*, как объясняет С. Карппе, один из самых ученых комментаторов этой загадочной книги, дает жизнь трем элементам, а, производя из этих букв шесть комбинаций, он дает жизнь шести направлениям, то есть дает элементам способность распространяться во всех направлениях. Затем, напечатав в этих элементах 22 буквы алфавита, включая 3 буквы *алеф*, *мем*, *шин* (уже не как существенные, а как формальные элементы), и выражая все разнообразие слов, которые получаются из этих букв, он производит все многообразие вещей^[48].

^[48] С. Карппе, *Исследования о происхождении и природе Зоара*, стр. 159 и 163.

Все это, как видно, не раскрывает ничего особо важного; и я бы не стал останавливаться на этих торжественных загадках, если бы *Сефер Йериза* не пользовался среди оккультистов репутацией, которая при ближайшем рассмотрении кажется довольно незаслуженной, и если бы он не служил отправной точкой и опорой для *Зоара*, который постоянно на него ссылается.

Оккультисты пытались дать нам ключи к Сеферу, но я смиренно признаю, что эти ключи мне ничего не открыли. В целом, вполне вероятно, как говорит Карппе, что эта непонятная книга является просто работой педагога, стремившегося свести в очень кратком руководстве все элементарные научные знания, относящиеся к чтению и грамматике, космологии и физике, делению времени и пространства, анатомии и иудейской доктрине; и что вместо того, чтобы быть произведением мистика, она скорее является своего рода памяткой или мнемоническим руководством.

II

Зоар, что означает «сияние», как и *Сефер Йериза*, является результатом длительного мистического брожения, которое восходит к эпохе, когда Талмуд еще не был завершен, то есть до ^{VI}века нашей эры, и особенно к периоду, называемому Гаоническим. После довольно

длительного затишья этот мистицизм возродился примерно в 820 году нашей эры и продолжился в трудах великих еврейских теологов Ибн Габироля, Иуды Халеви, Аbn-Эзры и, главным образом, Маймонида. Затем, непосредственно подготавливая каббалу, появляется школа Исаака Слепого, которая является прежде всего метафизической, «абстракцией неоплатонических абстракций», как ее определили, где особенно выделяется Нахманид, затем школа Элеазара из Вормса, которая специально занимается тайной букв и чисел, и школа Абулафии, которая развивает чистое созерцание.

Так мы подходим к самому Зоару. Как и Библия, Веды, Авеста и Египетская Книга Мертвых, это не однородное произведение, а продукт медленного созревания, работа многочисленных анонимных соавторов, непоследовательная, бессвязная, часто противоречивая, в которой можно найти все, как лучшее, так и худшее, самые высокие спекуляции и самые экстравагантные и наивные бредни, сборник, хранилище или, скорее, базар, где в беспорядке скопилось все, что не смогло найти место в официальной религии, потому что было слишком смелым, слишком возвышенным, слишком странным или слишком чуждым еврейскому духу.

Нелегко установить дату создания такого рода произведения. Франк, чтобы подчеркнуть его древность, ссылается на его халдейскую форму; однако многие раввины средневековья писали на халдейском арамейском языке. Затем утверждалось, что оно было написано танаитом Симоном бен Йохананом (около 150 г. н. э.), но ничего не подтверждает эту атрибуцию. Не найдено никаких достоверных следов его существования до конца ^{XIII} века. Наиболее вероятно, и ученый С. Карппе приходит к этому выводу после длительного и тщательного обсуждения всех гипотез, что Моисей де Леон, живший в начале ^{XIV} века, безусловно был причастен к созданию Зоара; и если он и не был его основным автором, то собрал воедино ряд мистических фрагментов, комментариев к Писанию, которые, как и многие другие произведения еврейской литературы, были созданы в результате сотрудничества нескольких писателей. В любом случае, можно с уверенностью сказать, что Зоар, каким мы его знаем, является относительно современным произведением.

III

Вместо Иеговы из Библии, единственного, личного, антропоморфного бога и непосредственного создателя вселенной, Зоар подставляет, или, скорее, накладывает или предполагает *Эн-Соф*, то есть бесконечность, *Айн*, то есть небытие, Старший из старейших, Таинственный из таинственных, Длинное Лицо. Эн-Соф — это Бог сам по себе, столь же непознаваемый и непостижимый, как Причина без причины или Высший Дух Вед, от которых он является лишь модифицированной копией, созданной еврейским гением. Он даже ближе к небытию, чем высший дух индусов, его первое проявление, первая Сефира, «Корона», все еще является небытием; он является Айн Айна, небытием небытия. Его даже не называют «Это», как в Индии. «Когда все еще было окутано им, — говорит Зоар, — Бог был тайным среди тайных. Тогда он был безымянным. Единственным подходящим для него термином было бы вопросительное: Кто[49]?».

[49] Зоар, II, 105.

Его можно описать только отрицательно и противоречиво. «Он отделен, поскольку превосходит все, и он не отделен. Он имеет форму и не имеет формы. Он имеет форму, поскольку создает вселенную, и не имеет формы, поскольку не заключен в ней[50]».

[50] Зоар, III, 288-а.

До развития вселенной он не существовал или был лишь вопросительным знаком в небытии. Таким образом, вначале мы сталкиваемся с признанием абсолютного, непреодолимого, непреложного невежества. Эн-Соф — это лишь безграничное увеличение Непознаваемого; Бог Библии поглощается и исчезает в огромной абстракции; отсюда и необходимость тайны.

Но это непостижимое, непроницаемое, неподвижное, вечное отрицание, как и высшая Причина индийских религий, нужно было вывести из небытия и неподвижности, перевести из бесконечности в конечное, из невидимого в видимое, и здесь начинаются трудности. Если Бог бесконечен, то есть заполняет все, то как рядом с Эн-Соф, бесконечностью, может быть место для Соф, конечности? Зоар явно затрудняется с ответом, и его объяснения уводят его далеко от скромной и величественной простоты индуистской теософии. Он не хочет признавать свое невежество, он хочет все объяснить и, нащупывая Непознаваемое, запутывается в часто несовместимых интерпретациях, а когда земля уходит из-под ног, прибегает к аллегориям и метафорам, чтобы скрыть бессилие мысли или найти кажущийся выход из тупика, в который он попал. Он на мгновение задается вопросом, признать ли ему сотворение *из ничего*, распространяя на этот первый акт непостижимый характер божества; затем он, кажется, передумывает и присоединяется к учению об эманации, которое он нашел в Индии, в зороастризме и у неоплатоников. Он модифицирует ее, чтобы приспособить к еврейскому гению, и усложняет до крайности, не сумев прояснить.

Эта теория эманации в Зоаре действительно странно неясна, неопределенна, разнородна и постоянно впадает в антропоморфизм.

Чтобы освободить место для вселенной, Бог, который заполнял все, концентрируется, и в освободившемся пространстве излучает свою мысль и экстернализирует часть себя. Эта первая эманация или излучение — это первая Сефира, «Корона». Она представляет бесконечность, сделавшую шаг к конечному, Ничто, сделавшее шаг к Бытию, первоначальную субстанцию. Из этой первой Сефиры, почти еще небытия, но небытия, более доступного нашему разуму, эволюционируя, исходят две новые Сефиры: Мудрость, мужской принцип, и Интеллект, женский принцип; то есть из «Короны» появляются противоположности, первое различие вещей. Из союза Мудрости и Интеллекта рождается Наука; таким образом, мы получаем чистую Идею, внешне проявленную Мысль и Голос или Слово, которое связывает первую со второй. За этой первой троицей Сефирот следует другая: Благодать или Величие, Справедливость или Суровость или Сила и их посредник Красота. Наконец, Сефирот, слившиеся в Красоте, продолжают развиваться и образуют третью группу: Победа, Слава, Основание и, наконец, Сефира Империя или Царство, которая реализует все Сефирот в видимом мире.

Вместе Сефирот образуют таинственного Адама Кадмона, высшего человека, первобытного человека, о котором оккультисты много говорят и который сам представляет вселенную.

Это объяснение необъяснимого, как и все объяснения такого рода, в конечном счете ничего не объясняет и скрывает непонятное под потоком изобретательных метафор. Подчиняясь, как и предыдущие религии, необходимости навести мост между бесконечностью и конечным, между непостижимым и мыслью, вместо того, чтобы, как Индия, довольствоваться пробуждением или раздвоением Высшей Причины, или египетским Логосом, персидского и неоплатонического, она умножает мосты, умножая посредников; но, несмотря на свое многочисленность, эти мосты приводят к тому же признанию невежества. В любом случае, это объяснение, скрывая новое признание под грудой образов, имеет то преимущество, что отсылает в своего рода недоступное *«In расе»* первое, самое смущающее, главное признание, которое ставит вне нашей досягаемости первопричину и существование

Бога. С момента сотворения Сефирот и вселенной Эн-Соф обычно забывается; как «Это» в Индии, как «Нун» в Египте, о нем охотно умалчивают, редко задаются вопросами по поводу него. Даже для такой тайной и загадочной доктрины, как каббала, он слишком таинственен, слишком загадочен, слишком непонятен, и все внимание сосредоточено исключительно на эманациях, которые ему придает воображение и которые мы считаем известными, потому что дали им имена, добродетели, функции, атрибуты, одним словом, потому что создали их сами.

IV

Когда Эн-Соф начал свои эманации? На этот вопрос, который Индия решала с помощью теории снов и пробуждений Брахмы, не имеющих ни начала, ни конца, каббала не дает очень четкого ответа. «До того, как Бог создал этот мир, он создал много миров и уничтожил их, пока ему не пришла в голову мысль создать этот[51]». Что стало с этими исчезнувшими мирами? « Это привилегия, — отвечает она, — высшей силы царя, что эти миры, которые не смогли принять форму, не погибают, что ничего не погибает, даже дыхание его уст; все имеет свое место и свое предназначение, и Бог знает, что он с этим делает. Даже слово человека и звук его голоса не исчезают в небытие, все имеет свое место и свое жилище[52]».

[51] III, 61-b.

[52] II, 100-b.

А что же будет с нашим миром? Куда он движется? Какова его судьба? Зоар – это разнородное произведение, составленное очень поздно, поэтому его доктрина в этом отношении гораздо менее четкая, чем доктрина брахманизма; но, избавленная от нелогичных и посторонних элементов, которые часто проникают в нее и отвлекают ее от основной линии, она также приходит к пантеизму, а через пантеизм – к неизбежному оптимизму. Эн-Соф, бесконечность, есть все, следовательно, все есть он. Чтобы проявить себя, чистая абстракция развивается через посредников и, добровольно деградируя из доброты, приводит к мысли и материи, которая является лишь последней степенью деградации мысли; и когда наступит мессианская эра, «все вернется к своему истоку, откуда оно вышло»[53].

[53] III, 296.

Человек, который в Зоаре является центром мира и микрокосмосом, уже после своей смерти может наслаждаться этим возвращением к совершенству, а его очищенная душа может получить поцелуй мира, который «снова и навсегда соединяет ее с ее корнем, с ее началом[54]».

[54] I, 68-a.

А зло? Зло в Зоаре, как и в брахманизме, — это материя. «Человек своей победой над злом торжествует над материей или, скорее, подчиняет в себе материю более высокому призванию; он облагораживает материю и поднимает ее с крайней точки, куда она была отвергнута, к месту ее происхождения. В нем, который является великим сознанием, материя осознает расстояние, которое отделяет ее от высшего блага, и стремится к этому благу. Через человека тьма стремится к свету, многое к единому, вся природа к Богу.

«Через человека Бог воссоздает себя, пройдя через все великолепное разнообразие существ. Поскольку человек является обобщенным выражением всего, когда он побеждает

зло в себе, он побеждает его во всем, он увлекает в своем восхождении все низшие элементы, и его восхождение приводит к восхождению всего космоса[55]».

[55] С. Карппе, указ. соч., с. 478.

Но почему зло было необходимо? «Почему, спрашивает Зоар, если душа по своей сути небесна, она спускается на землю?» Ответ на этот великий вопрос, на который не дала ответа ни одна религия, Зоар, как обычно, когда он находится в затруднительном положении, уклоняется от него с помощью аллегории: «Один царь послал своего сына в деревню, чтобы тот стал крепким и приобрел необходимые знания. Через некоторое время ему сообщили, что его сын вырос, окреп и закончил свое образование. Тогда он из любви к нему послал саму королеву, чтобы она забрала его и привела обратно во дворец. Так природа рождает царю вселенной сына, небесную душу, и он посылает его в поля, то есть в земную вселенную, чтобы он окреп и облагородился[56]».

[56] I, 245.

Ученики Р. Симона бен Земаха Дурана, одного из великих докторов Зоара, спрашивают его: «Не лучше ли было бы, чтобы человек не родился, чем родиться со способностью грешить и раздражать Бога? » И учитель ответил: «Конечно, нет, потому что вселенная в том виде, в каком она есть, является лучшим из возможных. Закон необходим для поддержания этой вселенной, иначе вселенная была бы пустыней; а человек, в свою очередь, необходим закону...» Ученики поняли и сказали: «Конечно, Бог не создал мир без причины; закон — это одеяние Бога, благодаря которому он становится доступным. Без человеческой добродетели Бог имел бы лишь жалкое одеяние. Тот, кто творит зло, оскверняет в своей душе одеяние Бога, а тот, кто творит добро, облачается божественным великолепием[57]». Было бы неблагоприятно с нашей стороны проявлять больше требовательности, чем эти уступчивые и уважительные ученики.

[57] I, 23-a-b.

Другой важный вопрос, вечность наказаний, также уклоняется. Логично, что пантеистическая религия не может допустить, что Бог вечно наказывает и мучает часть самого себя. Зоар где-то говорит: «Сколько душ и духов вечно блуждают и никогда больше не увидят небесных чертог!»

Но с другой стороны, он явно проповедует доктрину переселения душ, то есть постепенного очищения душ через последовательные существования; и он опирает эту доктрину, очевидно заимствованную из великих религий прошлого, на тексты Библии, в частности на Экклезиаста (IV, 2), где сказано: «И я хвалю мертвых, которые уже умерли, больше, чем живых, которые еще живут». Что означает, спрашивает Зоар, мертвые, которые уже умерли? Это те, кто уже умерли однажды, то есть те, кто уже не находятся в своем первом странствии. Однако очевидно, что доктрина очищающей переселения душ обязательно исключает вечные мучения.

V

Зоар, как я уже сказал, обширным анонимным сборником, который под предлогом раскрытия посвященным тайного смысла Библии и особенно Пятикнижия, одевает в еврейские одежды великое признание невежества великих предшествующих религий, перегружая эти одежды всеми новыми и сложными украшениями, которые ему предоставляют эссеи, неоплатоники, гностики и даже первые века христианства. Он, признает он это или нет, в основных вопросах явно агностичен, как и брахманизм. Он

пантеист, как и брахманизм. Для него творение — это скорее эманация, а зло — это материя и разделение или множественность, а добро — возвращение к духу и единству. Наконец, он признает переселение душ и их очищение и, следовательно, карму, а также окончательное поглощение божеством, то есть нирвану.

Любопытно отметить, что здесь мы впервые сталкиваемся — поскольку другие до нас не дошли — с эзотерической доктриной, провозглашающей себя таковой, и эта доктрина не может научить нас ничему другому, кроме того, чему нас без колебаний и тайн, по крайней мере вначале, учили первобытные религии. Как и они, с ее большими признаниями и уловками, разными по форме, но в сущности одинаковыми, чтобы перейти от небытия к бытию, от бесконечности к конечному, от непознаваемого к познаваемому, она принадлежит к той же рационалистической традиции, которая пытается объяснить необъяснимое с помощью правдоподобных гипотез и умозаключений, которым мы могли бы дать другие формулировки и другие названия, но которые, в конечном счете, мы были бы неспособны, даже сегодня, значительно улучшить. В лучшем случае мы были бы склонны отказаться от любых объяснений и признать свое незнание в отношении всех истоков, проявлений и целей жизни, что, возможно, было бы самым мудрым решением.

Таким образом, она показывает нам, что любая тайная доктрина, вероятно, никогда не была и, без сомнения, не может быть чем-то иным; и что самые высокие откровения, которые нам были даны, всегда были извлечены из человека самим человеком.

Легко представить, какое значение приобрела эта оккультная доктрина в средние века. Известная лишь немногим посвященным, окутанная непонятными формулами и образами, передаваемая шепотом из уст в уста среди страшных опасностей, она обладала подпольным влиянием, своего рода мрачным и непреодолимым притяжением. Она смотрела на мир с гораздо большей высоты, чем Библия, которую она считала сотканной из аллегорий, за которыми скрывалась истина, известная только ей; она приносила людям, сквозь заросли своей странной и паразитической растительности, последние отголоски великих учений человеческого разума на заре его развития.

ГЕРМЕТИСТЫ

I

Весь оккультизм или герметизм средневековья происходит из каббалы и александрийских писаний, к которым, возможно, были добавлены некоторые традиции магических практик, широко распространенных в древнем Египте и Халдее.

Теософская и философская часть этого оккультизма не может нам ничего нового научить. Она является лишь искаженным отражением, крайне искаженным и зачастую неузнаваемым повторением того, что мы уже видели и слышали. Таинственный аппарат, которым она окружает себя и который сначала интригует и создает иллюзию, является лишь необходимой мерой предосторожности, чтобы скрыть от глаз Церкви запрещенные, еретические и опасные утверждения, которые она содержала. Оккультная иконография, знаки, звезды, треугольники, пентаграммы, пентакли были в сущности памятками, паролями или своего рода ребусами, которые позволяли единомышленникам узнавать друг друга и обмениваться истинами, постоянно угрожавшими костром, и, судя по объяснениям, которые нам дали, не содержали и не могли содержать ничего, что сегодня не казалось бы нам вполне приемлемым и безобидным.

Сама алхимия, которая остается наиболее интересной областью средневекового оккультизма, в сущности является лишь обманчивой иллюзией, своего рода завесой, за которой истинные посвященные искали секрет жизни. «Великое дело, — говорит Элифас Леви, — не было, строго говоря, секретом трансмутации металлов, что было второстепенным результатом, а всеобщим тайным знанием жизни, поиском центральной точки трансформации, где свет превращается в материю и конденсируется в землю, содержащую в себе принцип движения и жизни... Это закрепление астрального света с помощью верховной магии воли». Это приводит нас к феноменам одической энергии, о которых мы поговорим позже и которые ставят нас на путь этого закрепления.

Более того, в глазах великих посвященных поиск золота был лишь символом, который скрывал поиск божественного и божественных способностей в человеке; и только низшие алхимики, которые буквально воспринимали каббалистические указания гримуаров, изнуряли себя решением проблем и разорялись, проводя эксперименты, которые, впрочем, привели к прогрессу и открытиям в химии, которые в некоторых вопросах до сих пор не превзойдены.

II

С другой стороны, слишком легко представить себе, что оккультизм средневековья был прежде всего дьявольским. Правда же заключается в том, что посвященные не верили в демонов и не могли в них верить, поскольку не признавали христианское откровение в том виде, в каком его представляла им Церковь. «Нет демонов вне человечества» — одна из основных аксиом высшего оккультизма. «Это, — говорил Ван Хельмонт, — плод безграничной лени — приписывать дьяволу то, чего мы не знаем». «Нельзя оставлять эту честь дьяволу», — протестовал со своей стороны Парацельс.

Демоны и черти, падшие ангелы или проклятые, окруженные вечным пламенем, кишат только в подземельях черной магии или колдовства. Фантазмагория шабашей слишком часто скрывает от нас истинный оккультизм, который был прежде всего, в условиях постоянной смертельной опасности и враждебной тьмы, осторожным и страстным поиском истины, или по крайней мере видимости истины, потому что в этом мире нет ничего другого, что сияло, что, возможно, еще сияло где-то, но казалась утраченной, и от которой остались только драгоценные, но бесформенные обломки, смешанные с густой пылью раздражающих и разочаровывающих лжи; и лучшие силы иссякали в неблагоприятной сортировке.

III

Отвергая адских духов, они, тем не менее, верили в существование и вмешательство других невидимых существ. Они были убеждены, что мир, который ускользает от наших чувств, гораздо более населен, чем тот, который мы воспринимаем, и что мы живем среди множества прозрачных, но внимательных и активных существ, которые чаще всего действуют на нас без нашего ведома, но на которых мы, благодаря специальному воспитанию нашей воли, можем в свою очередь воздействовать. Эти невидимые существа не выходили из ада, поскольку для посвященных средневековья, почти так же как и для верующих великих религий, в те времена, когда посвящение еще не было необходимым, ад был не местом пыток и проклятий, а состоянием души после смерти. Это были либо духи, блуждающие вне плоти, стоившие примерно столько же, сколько они стоили во время своей земной жизни, либо духи существ, которые еще не воплотились, называемые элементами, нейтральными, безразличными, морально аморфными и абулическими духами, творящими добро или зло по воле того, кто научился ими управлять.

Несомненно, что некоторые опыты наших спиритуалистов, в частности «перекрестная переписка», некоторые почти научно подтвержденные посмертные явления, некоторые явления материализации, идеопластики и левитации ставят под серьезное сомнение правдоподобность этих теорий.

Что касается сцен вызова духов, которые часто балансируют между высшей магией и гоегией или черной магией и которые, в глазах простолюдинов, наряду с алхимией и астрологией, занимают три вершины оккультизма, то, если не считать их торжественную обстановку, кабалистические формулы и впечатляющие ритуалы, они в точности соответствуют более привычным вызовам, которые ежедневно происходят вокруг наших вращающихся столов, скромного «Уиджа» или магических зеркал. Они также соответствуют явлениям, которые производила, например, знаменитая Эусапия Паладино и которые в настоящее время, под самым строгим контролем, медиум г-жа Биссон, с той разницей, что вместо человеческого призрака, которого сегодня ждут зрители, верующие средневековья хотели увидеть самого дьявола, и дьявол, который преследовал их мысли, появлялся перед ними таким, каким они его себе представляли.

Есть ли в этих проявлениях самосуггестия, коллективная суггестия, экссудация, перенос и кристаллизация одухотворенной материи, заимствованной у зрителей, или в них смешивается какой-то внеземной и неизвестный элемент? Если невозможно разобраться в этом, когда речь идет о фактах, происходящих на наших глазах, то тем более было бы опрометчиво решать этот вопрос, когда речь идет о явлениях, имеющих многовековую историю и известных нам только по более или менее тенденциозным рассказам.

IV

Наконец, алхимия и астрология, две другие вершины, о которых я только что упомянул, являются в оккультизме средневековья науками из вторых рук, которые с точки зрения великой тайны не приносят нам никаких новых элементов, а их греческие, еврейские и арабские истоки связаны с Египтом и Халдеей только через апокрифические и относительно недавние писания. Это исследование, касающееся алхимии, было блестяще проведено Пьером Бертело в его книге *«Происхождение алхимии»*. Он исчерпал тему, по крайней мере в ее химической части, но, возможно, его работу можно было бы дополнить с точки зрения гиперхимии, метакимии или психохимии, которые кажутся не менее важными. Было бы также желательно, чтобы какой-нибудь великий астроном-философ дал нам аналог этой замечательной работы по астрологии, но пока источники настолько скудны, что это кажется практически невозможным. То же самое следовало бы сделать и для герметической медицины, которая, кстати, связана с алхимией и астрологией.

Но алхимия и астрология, которые, в сущности, являются лишь трансцендентальной химией и астрономией, претендуя на превосходство над материей и звездами, чтобы достичь духовных и вечных принципов, которые составляют одно и управляют другими, возможно, не приготовили бы нам сюрпризов и откровений, если бы мы могли напрямую вернуться к их индуистским, египетским и халдейским, чего до сих пор сделать не удалось, поскольку у нас есть только знаменитый Лейденский папирус, а этот единственный документ представляет собой лишь записную книжку египетского ювелира, содержащую формулы для составления сплавов, позолоты металлов, окрашивания тканей в пурпурный цвет, а также имитации и подделки золота и серебра.

Среди средневековых оккультистов, почти все из которых были алхимиками, ограничимся упоминанием имен Раймунда Луллия (XIII век), *Доктора Просветленного*, автора *Ars Magna*, практически нечитаемого сегодня, Николая Фламеля (XV^{век} века), который, по мнению Бертело, был чистым шарлатаном, Рейхлина, Вайгеля, учителя Боэма, Бернарда Тревизана, Василия Валентина, который изучал прежде всего сурьму, двух Исааков, отца и сына, Яна Тритхема, которого Элифас Леви называет «величайшим догматическим магом средневековья», хотя его знаменитая криптография, *Polygraphia* или *Steganographia*, представляет собой довольно детские игры со словами, и его ученик Корнелиус Агриппа, автор *De Occulta Philosophia*, который просто переиздает теории Александрийской школы и, по словам Элифаса Леви, является «лишь дерзким кощунником, к счастью, очень поверхностным в своих писаниях». В XVI^{век}е был еще Гийом Постель, который знал греческий, иврит и арабский языки, много путешествовал и привез в Европу важные восточные рукописи, в том числе произведения Абул-Феды, арабского историка XIII века. «Дорогой и добрый Гийом Постель, — пишет Элифас Леви в письме барону Спедалиери, нашему отцу в Святой Науке, поскольку мы обязаны ему знанием Сефер Йесира и Зоара, был бы величайшим посвященным своего века, если бы аскетический мистицизм и вынужденное безбрачие не затуманили его разум опьяняющими парами энтузиазма, которые порой приводили его высокий разум в состояние бреда», — замечает, между прочим, что можно отнести и к герметистам других времен и других стран.

После Генри Кунрата, Освальда Кроллиуса и других мы переходим к началу XVII^{век}а, великой эпохе алхимии, которая стала ближе к науке в собственном смысле этого слова. Ван Хельмонт открывает желудочный сок, Глаубер — сульфат натрия, тяжелые масла из дегтя и предвидит хлор, а Кункель находит фосфор.

Если бы я здесь излагал общую историю оккультизма, вместо того чтобы просто искать, чему могут научить нас последние адепты, сознательные или бессознательные, оккультной мудрости, следы которой мы прослеживали на протяжении веков, я должен был бы на мгновение остановиться на этих загадочных тамплиерах, которые частично переняли еврейские традиции и рассказы Талмуда; а после которых пришли розенкрейцеры. Мне также пришлось бы выделить и изучить немного подробнее две странные и загадочные фигуры, которые доминируют и обобщают весь оккультизм средневековья, а именно Парацельс и Якоб Боэм. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что и они, какими бы ни были их претензии, не черпали из неизвестного источника те откровения, которые они принесли и которые потрясли их современников.

Филипп-Авреол-Теофраст-Бомбаст фон Гогенхайм, известный как Парацельс (приблизительный перевод Гогенхайма), родившийся в Швейцарии в 1493 году и умерший в Зальцбурге в 1541 году, несет на себе бремя несправедливой легенды, которая представляет его как пьяницу, развратника, шарлатана и сумасшедшего. У него, несомненно, было много недостатков, и он не всегда казался вполне уравновешенным, но тем не менее он остается одним из самых необыкновенных людей, упоминаемых в истории. Он был неоплатоником и, следовательно, знал о существовании александрийских писаний, доступных герметистам его времени; но, кроме того, вполне вероятно, что во время своих путешествий по Турции и Египту он более непосредственно познакомился с некоторыми азиатскими традициями, касающимися эфирного или астрального тела, на теориях о которых он основал всю свою медицину. Он учил, как учили древние индуистские трактаты, которые впоследствии были вновь открыты теософами, что наши болезни происходят не из нашего физического тела, а из нашего эфирного тела, которое примерно соответствует тому, что мы сегодня называем

подсознанием, и что, следовательно, необходимо воздействовать прежде всего на это подсознание. Несомненно, что многие факты во многих случаях подтверждают эту гипотезу, и, возможно, именно в этом направлении будет развиваться терапия будущего. По его мнению, сами растения имеют эфирное тело, и лекарства действуют не благодаря своим химическим свойствам, а благодаря своим астральным свойствам, что еще раз подтверждает недавнее открытие «Ода», о котором мы поговорим позже.

Его идеи о существовании вселенской жизненной силы, Акаша индусов, которую он называл Алкахест, и астрального света каббалистов, также напоминают нам о современных теориях о преобладающей роли эфира. С другой стороны, очевидно, что он часто переходил границы, чрезмерно и наивно систематизируя чисто кажущиеся или вербальные соответствия между некоторыми частями человеческого тела и частями лекарственных растений; так же как и его утверждения об *Архях*, своего рода особых духах, отвечающих за функции различных органов, и его шарлатанские фантазии о *Гомункуле*, больше не являются оправданными. Но эти ошибки были присущи науке его времени и, возможно, не намного смешнее наших. В конечном счете, он остался в памяти как удивительный предшественник и выдающийся провидец.

Что же касается Якоба Бозма, знаменитого сапожника из Гёрлица, то его случай был бы чудесным и совершенно необъяснимым, если бы он действительно был неграмотным, как о нем говорили. Но эту легенду следует решительно отбросить. Бозм изучал немецких теософов, в частности Парацельса, и прекрасно знал неоплатоников, чьи учения он, по сути, переиздавал, немного искажая их, облекая более туманной, но порой неожиданной и очень впечатляющей фразеологией и смешивая с элементами каббалы, мистической математики и алхимии. Тех, кого интересует этот странный и, безусловно, гениальный, но очень неровный ум — ведь в его творчестве есть много нечитаемого беспорядка — я отсылаю к исследованию, посвященному ему Эмилем Бутру (Émile Boutroux) под названием «Немецкий философ Якоб Бозм» (*Le Philosophe Allemand Jacob Bœhme*). Лучшего руководства им не найти.

СОВРЕМЕННЫЕ ОККУЛЬТИСТЫ

I

До открытий индологов и египтологов современные оккультисты, которых можно — если не считать Сведенборга, великого одинокого провидца — проследить до Мартинеса Паскуалиса, родившегося в 1715 году и умершего в 1779 году, неизбежно работали над одними и теми же текстами и традициями, поочередно уделяя внимание, в зависимости от своих вкусов, каббале или александрийским теориям. Паскалис ничего не написал, но оставил после себя легенду о престижном маге. Его ученик, Клод де Сен-Мартен, «Неизвестный философ», был своего рода интуитивным теософом, который в конце концов заново открыл для себя Якоба Бозме. Его книги, хорошо продуманные и замечательно написанные, до сих пор можно читать с удовольствием и даже с пользой. Не останавливаясь на графе Сен-Жермене, который утверждал, что сохранил воспоминания обо всех своих предыдущих жизнях, на Калиостро, могущественном иллюзионисте и грозном шарлатане, на маркизе д'Аржане, доме Пернетти, д'Эспремение, Лаватере, Эккартсхаузене, Делилле де Салле, аббате Террассоне, Бергасса, Клуца, Курта де Гебелина, ни ко всем мистикам, которые в конце XVIII^е века, кишели в аристократии и масонских ложах и входили в тайные общества, которые готовили Революцию, но не могут научить нас ничему серьезному,

запомним имя Фабра д'Оливе, писателя первого порядка, который дает нам новую, смелую и грандиозную интерпретацию Книги Бытия Моисея, смелое и грандиозное, о ценности которого я, не будучи специалистом по ивриту, не вправе судить, но которое, судя по недавним исследованиям каббалы, кажется подтвержденным и представлено с впечатляющим научным и филологическим обоснованием.

II

А вот и Элифас Леви с его книгами с тревожными названиями: *«История магии»*, *Ключ к великим тайнам*, *Догма и ритуал высшей магии*, *Великий Аркан или раскрытый оккультизм* и т. д., последний мастер оккультизма в собственном смысле этого слова, оккультизма, который непосредственно предшествует оккультизму наших метапсихологов, которые окончательно отказались от каббалы, гнозиса, александрийцев и теперь опираются только на научный опыт.

Элифас Леви, настоящее имя которого Альфонс-Луи-Констан, родился в 1810 году и умер в 1875 году, в некотором роде обобщает весь оккультизм средневековья с его пробками, полуправдами, урезанными знаниями, интуицией, раздражающей неясностью, досадной сдержанностью, ошибками и предрассудками. Писавший до того, как узнал или захотел воспользоваться основными открытиями индологов и египтологов, а также работами современных критиков, лишенный самого критического духа, он работал только с упомянутыми нами средневековыми документами; и, за исключением Сефер Йериза, Зоара (из которого он знал только фантастические фрагменты из *Каббалы Денудата*), Талмуда и Апокалипсиса, предпочитал привязываться к самым бесспорным апокрифам. Помимо тех, которые я только что упомянул, его тремя любимыми книгами были *Книга Еноха*, *Писания Гермеса Трисмегиста* и *Таро*.

Книга Еноха, которую легенда приписывает патриарху Еноху, сыну Иаред и отцу Мафусала, должна быть датирована примерно христианской эрой, поскольку последним событием, известным ее автору, является война Антиоха Сидета против Иоанна Гиркана. Это апокалиптическая книга, вероятно написанная ессеями, о чем свидетельствует ее ангеология, и оказавшая глубокое влияние на иудейский мистицизм до появления Зоара.

Писания Гермеса Трисмегиста, переведенные Луи Менаром, которому он посвятил свое окончательное исследование[58], приписываемые Тоту, египетскому Гермесу, раскрывают нам в своем представлении о Боге очень любопытные аналогии со священными книгами Индии, в частности с *Бхагават-Гитой*, и еще раз показывают нам всеобщее проникновение великой первобытной религии. Но хронологически нет ни малейшего сомнения: *Поимандрес*, *Асклепий* и фрагменты *Священной книги* родились в Александрии. Герметическая теология полна неоплатонических идей и выражений, а также заимствований из Филона; целые отрывки из *«Поимандреса»* можно сопоставить с *«Откровением Иоанна Богослова»* и они перекликаются друг с другом, что доказывает, что обе книги были написаны в одно и то же время. Поэтому неудивительно, что, как и Ямблик, они не могут ничего рассказать нам о религии древнего Египта, поскольку в то время, когда греки изучали ее, символика этой религии, как замечает Луи Менар, уже была мертвой буквой даже для самих жрецов.

[58] Луи Менар, *Гермес Трисмегист*.

Что касается *Таро*, то, по словам оккультистов, это первая книга, написанная человеческой рукой, которая появилась раньше индийских книг и оттуда попала в Египет. К сожалению, в археологии этих двух стран нет никаких следов этого. Правда, итальянская хроника

сообщает нам, что первая колода карт, которая является ни чем иным, как популярным Таро, была завезена в Витербо в 1379 году сарацинами, что указывает на восточное происхождение. В любом случае, в своей нынешней форме она восходит только к Жакмену Грингонье, иллюминатору времен Карла VI.

Очевидно, что, опираясь на такие документы, Элифас Леви не может раскрыть нам ничего серьезного. Кроме того, он затруднен неблагодарной и невозможной задачей, которую он поставил перед собой, пытаясь примирить оккультизм с католическим догматом. Но его эрудиция в своей сфере замечательна, и он иногда имеет удивительные интуитивные озарения, которые, кажется, предвосхищают многие открытия наших метапсихологов, особенно в том, что касается медиумов, одических флюидов и проявлений астрала. Кроме того, когда он затрагивает тему, которая не является чисто фантастической и связана с глубокими реалиями, например, в морали и даже в политике, и когда, как это часто делают оккультисты, он не окутывает себя раздражающими намеками, которые, кажется, боятся сказать слишком много и в глубине души выдают только страх не иметь что сказать, он иногда пишет отличные страницы, которые, после преувеличенной моды, которой они пользовались, не заслуживают несправедливого забвения, к которому, похоже, они обречены.

III

В школе Элифаса Леви, следуя примерно тем же заблуждениям, можно отнести двух выдающихся людей: Станисласа де Гуайта и доктора Энкауса, более известного под именем Папус. Их случай довольно особенный. Это два великих учених, глубоко знакомых с каббалистической, греко-египетской литературой и всем герметизмом средневековья. Они также знакомы с работами востоковедов, египтологов, теософов и исследованиями наших чисто научных оккультистов. Они также знают, что тексты, на которые они ссылаются, являются крайне подозрительными апокрифами; и хотя они знают об этом и иногда заявляют об этом, они исходят из этих текстов, привязываются к ним, ограничиваются ими и основывают на них свои теории, как если бы речь шла об аутентичных и неоспоримых документах. Так, де Гуайта строит наиболее важную часть своего труда на «Изумрудной скрижали», апокрифе апокрифа Тримегиста, после того как заявил: «Мы не будем спорить об аутентичности, авторстве и дате одного из самых великолепных инициатических документов, переданных нам греко-египетской древностью.

Одни упорно видят в нем лишь бессвязное произведение александрийского мечтателя, другие даже называют этот документ апокрифом V века. Некоторые считают его четырехтысячелетней давности.

«Какая нам разница... Несомненно, что эта страница обобщает традиции древнего Египта[59]».

[59] Станислас де Гуайта, *Ключ к черной магии*, стр. 119.

Это совсем не так, поскольку подлинные памятники Египта фараонов не дают нам абсолютно ничего, что подтверждало бы это непонятное резюме, а фраза «Какая нам разница» не слишком ли высокомерна, когда речь идет о тексте, который является краеугольным камнем его учения?

Со своей стороны, Папус посвящает целый том комментариям к Таро, в котором он видит древнейший памятник эзотерической мудрости, хотя он лучше всех знает, что подлинных следов его не найдено до ^{XIV} века.

Указывая на этот странный пробел в основе их работы, — и, естественно, он имеет многочисленные последствия, — я ни в коем случае не хочу подвергать сомнению честность и очевидную добросовестность этой чрезвычайно интересной работы, полной оригинальных идей, интуиции, гипотез, интерпретаций, изобретательных сопоставлений, исследований и любопытных находок. Они оба знают много забытых или пренебрегаемых вещей, о которых иногда полезно вспомнить; и если Папус, слишком торопясь, часто небрежно относится к своим томам, то де Гуайта всегда, почти до чрезмерности, заботится о своей высокомерной, внимательной, блестящей и немного чопорной манере выражения.

IV

Положение неотеософов в некоторой степени аналогично положению трех оккультистов, о которых я только что говорил. Известно, что «Теософское общество» было основано в 1875 году г-жой Блаватской. Я не собираюсь здесь судить с моральной точки зрения эту загадочную женщину. Несомненно, что отчет ^{доктора}Ходжсона, специально отправленного в Индию в 1884 году «Обществом психических исследований» для расследования ее дела, бросает на нее довольно неприятную тень. Тем не менее, после ознакомления с материалами дела, я согласен, что вполне возможно, что честный Ходжсон сам стал жертвой обмана, более коварного, чем тот, который он пытался разоблачить. Я также знаю, что г-же Блаватской и другим теософам приписывают многочисленные плагиаты; в частности, утверждается, что «*Эзотерический буддизм*» А.-П. Синнета и «*Тайная доктрина*» принадлежат перу некоего Пальмы, рукописи которого были куплены основателями Теософского общества, или что они являются едва замаскированными копиями работ, опубликованных двадцатью годами ранее под подписью западных оккультистов, в частности Луиса Лукаса.

Я не буду задерживаться на этих вопросах, которые кажутся мне гораздо менее важными, чем вопрос о доисторических и секретных документах и эзотерических комментариях, на которых основано все теософское откровение. Кто бы ни был их автором или авторами, я принимаю это произведение таким, каким оно есть. «*Исида раскрыта*», «*Тайная доктрина*» и другие многочисленные сочинения г-жи Блаватской образуют огромный и неуравновешенный монумент, или, скорее, своего рода колоссальную стройку, где высшая мудрость, самая исключительная и обширная эрудиция, а также самые сомнительные обломки науки, легенд и истории, самые впечатляющие и самые беспочвенные гипотезы, самые точные и самые невероятные факты, самые верные и самые химерические идеи, самые высокие мечты и самые бессвязные грезы, высыпаются вперемешку из неиссякаемых телег. Таким образом, в этом накоплении материалов есть значительный объем отходов, фантастических утверждений, которые отвергаются *априори*; но, если быть беспристрастным, нужно признать, что в нем также есть спекуляции, которые относятся к числу самых грандиозных из когда-либо сделанных. Основа, очевидно, ведическая, или, скорее, брахманическая и ведантическая, и находится в текстах, которые не имеют ничего оккультного. Но к этим текстам официальных индологов теософы накладывают другие, которые, по их утверждению, гораздо более древние и чистые и которые им предоставляются и объясняются индуистскими адептами, прямыми наследниками вековой и тайной Мудрости. Несомненно, что их сочинения, не раскрывая ничего нового по существенным вопросам, о которых говорится в признаниях невежества, встречающихся в древних религиях, добавляют к ним множество пояснений, комментариев, теорий и деталей, которые были бы чрезвычайно интересны, если бы они были представлены нам после столь же строгой исторической и филологической критики, какой подвергли свои документы индологи, не претендующие на звание посвященных. К сожалению, это не так. Возьмем, к

примеру, *Книгу Дзяна*, то есть Слоки или таинственные строфы, лежащие в основе всей тайной доктрины г-жи Блаватской. Она представлена нам как «архаичная рукопись, сборник пальмовых листьев, сделанных каким-то неизвестным способом, устойчивых к воздействию воды, воздуха и огня, и написанных на утраченном языке *синзар*, предшествующем санскриту и понятном лишь немногим индуистским адептам», и это все. Ни слова о том, откуда взялась эта рукопись, как она чудесным образом сохранилась, что такое *синзар*, к какому из ста языков, к какому из пятисот или шестисот индуистских диалектов он относится, как он пишется, как его еще можно понять и перевести, к какому примерно периоду он относится и т. д. Но это никого не волнует, и так всегда бывает. Нужно верить на слово и без проверки. Такие методы, конечно, достойны сожаления, потому что если бы эти тексты были подвергнуты достаточной критической оценке, они стали бы одними из самых интересных в азиатской литературе. В том виде, в каком они нам представлены, космогония и антропогенез *Книги Дзяна* кажутся домыслами брахманов и могли бы быть частью *Упанишад*. Они искусно комментируются адептами, прекрасно знакомыми с нашей западной наукой. Если они действительно являются доисторическими, то их утверждения об эволюции миров и человека, частично подтвержденные нашими последними научными открытиями или теориями, действительно вызывают беспокойство. Если же это не так, то эти утверждения становятся простыми гипотезами, всегда грандиозными, иногда правдоподобными, но чаще всего невероятно и ненужно сложными, и в любом случае произвольными и химерическими.

V

Это не мешает «*Тайному учению*» быть своего рода обширной энциклопедией эзотерических наук, особенно в приложениях, комментариях, «парергах», где можно найти множество изобретательных и любопытных сопоставлений между учениями и проявлениями оккультизма в разных странах и на протяжении веков. Иногда из них вырывается неожиданный свет, лучи которого распространяются далеко, на области мысли, которые уже почти не посещаются. В любом случае, эта работа еще раз доказывает, если это вообще необходимо, и с необычайной яркостью, общее происхождение идеи, которая однажды возникла у человечества, задолго до истории, которую мы знаем, о великих тайнах, которые его окружали. В ней также можно найти обширные и превосходные картины, в которых оккультная наука противопоставляется современной науке и, как следует признать, часто кажется предшествующей или превосходящей ее. В ней можно обнаружить еще многое другое, брошенное в беспорядке, но не заслуживающее того презрения, с которым в последнее время к этому относятся.

Кроме того, я не собираюсь здесь заниматься историей или судом над теософией. Просто нужно было упомянуть о ней, поскольку она является предпоследней формой оккультизма. Достаточно добавить, что недостатки ее первоначального метода усугубляются и обостряются у последователей г-жи Блаватской. У г-жи Энни Безант, кстати, замечательной женщины, и у Лидбитера все витает в воздухе, все строится в облаках, а беспочвенные и непроверяемые утверждения все гуще сыплются на каждой странице. Похоже, что они ведут теософию по пути, по которому первые последователи не решаются идти.

Эти недостатки особенно усугубляются и проявляются во всей своей откровенности у некоторых второстепенных авторов, которые менее искусно, чем их учителя, умеют их скрывать; например, у Скотта-Эллиота, историка «*Атлантиды*» и «*Потерянной Лемурии*». Скотт-Эллиот начинает свою историю Атлантиды самым разумным и научным образом. Он ссылается на исторические тексты, которые не оставляют сомнений в том, что огромный остров, один из концов которого простирался недалеко от Геркулесовых столбов, обрушился в океан и исчез навсегда, поглотив чудесную цивилизацию, которую он несил. Он

подтверждает эти тексты очень убедительными доказательствами, взятыми из подводной орографии, существования Саргассового моря, геологии, хорографии и т. д. Затем, внезапно, почти без предупреждения, прибегая к оккультным документам, чудесным образом найденным глиняным глобусам, откровениям, происхождение которых неизвестно, астральным снимкам, которые он якобы получает из пространства и времени и которые он рассматривает наравне с историческими и геологическими аргументами, он подробно описывает нам, как будто он жил среди них, города, храмы, дворцы атлантов и всю их политическую, моральную, религиозную и научную цивилизацию, прилагая к своему труду серию подробных карт сказочных континентов, гиперборейцев, лемурийцев и т. д., исчезнувших 800 000, 200 000 и 60 000 лет назад, и очерченных с такой же тщательностью и уверенностью, как если бы речь шла о современной географии Бретани или Нормандии.

VI

Лидер независимой или отколовшейся ветви теософии, ученый, философ и чрезвычайно любознательный провидец, о котором я уже упоминал, Рудольф Штайнер, использует примерно те же методы, но по крайней мере пытается их объяснить и оправдать.

В отличие от ортодоксальных теософов, он не довольствуется тем, что раскрывает, комментирует и интерпретирует тайные и священные книги восточной традиции, но стремится найти в себе все истины, которые они содержат. «Именно в душе, — провозглашает он, — раскрывается смысл вселенной. » Секрет всего находится в нас, поскольку все находится в нас, и он есть в каждом из нас в той же мере, в какой он был в Христе. «Логос, непрерывно эволюционирующий в миллионах человеческих личностей, был отвлечен и сконцентрирован христианской концепцией на единственной личности Иисуса. Божественная сила, рассеянная по всему миру, была собрана в одном человеке. В глазах этой концепции Иисус — единственный человек, ставший Богом. Он взял на себя обожествление всего человечества. В нем ищут то, что раньше искали в своей собственной душе[60].»

[60] Рудольф Штайнер, *«Христианская тайна и древние тайны»*. Перевод Эдуарда Шуре, стр. 228.

Необходимо возобновить эти исследования, которые слишком долго прерывались символом Христа. Эта идея, вполне оправданная, если рассматривать ее как поиск нашего «трансцендентального Я», подсознание которого является лишь наиболее доступной частью, становится гораздо более спорной в том развитии, которое ей дает наш автор. Он утверждает, что может раскрыть нам способ почти механически и безошибочно пробудить Бога, дремлющего в нас. По его мнению, «разница между восточным и западным посвящением заключается в том, что первое происходило в состоянии сна, а второе — в состоянии бодрствования. Таким образом, удастся избежать всегда опасного отделения эфирного тела от физического». Чтобы достичь экстатического состояния, позволяющего вступить в связь с высшими мирами или со всеми мирами, разбросанными в пространстве и времени, и даже с божеством, необходимо с помощью духовных упражнений методично культивировать и развивать определенные органы астрала, которые позволяют нам видеть и слышать в существах и вещах сущности, которые никогда не проникают на физический план. Принципы этих упражнений, по крайней мере в их духовной части, очевидно заимствованы из древних практик индуистского йоги, в частности из Сутр Патанджали. Штайнер учит, что астральный орган, находящийся вблизи гортани, служит для того, чтобы видеть мысли других людей и позволяет глубоко заглянуть в истинные законы природных явлений. Также орган, расположенный рядом с сердцем, является инструментом, позволяющим познать душевные

состояния других людей. Любой, кто развил бы его, мог бы проверить существование определенных глубоких сил у животных или растений. Наконец, чувство, находящееся в полости желудка, позволяло бы воспринимать способности и таланты людей, а также открывать роль, которую животные, растения, камни, металлы и атмосферные явления играют в экономике природы. Он подробно и тщательно излагает все это, как и все, что касается эволюции, тренировки, организации эфирного тела и видения высшего «Я», в книге под названием *«Посвящение, или Знание высших миров»*[61].

[61] Рудольф Штайнер, *Посвящение*. Перевод Жюля Зауэрвейна, стр. 188 и далее.

Читая этот трактат об экстазе, замечательный во многих отношениях, возникает соблазн спросить, удалось ли автору избежать опасности, от которой он предостерегает своих учеников, и не находится ли он сам «во вселенной, созданной исключительно его собственным воображением»; я не знаю, подтверждает ли опыт его утверждения. Можно попробовать. Методы довольно просты и, в отличие от йоги, совершенно безвредны. Но духовное обучение должно проходить под руководством учителя, которого не всегда легко найти. В любом случае, можно представить себе некое «второе состояние», превосходящее состояние гипнотизированных, сомнамбулов или медиумов, которое дает видения или интуицию, очень отличающиеся от тех, которые дают нам наши чувства или интеллект в их нормальном состоянии. Что касается того, соответствуют ли эти видения или интуиции реальности другого плана или других миров, то этот вопрос могут решить только те, кто их испытал. Большинство великих мистиков спонтанно имели видения и интуиции такого рода, но они были бы действительно интересны только в том случае, если бы было доказано, что они исходили от действительно и полностью неграмотных мистиков. Такими, как утверждается, были Якоб Боэм, теософ-сапожник из Герлица, и Руйсброк Прекрасный, старый монах из Брабанта, живший в XIII и XIV веках. Если в их откровениях действительно не было бессознательных отголосков прочитанного, то в них встречаются такие аналогии с учениями, ставшими позднее эзотерическими, великих первобытных религий, что приходится верить, что на самом верху или на самом дне человечества это учение существует, идентичное, неизменное и скрытое, и соответствует какой-то объективной и универсальной истине. В частности, в *«Украшении духовных браков»*, в *«Книге высшей истины»*, в *«Книге царства влюбленных»* Руйсбрука можно найти целые страницы, которые, если абстрагироваться от христианской фразеологии, могли бы быть написаны анахоретом времен брахманов или неоплатоником из Александрии. С другой стороны, основной идеей произведения Боэма является неоплатоническая идея бессознательного божества или божественного «ничто», которое постепенно обретает сознание, объективируясь и реализуя свои скрытые возможности. Но Боэм, как мы видели, отнюдь не был неграмотным. Что касается Руйсбрука, то, хотя его произведения написаны на фламандском диалекте, на котором до сих пор говорят крестьяне Брабанта и Фландрии, не следует забывать, что до того, как стать отшельником в лесу Сон-не, он был викарием в Брюсселе и жил в мистической атмосфере, созданной в XIIIe и XIVe веках Альберт Великий и, прежде всего, его современники Иоганн Экхарт, мистический пантеизм которого аналогичен пантеизму александрийцев, и Иоанн Таулер, который, по словам Суриуса, переводчика и биографа Руйсбрука, навещал его в его уединении в Гроендале. Жан Таулер также проповедовал союз с божеством и творение Бога в душе. Таким образом, довольно рискованно утверждать, что его видения были абсолютно спонтанными.

VII

Для Штайнера этот вопрос даже не стоит. До того, как он обнаружил или поверил, что обнаружил в себе эзотерические истины, которые он раскрывает, он досконально знал всю

мистическую литературу, так что почти наверняка его видения были принесены ему только отголосками его сознательной или подсознательной памяти. В остальном он мало чем отличается от ортодоксальных теософов, разве что в одном пункте, который может показаться более или менее существенным: вместо того, чтобы делать центром духовной эволюции не Будду, а Будд, то есть последовательных откровителей или посредников, он приписывает Христу главную роль в этой эволюции, синтезируя в нем все божественное, рассеянное по всем людям, и делая его таким образом символом человечества, ищущего Бога, который дремлет в нем. Это мнение можно поддержать, если рассматривать его, как, по-видимому, делает он, с аллегорической точки зрения, но с исторической точки зрения его было бы сложнее отстоять.

Штайнер применил свои интуитивные методы, которые являются своего рода трансцендентальной психометрией, чтобы воссоздать историю атлантов и раскрыть нам, что происходит на Солнце, Луне и в других мирах. Он описывает последовательные преобразования сущностей, которые станут людьми, и делает это с такой уверенностью, что, после того как мы с интересом проследили за его предварительными выводами, свидетельствующими о его очень взвешенном, логичном и широком уме, мы задаемся вопросом: не сошел ли он вдруг с ума, или мы имеем дело с мистификатором, или с настоящим провидцем? В сомнении мы говорим себе, что подсознание, которое уже преподнесло нам столько сюрпризов, возможно, приготовило для нас и другие, не менее фантастические, чем те, что придумал австрийский теософ, и, наученные опытом, мы воздерживаемся от окончательного осуждения.

В конце концов, мы еще раз констатируем, исходя из его произведений, как и из большинства других, что то, что он называет «великой драмой познания, которую древние изображали и проживали в своих храмах», и чья жизнь, смерть и воскресение Христа, как и Осириса и Кришны, является лишь символическим толкованием, скорее следовало бы назвать великой драмой существенного и непобедимого невежества.

МЕТАПСИХИСТЫ

I

Так мы подошли к современным оккультистам, которые уже не являются иерофантами, адептами, посвященными или провидцами, а просто исследователями, применяющими методы экспериментальной науки к изучению аномальных явлений. Эти явления, если только к ним привлечь внимание, можно наблюдать повсюду в жизни. Являются ли они исключительно результатом неизвестных сил подсознания или невидимых сущностей, которые не являются, еще не являются или уже не являются людьми? В этом заключается большой интерес, можно сказать, весь интерес к этому вопросу, но ответ на него пока остается открытым, хотя все чаще его ищут в мире, отличном от нашего; и обращение к спиритизму таких чистых ученых, как сэр Оливер Лодж, а в последнее время и профессор У.-Дж. Кроуфорд, в этом отношении весьма значимо.

Я не буду здесь возвращаться к спиритическим сообщениям, призракам живых и мертвых, предчувствиям, психометрическим и медиумическим проявлениям, исследование которых я набросал в книгах *«Смерть»* и *«Неизвестный гость»*. То, что я сказал об этом в этих книгах, может дать общее, предварительное — ведь в этих областях все предварительно — но

достаточное представление о современном состоянии метапсихологической науки по этим вопросам.

Но есть и другие вопросы, которые тогда не входили в рамки моей работы, но которые я должен затронуть сегодня, во-первых, потому что, быстро, но как можно полнее, в обязательно сокращенной монографии, рассмотрев весь оккультизм прошлого, справедливо будет в той же мере рассмотреть и современный оккультизм, но также и прежде всего потому, что эти вопросы, которые я оставил в стороне, проливают довольно неожиданный свет на ряд других и позволяют сделать, если не выводы, то, по крайней мере, некоторые умозаключения, которые завершат это исследование.

II

Нашим современным оккультистам, как и их более самонадеянным предшественникам, уже не нужно напрямую исследовать непознаваемое, восходить к истокам Причины без Причины, объяснять необъяснимый переход от бесконечности к конечности, от непознаваемого к познаваемому, от духа к материи, от добра к злу, от абсолютного к относительному, от вечного к преходящему, от невидимого к видимому, от неподвижности к движению, от виртуального к реальному, и найти во всем этом непостижимом теогонию, космогонию, религию и мораль, которые не были бы столь отчаянными, как тьма, из которой их пытались извлечь.

Умудренные бесчисленными разочарованиями, они смирились с более скромной ролью. В окружении науки, которая по самой природе своих исследований стала почти неизбежно материалистичной, они терпеливо завоевывают остров, где находят приют явления, которые законы или, скорее, привычки материи, какими мы их знаем, не могут полностью объяснить. Таким образом, они постепенно, если не доказывают нам, то, по крайней мере, подводят нас к доказательству того, что в человеке, которого можно считать своего рода ным обобщением вселенной, существует духовная сила, отличная от той, которая исходит от его органов или его материального и сознательного мозга и которая не зависит исключительно от существования его тела. Признаем, что этот остров наших оккультистов, которые теперь называют себя метапсихологами, все еще довольно беспорядочен. В нем заметно все смятение недавнего и временного обустройства. Каждый день каждый приносит сюда свои маленькие или большие находки, распаковывает их и складывает в беспорядке на берегу. Здесь соседствует очень неопределенное с бесспорным, превосходное с худшим, начало с концом. Пора было бы из этого изобилия и беспорядка материалов извлечь несколько общих законов, которые привели бы в него немного порядка; но сомнительно, что это можно уже сейчас попытаться сделать, поскольку инвентаризация еще не закончена и предчувствуется, что неожиданное открытие может все поставить под сомнение и полностью опровергнуть самые осторожные теории.

А пока можно попробовать начать с самого начала. Поскольку накопленные явления свидетельствуют о том, что духовная сила, исходящая от человека, не зависит полностью от его мозга и жизни его тела, было бы логично сначала доказать, что мысль может существовать без мозга и фактически существовала до появления мозга. Если бы это удалось, посмертное существование и все явления, приписываемые подсознанию, стали бы почти естественными и, во всяком случае, гораздо более объяснимыми.

III

Главное возражение, которое материалисты всегда выдвигали против спиритуалистов и которое они выдвигают и сегодня, но уже не так смело, сводится к следующему: нет

мышления без мозга. Душа или дух – это секрет мозговой ткани; когда мозг умирает, мышление прекращается и ничего не остается.

На это грозное возражение, на эти, казалось бы, неопровержимые утверждения, потому что повседневный опыт смерти постоянно их подтверждает, до сих пор не было никаких действительно серьезных аргументов. В глубине души мы были гораздо более беспомощны, чем осмеливались признать. Но в течение последних нескольких лет работы наших метапсихологов, из которых еще не были извлечены все выводы, наконец-то предоставили если не окончательных аргументов, которые, возможно, никогда не будут найдены, то, по крайней мере, зачатки аргументов, которые позволяют противостоять материалистам не в области религии или метафизики, а на их собственной территории, где царит только богиня экспериментального метода, кстати, весьма уважаемая. Таким образом, мы возвращаемся через века к утверждениям и наблюдениям, которые наши доисторические предки оставили нам в наследство как тайное сокровище, слишком долго погребенное в забвении.

Мы с удовольствием избегали бы этих довольно бесполезных дискуссий между спиритуалистами и материалистами, если бы последние не заставляли нас к ним возвращаться, слепо утверждая, что материя – это все, принцип всего, что все начинается и заканчивается в ней и благодаря ей, и что ничего другого не существует. Было бы разумнее признать раз и навсегда, что материя и дух — это, по сути, два разных состояния одной и той же субстанции или, скорее, одной и той же вечной энергии. Именно это всегда утверждала, яснее, чем любая другая, первобытная религия Индии, добавляя, что дух был первоначальным состоянием этой субстанции или этой энергии, а материя является лишь результатом проявления, конденсации или разложения духа. Вся ее космогония, вся ее теософия и вся ее мораль вытекают из этого фундаментального принципа, последствия которого, хотя на первый взгляд это кажется лишь словесной перепалкой, на практике огромны.

Итак, в первую очередь необходимо выяснить, предшествует ли дух материи или наоборот, является ли материя условием существования духа или, напротив, дух является условием существования материи. Возможно ли ответить на этот вопрос при современном состоянии науки, не принимая во внимание учения великих религий?

Наши материалисты утверждают, что жизнь является необходимым условием для зарождения и формирования мысли в мозге. Они правы, но что такое жизнь в их представлении, как не проявление материи, которая уже не является материей в том понимании, в каком они ее понимают, и которую мы вполне имеем право называть духом, душой и даже богом, если захотим? Если они утверждают, что материя не может произвести жизнь без зародыша, пришедшего извне, то они *ipso facto* переходят в наш лагерь, поскольку признают, что для производства жизни необходимо нечто иное, чем материя. Если же, с другой стороны, они утверждают, что жизнь исходит из материи, то они признают, что она была в ней заранее заключена, и снова присоединяются к нам. Кстати, недавно они были вынуждены признать, что неживой ^{материи} не существует и что камень, блок лавы, стерилизованный самым адским огнем, наделен активностью, — см., в частности, эксперименты ^{доктора} — были вынуждены признать, что неживой материи не существует и что камень, блок лавы, стерилизованный самым адским огнем, обладает абсолютно фантастической внутримолекулярной активностью и расходует во внутренних вихрях энергию, которая способна потрясти целые поезда и заставить их обогнуть наш земной шар. Но что же такое эта активность и эта энергия, как не неопровержимая форма вселенской жизни? И здесь мы снова согласны. Но мы не согласны с тем, что они без всякой причины, или, скорее, вопреки всякой причине, утверждают, что материя существовала до этой

энергии. Мы можем допустить, что она существовала одновременно, с момента создания мира; но простая логика и наблюдение фактов заставляют нас признать, что когда материя начала двигаться, начала развиваться, уже не внутренне, как в камне, а внешне, как в кристалле, растении или животном, то именно та же энергия, та же движущая сила, которая была в ней, определила это движение или эту эволюцию. Та же логика и то же наблюдение фактов заставляют нас признать, что когда речь шла о преобразовании и организации материи, то началась не она, а жизнь, которую она в себе таила. Однако в этом случае, как и в спорах, которые заканчиваются в суде, чрезвычайно важно знать, кто начал. Если это материя, — но, между прочим, как она могла бы что-то начать, как она могла бы проявить инициативу, не переставая быть материей, как ее определяют материалисты, то есть вещью, по своей сути необходимо инертной и неподвижной? — Но, наконец, если допустить невозможное, что это материя начала, то вполне вероятно, что наш разум погибнет или, скорее, угаснет вместе с ней и вернется к той элементарной внутримолекулярной активности, которая ознаменовала его начало и ознаменует его конец. Если же, напротив, сначала появился дух, то не менее вероятно, что, сумев преобразовать материю и организовать ее, он более могущественен и иной природы, чем эта материя, и, сумев ею воспользоваться, извлечь из нее выгоду для развития, роста и возвышения, — а именно духовную эволюцию мы наблюдаем на нашей земле, которая начинается с минералов и заканчивая человеком, — я говорю, что не менее вероятно, что, сумев использовать материю и стать ее хозяином, он не позволит ей, когда она, казалось бы, растворяется, увлечь его в свое растворение, погасить его, когда она гаснет, или заставить его регрессировать к той темной внутримолекулярной деятельности, из которой он ее извлек...

IV

В любом случае, что нас особенно интересует, а именно, что было первым: мышление или мозг, или возможность мышления без мозга, вопрос решен фактами. До появления человека и наиболее умных животных природа уже была гораздо умнее нас и уже реализовала в мире растений, рыб, ящериц, рептилий-птиц и, прежде всего, в мире насекомых, большинство чудесных изобретений, перед которыми мы и сегодня пребываем в восторге. Где же в тот момент находился мозг природы? Вероятно, в материи и, прежде всего, вне материи, повсюду и нигде, как и сегодня. Вы можете возразить, что все это происходило постепенно, с бесконечной медлительностью, через непрерывные пробы и ошибки; это так, но время здесь не имеет никакого значения. Поэтому очевидно, если только вы не признаете, что следствие предшествует причине, что где-то, неизвестно где, существовал разум, который уже функционировал без видимых или локализуемых органов, демонстрируя нам тем самым, что органы, которые мы считаем необходимыми для возникновения мысли, являются лишь продуктом предсуществующей мысли, следствием предшествующей и духовной причины.

V

Кстати, вполне возможно, что с момента формирования нашего мозга природа думает лучше, чем раньше. Вполне возможно, как утверждают некоторые биологи, что приобретения нашего интеллекта приносят пользу природе и пополняют общий фонд вселенского интеллекта. Я, со своей стороны, не вижу в этом никакого недостатка. Это никоим образом не доказывает, что природе нужен мозг человека, чтобы иметь идеи. Она имела их все задолго до него. Когда человек изобретает, например, печатный станок или пишущую машинку, чтобы облегчить распространение своих мыслей, это никоим образом не доказывает, что ему нужен печатный станок или пишущая машинка, чтобы думать.

Похоже, что природа, по крайней мере на нашей маленькой планете, успокоилась и больше не совершает тех огромных ошибок, которые она делала вначале, когда создавала тысячи разнородных и нежизнеспособных чудовищ. Тем не менее, она не ждала нас, чтобы начать думать и воображать гораздо больше, чем мы когда-либо сможем вообразить. Мы не переставали и не перестанем в ближайшее время черпать полными горстями из огромного запаса интеллекта, накопленного ею до нашего появления. Эрнест Капп в своей *«Философии техники»* блестяще продемонстрировал, что все наши изобретения, все наши машины являются лишь органическими проекциями, то есть бессознательными имитациями моделей, предоставленных природой. Наши насосы — это насос нашего сердца, наши шатуны — это воспроизведение наших суставов, наш фотоаппарат — это камера-обскура нашего глаза, наши телеграфные аппараты представляют нашу нервную систему; в рентгеновских лучах мы узнаем органическую собственность сомнамбулической ясности, которая видит сквозь предметы, которая читает, например, содержание запечатанного письма, заключенного в тройную металлическую коробку. В беспроводной телеграфии мы следуем указаниям, которые дала нам телепатия, то есть прямая передача мысли посредством духовных волн, аналогичных герцевым волнам, а в явлениях левитации и перемещения предметов без контакта мы находим еще одно указание, которым мы пока не умеем воспользоваться. Оно ставит нас на путь к процессу, который, возможно, однажды позволит нам победить ужасные законы гравитации, которые приковывают нас к этой земле, потому что, похоже, что эти законы, вместо того, чтобы быть, как считалось, навсегда непостижимыми и непостижимыми, являются прежде всего магнитными, то есть управляемыми и пригодными для использования.

VI

И я говорю здесь только об ограниченном мире человека. Что было бы, если бы мы составили перечень изобретений природы в царстве насекомых, где она, задолго до нашего появления на земле, проявила, кажется, более разнообразный и обильный гений, чем тот, который она потратила на нас. Помимо идей политической и социальной организации, которые мы, возможно, когда-нибудь будем подражать, мы обнаружили бы там недоступные нам механические чудеса и секреты сил, о которых мы еще не имеем ни малейшего представления. Откуда, в частности, если привести самый скромный и неприятный пример, откуда берется та невероятная энергия, которая позволяет блохе совершать прыжок, равный для человека прыжку в высоту или в длину на четыреста или пятьсот метров? А откуда берет питание лангедокский скорпион, которое, несмотря на его непрерывную активность, позволяет ему жить девять месяцев без еды? Откуда его черпают детеныши паука-людоеда и паука Клото, которые обладают аналогичной способностью? Благодаря какой алхимии мы видим, как в абсолютной изоляции, без постороннего вмешательства, увеличивается в десять раз объем яйца другого насекомого, минотавра? Великий энтомолог Ж.-А. Фабр, не подозревая, что он повторяет фундаментальную теорию Парацельса, — ведь, несмотря на это, наука с каждым днем все больше приближается к магии, — очень любопытно предполагает, что «они заимствуют часть своей активности из окружающих энергий, тепла, электричества, свету или другим разнообразным проявлениям одного и того же агента», который является именно тем универсальным агентом, астральным, космическим, эфирным или жизненным флюидом, Акашей оккультистов или Одом наших современных ученых.

VII

Между прочим, природа, не имеющая мозга, явно еще раз указывает нашим мозгам путь, по которому им следует идти, если они хотят избавиться нас от тяжелого и отвратительного

рабства пищи, которое дает нам всего несколько часов свободного времени между тремя или четырьмя приемами пищи, которые мы должны делать каждый день. Возможно, не так уж далеко то время, когда мы перестанем быть жадными желудками и ненасытными животами, когда мы, в свою очередь, откроем для себя великолепную тайну этих насекомых и сможем, следуя их примеру, черпать жизнь из вселенской и невидимой жидкости, которая окружает и пронизывает нас так же, как и их.

Здесь для нашей науки открываются неизведанные и безграничные области. Здесь, особенно с точки зрения нашей духовной жизни, произойдет трансформация, которая значительно облегчит понимание нашего будущего существования; ведь когда нам больше не придется принимать три или четыре раза в день пищу, которая сейчас, в зависимости от темперамента, занимает или озаряет все наши часы от восхода до заката солнца, мы, возможно, начнем понимать, что мысли или душа не обязательно несчастны, бездеятельны, беспомощны и подвержены вечной скуке, когда у них больше нет в течение дня ориентиров или целей, которыми являются у , обед, чай, ужин и вечера. Это будет отличным введением в режим загробной жизни и вечности.

Чтобы в последний раз вернуться к вопросу о мышлении без мозга, которое является краеугольным камнем всего здания, предположим, что в результате катаклизма, который, без сомнения, уже произошел и может в любой момент повториться на нашей планете, все мозги, все самые элементарные, самые желеобразные зачатки нервной или мозговой организации, от амебы до человека, были внезапно уничтожены. Считаете ли вы, что земля осталась бы голой, пустынной, безжизненной, навсегда мертвой, если бы условия существования снова стали точно такими же, какими они были до катастрофы? Вряд ли можно так предполагать. Напротив, почти наверняка можно сказать, что жизнь, вернувшись к тем же благоприятным обстоятельствам, возобновилась бы почти таким же образом. Интеллект постепенно возродился бы, появились бы идеи, сформировались бы новые органы, давая нам таким образом неопровержимое доказательство того, что мысль не умерла, что она не может умереть, что она укрывается и сохраняется где-то, неосязаемая и нетленная, над полным разрушением своих инструментов или носителей, и что она, одним словом, независима от материи.

VIII

Давайте теперь изучим в себе это предсуществование духа. Имели ли мы уже мозг, когда в момент нашего зачатия мы были еще тем микроскопическим организмом, который только микроскопы могут сделать видимым для наших глаз? Тем не менее, мы уже были потенциально всем тем, чем мы являемся сегодня. Мы были не только самими собой, с нашим характером, врожденными идеями, добродетелями и пороками, всем тем, что наш мозг, который еще не существовал, развил гораздо позже; мы уже содержали в себе все, чем были наши предки; мы несли в себе все, что они приобрели за бесчисленные века; их опыт, их мудрость, их привычки, их недостатки и достоинства, последствия их ошибок и заслуг; все это накапливалось, бурлило, приносило плоды в невидимой точке. Мы несли в себе также, что кажется гораздо более необычным, но также неоспоримым, все наше потомство, всю непрерывную череду наших детей и детей наших детей, в которых мы будем жить вечно, и в которых мы уже содержали все способности, всю судьбу, все будущее. Когда материя накапливает столько всего в таком тонком конце нити, что его почти не видно под микроскопом, разве она не становится настолько тонкой, что странным образом напоминает духовное начало?

Сегодня давайте оставим в стороне влияние наших потомков на нас самих, на наш характер, на наши решения, влияние, которое вполне вероятно, поскольку они, несомненно, существуют в нас, но которое было бы слишком долго исследовать, и на мгновение остановимся на том факте, что наши предки, которые кажутся нам мертвыми, на самом деле продолжают жить в нас. Я не буду задерживаться на этом вопросе, так как хочу перейти к более современным аргументам; я просто обращаю ваше внимание на это, поскольку явления наследственности в настоящее время признаны и классифицированы. Несомненно, что каждый из нас является своего рода суммой своих предков и более или менее точно воспроизводит личность одного или нескольких из них, которые явно продолжают думать и действовать в нем. Он думает нашим мозгом, скажете вы. Возможно, это правда. Он использует орган, который у него есть, но очевидно, что он все еще существует, живет и думает, хотя у него больше нет собственного мозга, и это все, что было важно установить на данный момент.

IX

Мы только что слишком быстро и слишком кратко рассмотрели, что мышление может существовать и фактически существует повсюду без мозга, что оно, по-видимому, предшествует материи и что оно на самом деле существует независимо от нее. Я лишь вскользь упомяну возражение материалистов, которые говорят нам: «Если мысль независима от материи, то почему она перестает функционировать или функционирует неполноценно, когда мозг поврежден?» Это возражение, которое, впрочем, не затрагивает источник мысли, а только состояние ее проводника или конденсатора, теряет часть своей силы, если противопоставить ему достаточное количество наблюдений, доказывающих прямо противоположное. Если бы у нас было достаточно времени, я мог бы предоставить вам список медицински подтвержденных случаев, когда мышление продолжало функционировать нормально, хотя почти весь мозг был превращен в кашу или представлял собой гнойный абсцесс. Тех, кого интересует этот вопрос, я отсылаю к специальным трудам; в частности, в великолепной книге доктор^а Гелей «От бессознательного к сознательному» они найдут примеры, которые их убедят[62].

[62] Д-р Г. Гелей, «От бессознательного к сознательному», стр. 8 и далее.

По сути, это возражение материалистов является прежде всего софизмом, который был очень хорошо опровергнут Д^р Карлом ду Прелем. Говорить, что любая травма мозга затрагивает разум, что всякая мысль прекращается, когда мозг разрушен, и что, следовательно, разум является продуктом мозга, — это рассуждать точно так же, как если бы любое повреждение телеграфного аппарата мешало передаче депеши, и если провод оборван, депеша больше не существует; следовательно, аппарат производит депешу, и науке запрещено предполагать, что за аппаратом еще есть телеграфист.

X

Перейдем к выводам, которые наука последних лет, соединяясь через тысячелетия с утверждениями древних религий и оккультистов, только что сделала. Они проливают новый свет на эту проблему и, наконец, подтверждают опытом эзотерические учения об астральном или эфирном теле, или, если хотите, о неизвестном госте, его необычайных и непостижимых способностях, его вероятном выживании и независимости от нашего физического тела.

Мы все знали, что очень важная часть нашего существования, нашей личности, погребена в темноте бессознательного или подсознательного. В этой тьме мы хранили всю нашу

органическую жизнь, жизнь нашего желудка, сердца, легких, почек и даже мозга, которые функционируют в темноте, куда только случайно, например, в случае болезни, проникает луч сознания. Затем мы помещали туда наши инстинкты, как низшие, так и высшие, все, что было врожденным, таинственным и непреодолимым в наших знаниях и стремлениях, наших вкусах, способностях и характере, а также многое другое, что мы не имеем времени перечислять.

Но в течение последних нескольких лет научные исследования в области гипноза и медиумизма значительно расширили и прояснили эту удивительную и волшебную область бессознательного.

Шаг за шагом мы пришли к объективному, материальному и несомненному выводу, что наше маленькое сознательное и интеллектуальное существование ничтожно по сравнению с огромным сверхразумным и тайным существованием, которое мы ведем одновременно; это неизвестное существование охватывает прошлое и будущее и даже в настоящем может простирается на огромные расстояния от нашего физического тела. В частности, было обнаружено, что узкая, неверная и хрупкая память, которую мы считали единственной, дублировалась в тени другой памятью, безграничной, неутомимой, неисчерпаемой, неподкупной, непоколебимой, непогрешимой, записывающей где-то, — возможно, в мозге, но в любом случае не в том мозге, который мы знаем и который управляет нашим сознанием, поскольку она, по-видимому, не зависит от состояния этого мозга, — записывая, как я уже сказал, неизгладимым образом малейшие события, самые незначительные эмоции, самые мимолетные мысли нашей жизни. Так, чтобы привести лишь один пример из тысячи, совершенно неграмотная служанка могла в состоянии гипноза без единой ошибки процитировать целые страницы на санскрите, поскольку когда-то слышала, как ее первый хозяин, который был востоковедом, читал отрывки из Вед.

Так было доказано, что любая глава из тысяч книг, которые мы прочитали, остается неизменно запечатленной в нашей памяти и может в любой момент вновь появиться перед нашими глазами, без единой запятой или точки. Так же полковник де Роша, в своих экспериментах по регрессии памяти и личности, заставлял своих подопечных прожить всю свою жизнь, вплоть до раннего детства, мельчайшие детали которой воскрешались с необычайной четкостью и яркостью, детали, которые, когда их проверяли, признавались абсолютно точными. Он делал даже больше: ему удавалось пробудить воспоминания об их прошлых жизнях. Но здесь проверка более сложна, вопрос не решен, и я хочу вести вас только по твердой почве установленных и неоспоримых фактов.

XI

Итак, вот уже огромная часть нашего «я» ускользает от нас, мы не знаем о ее существовании, не используем ее, она живет, записывает, действует вне нашего сознательного мозга, идеальная память, которая практически не приносит нам никакой пользы, по сравнению с которой та, которая нам подчиняется, является лишь узкой вершиной, своего рода иглы, постоянно разъедаемой временем, возвышающейся над океаном забвения, под которой простирается и раскинулась колоссальная гора неизменных воспоминаний, которыми наш мозг не может воспользоваться. Но на чем же мы основываем нашу личность, природу нашего «я», ту идентичность, которую мы больше всего боимся потерять со смертью? Только на нашей сознательной памяти, потому что мы не знаем другой, и эта память, как мы только что видели, по сравнению с другой, является ненадежной и незначительной. Не пора ли нам задаться вопросом, где на самом деле находится наше «я», где находится наша истинная личность? В маленькой, ненадежной и неустойчивой памяти или в большой, непогрешимой

и непоколебимой? Какое «я» мы выберем после смерти? То, которое состоит только из колеблющихся воспоминаний, или другое, которое представляет нас целиком, без разрывов, которое не упустило ни одного факта, ни одного зрелища, ни одного ощущения нашего существования и хранит в себе «я» всех тех, кто умер до нас? Если есть опасение, что первая память, та, которой пользуется наш мозг, изменяется или угасает в момент смерти, как при малейшем недомогании она изменяется или угасает в жизни, то не более ли вероятно, что другая, великая, которую не может потрясти ничто, никакая болезнь не может нарушить, также устоит перед огромным потрясением смерти, и разве не велика вероятность того, что мы найдем ее нетронутой по ту сторону могилы?

Иначе зачем нужна эта огромная работа по записи, это невероятное накопление бесполезных снимков, ведь в нормальной жизни мы никогда не стряхиваем с них пыль, и тех немногих ориентиров, которые есть в нашей памяти, достаточно, чтобы сохранить основные черты нашей личности? Принято считать, что природа не делает ничего бесполезного; поэтому следует предположить, что эти снимки пригодятся позже, что они понадобятся где-то еще, и где еще это может быть, как не в другой жизни?

Неизбежно возникнет возражение, что только мозг записывает образы этой памяти, как и образы другого, и что мозг мертв и т. д. Возможно, но разве не было бы достаточно странно, если бы только он один с такой тщательностью, которая поглощала бы его целиком, выполнял все эти операции, которые его не интересуют, о которых в следующий момент он уже не заботится и о которых, кажется, не подозревает? В любом случае, это не мозг в том смысле, в каком мы его обычно понимаем, и это уже очень важное наблюдение.

XII

Но эта скрытая память, или криптомнезия, как ее называют специалисты, является лишь одной из сторон криптопсихии, или скрытой психологии бессознательного. Я не имею возможности перечислить здесь все, чем ученый, художник, математик обязаны сотрудничеству подсознания. Все мы в той или иной степени воспользовались этим таинственным сотрудничеством.

Это подсознание, этот странный персонаж, которого я, кстати, назвал «Неизвестным Гостем», который живет и действует самостоятельно, вне нашего мозга, представляет собой не только все наше прошлое, которое он полностью кристаллизует в своей памяти; оно также является нашим будущим, которое оно предчувствует, открывает и часто раскрывает, поскольку правдивые предсказания некоторых особо одаренных сенситивов или сомнамбулов, когда речь идет о личных фактах, настолько многочисленны, что существование этой способности уже практически не подлежит сомнению. Таким образом, наше маленькое сознательное «Я», которое живет только на узкой платформе настоящего, удивительным образом выходит за пределы времени. Оно столь же удивительным образом выходит за пределы пространства. Преодолевая океаны и горы, пролетая за секунду сотни миль, оно предупреждает нас о смерти или несчастье, которое постигло или угрожает кому-то из наших близких на другом конце света.

В этом вопросе больше нет ни малейшего сомнения, и тысячи проверенных фактов избавляют нас от необходимости повторять оговорки, которые мы только что сделали в отношении предсказаний будущего.

Этот неизвестный и, вероятно, гигантский гость, которого мы сегодня не должны измерять, а лишь констатировать его существование, является, впрочем, не столько новой фигурой, сколько фигурой, забытой со времен возрождения наших позитивных наук. Наши различные

религии знали его гораздо лучше, чем мы, и неважно, называли ли они его «душой, духом, эфирным телом, астральным телом, божественной искрой», это всегда одна и та же трансцендентальная сущность, которая охватывает наш мозг и наше сознательное «Я», существовала, вероятно, до него и, вероятно, переживет его, как и существовала до него, и без которой невозможно объяснить три четверти основных явлений нашей жизни.

XIII

Оставляя пока в стороне другие свойства этой необычной личности, которую считали навсегда ушедшей в мир невидимый, такие как материализация, идеопластика, левитация, ясновидение, биллокация, психометрия и т. д., мне остается рассказать о том, каким неожиданным и любопытным образом довольно молодая наука сумела зафиксировать, изучить и проанализировать некоторые из этих физических проявлений, а также рассмотреть, что эти наблюдения добавляют к вероятности выживания или бессмертия того же персонажа, который, в конце концов, может оказаться существенной и нетленной частью нашего «Я».

Я только что напомнил, насколько исследования в области гипноза и медиумизма расширили сферу подсознательного. До сих пор, в зависимости от школы, наблюдаемые явления приписывались либо внушению, либо неизвестной природе флюида, и ограничивались лишь регистрацией его удивительных эффектов. Так обстояли дела, и споры между сторонниками суггестии и месмеристов грозили затянуться надолго, когда около пятидесяти лет назад, а точнее в 1866 и 1867 годах, австрийский ученый барон фон Рейхенбах опубликовал свои первые работы об одних излучениях. Доктор Карл дү Прель, немецкий ученый, дополнил работу Рейхенбаха и, обладая первоклассным научным умом и порой гениальной интуицией, сумел извлечь из нее все последствия. До сих пор им не было оказано полной справедливости, и их работы еще не получили того резонанса, которого они заслуживают. Не стоит удивляться этому, ведь прогресс официальной науки, единственной, которая доходит до широкой публики, всегда идет гораздо медленнее, чем прогресс независимой науки. Потребовалось более ста лет, чтобы электричество Вольты стало нашим современным электричеством и королевой индустриального мира. Потребовалось также более века после экспериментов Месмера, чтобы гипноз был наконец признан медицинскими академиями, изучался в университетах и классифицирован в терапии. Возможно, столько же времени понадобится, чтобы эксперименты Рейхенбаха, доработанные дү Прелем и дополненные де Роша, принесли все свои плоды. Тем временем их исследования проливают замечательный свет на целую серию неясных и запутанных явлений, существование которых они впервые объективно доказали и источник которых обнаружили.

Рейхенбах действительно заново открыл универсальную жизненную энергию, которая является ни чем иным, как Акашей доисторических религий, Телесмом Гермеса, живым огнем Зороастра, порождающим огнем Гераклита, астральным светом Каббалы, Алькахестом Парацельса, духом жизни оккультистов, жизненной силой Святого Фомы. Он назвал его «Од» по санскритскому слову, которое означает «проникающий повсюду», и он очень верно видит в этом крайнюю границу нашего анализа человека, точку, в которой исчезает разделительная линия между духом и телом, так что кажется, что сущность человека является «одической».

Конечно, я не могу здесь изложить бесчисленные эксперименты Рейхенбаха, де Преля и Роша. Достаточно сказать, что в принципе Од — это магнитная или жизненная энергия, которая каждую секунду исходит от всего нашего существа непрерывными потоками. В

нормальном состоянии эти испарения или ароматы, существование которых мы подозревали благодаря явлениям гипноза, остаются для нас совершенно неизвестными и невидимыми. Райхенбах первым обнаружил, что «сенситивы», то есть люди, находящиеся в состоянии гипноза, очень четко видят эти испарения в темноте. В результате большого количества экспериментов, в которых были тщательно исключены все возможности сознательного или бессознательного внушения, он установил, что амплитуда и сила этих испарений варьировались в зависимости от эмоций, состояния души или здоровья тех, кто их производил, что они всегда были голубоватыми с правой стороны тела и красно-желтыми с левой стороны. Он также обнаружил, что подобные излучения исходят не только от человека, животных, растений, но даже от минералов. Ему удалось сфотографировать Од, исходящий от горных кристаллов, человеческий Од, Од, образующийся в результате химических реакций, Од аморфных металлических масс, Од, производимый шумом или трением; одним словом, он доказал, что магнетизм или «Од» существует во всей природе, чему, кстати, учили оккультисты всех времен и народов[63].

[63] Недавние эксперименты г-на Уолтера-Дж. Килнера, описанные в его книге «*The Human Atmosphere*» («Атмосфера человека»), материально доказали существование этих испарений, этих ароматов, этой человеческой «ауры» или, по крайней мере, аналогичной «ауры», которая является настоящим астральным или эфирным двойником. Достаточно посмотреть на объект через экран, образованный очень плоской стеклянной чашей, содержащей спиртовой раствор дицианина, химического вещества, полученного из каменноугольной смолы, которое повышает чувствительность сетчатки к ультрафиолетовым лучам, чтобы «аура» стала видимой не только для сенситивных людей, как в экспериментах Рейхенбаха, но и 95% людей с нормальным зрением. Кстати, вполне возможно, что эта «аура» — не эфирный двойник, а просто нервное излучение. См. по этому вопросу отличное резюме Рене Судре в № 3 *Бюллетеня Международного метапсихологического института* (январь-февраль 1921 г.).

XIV

Итак, существование этой вселенской эманации экспериментально доказано. Теперь необходимо раскрыть ее свойства и воздействие.

Я ограничусь несколькими основными чертами. Благодаря этим испарениям удалось установить, что эта жидкость является той же самой, что и та, которая вызывает явления вращающихся столов; действительно, в глазах сенситивных людей эти явления сопровождаются световыми феноменами, синхронность которых не оставляет никаких сомнений в корреляции между излучением жидкости и движениями стола. Она приходит в движение только тогда, когда излучения, исходящие от рук помощников, становятся достаточно сильными. Эти излучения конденсируются в световые столбы в центре стола, и чем они интенсивнее, тем больше оживляется стол. Когда они гаснут, стол снова становится безжизненным.

То же самое происходит с перемещением предметов без прикосновения, притяжением, левитацией — явлениями, которые сегодня достаточно хорошо изучены и контролируются, так что нет необходимости повторно их демонстрировать. Таким образом, несомненно, что эта энергия, способная привести в движение маятник в закрытом стеклянном сосуде, а также поднять стол весом более ста килограммов, обладает порой огромной силой, независимой от наших мышц, которую можно отнести к нашим нервам, нашей душе, всему, что угодно, но которая, тем не менее, имеет явно и чисто духовную природу.

Кроме того, хотя экспериментальные наблюдения в этом случае менее продвинуты и более сложны из-за редкости испытуемых, можно с большой уверенностью утверждать, что именно эта же одна жидкость участвует в явлениях материализации, в частности в тех, которые производила знаменитая Эусапия Паладино, и в тех, гораздо более убедительных и строго контролируемых, которые производила медиум мадам Биссон. Вероятно, он извлекает из медиума или из помощников пластическую субстанцию, с помощью которой он формирует и организует *осязаемые* тела, которые появляются и исчезают в ходе этих проявлений, давая нам таким образом очень любопытное представление о том, как мысль, дух или созидательная флюида воздействуют на материю, сгущают ее, моделируют и ведут себя, когда речь идет о формировании нашего тела.

XV

Было еще экспериментально доказано, что эту одическую энергию можно уловить. Ею можно зарядить любой предмет. Заряженный энергией предмет, в который магнетизер вложил часть своей жизненной силы, при исключении любой возможности внушения, всегда будет оказывать на сенситива одно и то же воздействие, то есть то, которое хотел магнетизер. Он заставит его смеяться или плакать, дрожать или потеть, танцевать или засыпать, в зависимости от желания, которое имел магнетизер, излучая свою энергию. Кроме того, эта энергия кажется неразрушимой: замагниченный мраморный пестик, поочередно помещенный в соляную, азотную и серную кислоты, подвергнутый воздействию аммиака, не теряет ничего из своей силы. Раскаленный добела железный прут, расплавленная и перелитая в другие формы смола, кипяченая вода, сгоревшая и превратившаяся в пепел бумага сохраняют всю свою силу. Более того, чтобы доказать, что оценка этой силы не зависит от человеческого впечатления, было обнаружено, что намагниченная, а затем кипяченая вода отклоняет на двадцать градусов, как и до кипения, стрелку реометра, который, как всем известно, является прибором для измерения электрического тока. Было бы интересно узнать, сохраняется ли эта жизненная сила, заключенная в предмете, после смерти магнетизера. Я не знаю, проводились ли эксперименты по этому вопросу. В любом случае, было замечено, что более чем через шесть месяцев после зарядки Одом самые разнообразные вещества: железо, олово, канифоль, воск, сера, мрамор — сохраняли свои магнитные свойства.

XVI

Не только уловленная таким образом одовая энергия содержит и воспроизводит волю магнетизера, она также содержит и представляет часть личности загипнотизированного, в частности, всю его чувствительность. Полковник де Рошас провел по этому вопросу, который он называет *«экстериоризацией чувствительности»*, множество озадачивающих, но при этом неопровержимых и решающих экспериментов, которые возвращают нас непосредственно к практикам заклинаний магов древности и ведьм средневековья, что еще раз показывает нам, что за самыми странными верованиями или суевериями, как только они становятся достаточно распространенными, почти всегда скрывается или забывается какая-то истина.

Я считаю ненужным напоминать здесь об опытах, которые известны всем, кто хотя бы раз открывал книгу по метапсихологии. Я должен ограничиться; того, что я сказал, достаточно, чтобы установить, что в нас есть жизненный принцип, который не неразрывно связан с нашим телом, который может покинуть его, который может выходить наружу, по крайней мере частично и временно в течение нашей жизни, который может быть сделан видимым, который обладает силой, независимой от наших мышц, который может конденсировать

материю, формировать ее, организовывать, оживлять не только внешне, как призраки нашего воображения, но и как осязаемые и реальные тела, субстанция которых исчезает и возвращается в нас необъяснимым образом. Мы также видели, что этот жизненный принцип может быть уловлен в предмете и сохраняется в нем нерушимо, несмотря на все физические или химические манипуляции, волю магнетизера и чувствительность магнетизированного. Не пора ли задаться вопросом: разве эта жизненная сила, будучи настолько отдельной и независимой от нашего тела, будучи настолько неразрушимой, например, в пепле сожженной бумаги, которая содержала лишь ее незначительную часть, не выживает после разрушения нашего тела? В ответ на этот вопрос у нас есть, помимо логики, очень тревожные выводы научных обществ, которые посвятили себя исследованию строго подтвержденных случаев выживания, в частности, пяти-шести сотен явлений умерших, проверенных «Обществом психических исследований». Следует признать, что эти явления, которые, вероятно, являются проявлениями одической энергии из загробного мира, кажутся гораздо более правдоподобными с тех пор, как мы узнали о некоторых свойствах странной жидкости, которую мы только что изучили.

XVII

После смерти руководителей школы одической энергии, Рейхенбаха, дю Преля и Роша, изучение флюидов было несколько заброшено, по нашему мнению, неоправданно, поскольку оно далеко не исчерпано; но в метапсихологии, как и во всем, есть свои моды. В частности, «Общество психических исследований» в последние годы занималось почти исключительно вопросом «перекрестных соответствий», и его исследование, хотя и не дало абсолютно убедительных результатов, по крайней мере позволяет все более серьезно подозревать наличие вокруг нас духовных, невидимых и разумных сущностей, бесплотных или иных, которые, если можно так выразиться, развлекаются, доказывая нам, что они играют с пространством и временем и преследуют цель, которую мы пока не можем понять. Я хорошо знаю, что в крайнем случае можно объяснить эти необычные сообщения неизвестными способностями подсознания, но эта гипотеза с каждым днем становится все более шаткой, и, возможно, недалек тот момент, когда мы наконец будем вынуждены признать существование этих бесплотных существ, этих двойников, этих блуждающих духов, элементарей, «Дхьянов-Чоанов», «Дэвов», космических духов, в существование которых оккультисты прошлого никогда не сомневались.

В этом же ключе, не говоря уже о *Раймонде сэра Оливера Лоджа*, очень интересных спиритических экспериментах П.-Э. Корнилье и множестве других, которые увлекли бы нас слишком далеко, недавние работы Д^р У. Кроуфорда, которые произвели сенсацию в мире метапсихологии, придали теории «Невидимых» серьезную поддержку. Правда, как мы увидим, эта поддержка исходит не столько из самих фактов, сколько из их интерпретации.

XVIII

W.-J. Кроуфорд, доктор наук, профессор колледжа в Белфасте, провел эксперименты по «телекинезу», или бесконтактным движениям, с такой научной строгостью, что они полностью исключают любую мысль о мошенничестве и полностью подтверждают, проведенные Круксом с Хоумом, Психологическим институтом с Эусапией и Охоровичем с мисс Томски.

В этих экспериментах речь идет об этом чрезвычайно странном явлении, которое представляет собой своего рода физическую экстериоризацию, сначала аморфное, а затем более или менее пластичное раздвоение медиума. Из тела медиума выходит неопределимая

субстанция, то видимая, как у Евы, медиума г-жи Биссон, то невидимая, как у медиума Кроуфорда, но даже невидимая, она может быть осязаема и ограничена и действует так, как будто она имеет объективную реальность.

Эта влажная, холодная, иногда вязкая субстанция, которую называют «эктоплазмой», может быть взвешена, и ее вес точно соответствует весу, на который становится легче тело медиума; она может достигать до 50 процентов от его общего веса. В конце сеанса она без следа впитывается в тело субъекта, который мгновенно возвращается к своему нормальному весу.

В этих экспериментах эта невидимая субстанция ведет себя так, как будто она выходит из тела медиума в виде более или менее жесткого стержня, который поднимает стол, расположенный на некотором расстоянии от кресла, на котором сидит медиум. Если стол слишком тяжелый, чтобы его можно было поднять напрямую, так сказать, на вытянутой руке, стержень или психический рычаг изгибается, опирается о пол и выпрямляется, чтобы поднять мебель. Когда этот невидимый рычаг опирается только на медиума, вес последнего увеличивается на вес поднятого предмета; но когда он опирается на пол, вес медиума уменьшается на вес, перенесенный на эту точку опоры.

Эти явления левитации были хорошо известны еще до исследований Кроуфорда, но благодаря открытию невидимого рычага, иногда ощутимого на ощупь и даже поддающегося фотографированию, он первым раскрыл их механизм, одновременно материальный и психический. Кроме того, в ходе своих бесчисленных экспериментов он обнаружил, что все происходило так, как будто невидимые сущности присутствовали, сотрудничали и часто руководили ими. Он общался с ними с помощью типтологии и, заметив, что эти таинственные операторы, по-видимому, не совсем понимали научный интерес этих явлений, он задал им вопросы и из их ответов сделал вывод, что они были лишь своего рода маневровыми, манипулирующими неизвестными им силами и выполняющими работу по приказу существ более высокого порядка, которые не могли или не удосужились действовать сами.

Конечно, можно утверждать, что эти невидимые помощники исходят из подсознания медиума или ассистентов, и вопрос по-прежнему остается нерешенным. Но убеждение, к которому постепенно и, так сказать, по силе обстоятельств пришел ученый, сначала столь же скептический, как Кроуфорд, заслуживает не меньшего внимания. В любом случае, его эксперименты, как и эксперименты с одической энергией, еще раз доказывают, что наше существо гораздо более нематериально, более психическое, более таинственное, более могущественное и, без сомнения, более долговечное, чем мы думаем; этому нас учили первобытные религии и оккультисты, которые черпали в них вдохновение.

XIX

Не упуская из виду другие проявления спиритизма, посмертные явления, феномены психометрии и материализации, предсказания будущего, тайну говорящих животных, чудеса в Лурде и других местах, о которых мы упоминаем здесь только для памяти, вот, по сравнению с огромными и гордыми утверждениями прошлого, полууверенности и небольшие факты, постепенно завоеванные нашими современными оккультистами. На первый взгляд, это не так уж и много, и даже если бы главный вопрос нашей метапсихологии, вопрос о выживании, был наконец решен, это долгожданное решение все равно не привело бы нас далеко, гораздо меньше, чем, без сомнения, продвинулись священники Индии и Египта. Но, какими бы скромными ни были открытия наших оккультистов, они, по крайней

мере, имеют то преимущество, что основаны на фактах, которые мы можем проверить, и должны быть для нас более ценными, чем самые грандиозные гипотезы, которые до сих пор не поддавались никакой проверке.

XX

Теперь вполне возможно, что для более глубокого проникновения в области, в которые они отваживаются, чисто экспериментальные методы, которые являются наиболее надежными в других науках, окажутся недостаточными. Здесь в игру вступают другие элементы, чем те, с которыми обычно сталкивается наука. Речь идет о силах, возможно, более духовных, чем силы нашего ума, и чтобы понять и подчинить их себе, возможно, сначала необходимо заняться собственным одухотворением. Хорошо иметь прекрасно организованные лаборатории, но, вероятно, настоящая лаборатория, из которой выйдут последние открытия, находится внутри нас самих. Кажется, что лучше нас это понимали священники и маги великих религий. Когда они хотели заняться сверхдуховными областями природы, они долго к этому готовились. Они чувствовали, что им недостаточно быть учеными, но что прежде всего они должны стать святыми. Они начинали с воспитания своей воли, с жертвования всем своим существом, с умирания для всех желаний. Они облакали свои интеллектуальные силы моральной силой, которая гораздо прямее вела их на тот план, где происходили странные явления, которые они исследовали. Вполне вероятно, что в невидимом или бесконечном мире есть вещи, недоступные для разума, над которыми он не имеет никакой власти, но которые может достичь другая сила; и эта сила, возможно, является тем, что мы называем душой или высшим подсознанием, которое древние религии научили культивировать с помощью упражнений и, прежде всего, с помощью отречения и духовной концентрации, практику которых мы утратили и даже понятие о которых забыли.

ВЫВОДЫ

I

В ходе этого исследования мы уже встретили большинство выводов, которые можно из него сделать; достаточно будет напомнить, кратко изложив, основные из них.

В основе религий, в частности в основе той, которая, по-видимому, является самой древней и источником других, нет никакой тайной доктрины, нет откровения, есть только доисторическая традиция метафизики, которую сегодня мы назвали бы чисто рационалистической. Признание полного незнания о природе, атрибутах, характере, воле, самом существовании Первопричины или Бога богов является формальным и публичным. Это огромное отрицание: мы ничего не знаем, мы не можем знать, мы никогда не узнаем, потому что, возможно, сам Бог не знает.

Эта неизвестная Первопричина обязательно бесконечна, потому что только бесконечное непознаваемо, и Бог богов перестал бы быть Богом богов и был бы немислим, если бы он не был всем. Из его бесконечности неизбежно рождается пантеизм, поскольку эта причина, будучи всем, является всем, и невозможно представить себе что-либо, что ограничивает ее и не является ею, в ней или через нее. Из этого пантеизма, в свою очередь, вытекает вера в бессмертие и окончательный оптимизм, поскольку причина, будучи бесконечной в пространстве и времени, ничто из того, что является ею или находится в ней, не может быть уничтожено, не уничтожив часть ее самой, что невозможно, поскольку она все равно

осталась бы ничтожеством, пытающимся ее ограничить; так же как ничто не может быть вечно несчастным, не обрекая часть ее самой на вечное несчастье.

Полный агностицизм с его последствиями: божественная бесконечность, пантеизм, бессмертие всего и окончательный оптимизм вот отправная точка великих первобытных учителей, чистых умов и неумолимых логиков, какими, если верить оккультистским традициям, были таинственные атланты; и разве не ту же отправную точку должны выбрать сегодня те, кто хочет основать новую религию, которая не противоречила бы все более требовательному человеческому разуму?

II

Но если все есть Бог и должно быть обязательно бессмертным, то не менее верно и то, что люди, вещи, миры исчезают. С этого момента мы покидаем логические последствия великого признания невежества и вступаем в лабиринт теорий, которые уже не являются неопровержимыми и которые, кстати, изначально предлагаются нам не как откровения, а как простые метафизические гипотезы, очень древние спекуляции, рожденные необходимостью согласовать факты со слишком абстрактными и жесткими выводами человеческого разума.

На самом деле, согласно этим гипотезам, человек, миры, вселенная никогда не погибают; они исчезают и появляются поочередно, в вечности, в силу Майи, иллюзии невежества. Когда они больше не существуют для нас, когда они больше не существуют для кого-либо, они все еще существуют виртуально, где их никто не видит; и те, кто перестал их видеть, не перестают существовать, как будто они их видят. Точно так же, когда Бог ограничивает себя, чтобы проявить и осознать часть себя, он не перестает быть бесконечным и непознаваемым для самого себя. Он, кажется, на мгновение ставит себя на точку зрения или в пределы досягаемости тех, кого он пробудил в себе.

Эта последняя гипотеза могла быть изначально, как и сейчас, и как всегда будет, лишь вынужденной мерой, но позже стала своего рода догмой, которая, жадно принятая воображением, вскоре полностью заменила великое первоначальное отрицание. С этого момента, отчаявшись познать непознаваемое, его раздвояют, подразделяют, умножают, отсылают в недоступную бесконечность непостижимое -первопричину и занимаются только вторичными причинами, посредством которых она проявляется и действует. Мы не задаемся вопросом, или, вернее, не смеем задаться вопросом, как, будучи по сути своей непознаваемой, причина может быть признана познаваемой, не переставая быть непознаваемой, и вступаем в огромный замкнутый круг, в котором приходится смириться с жизнью, чтобы не обречь себя на отрицание, неподвижность, невежество и вечное молчание.

Не имея возможности познать Бога в себе, мы довольствуемся тем, что ищем Его и вопрошаем Его в Его творениях, и прежде всего в человеке. Мы верим, что находим Его там, и рождаются религии с их богами, культами, жертвоприношениями, верованиями, моралью, адом и раем. Связь, которая объединяет их всех с неизвестной Причиной, все больше забывается и появляется только в определенные моменты, например, спустя долгое время, в буддизме, в метафизике, в мистериях и в оккультных традициях. Но, несмотря на это забвение, благодаря идее этой первопричины, обязательно единой, невидимой, неосязаемой, непостижимой и, следовательно, обязательной для рассмотрения как чисто духовной; в первобытной религии остались живыми два великих принципа, которые впоследствии проникли в религии, произошедшие от нее, и которые во всех своих

проявлениях тихо повторяют, что сущность едина и что дух является источником всего, единственной уверенностью, единственной вечной реальностью.

III

Из этих двух принципов, которые в сущности являются одним, вытекает вся первобытная мораль, ставшая великой моралью человечества. Единство является идеалом и высшим благом, а зло — это разделение, раскол, множественность; и материя, в конечном счете, является лишь результатом разделения или множественности. Поэтому, чтобы вернуться к единству, необходимо отречься от материи, которая является лишь низшей формой, деградацией духа.

Так было найдено или, по крайней мере, так считалось, что было найдено желание непознаваемого и ключ ко всей морали, не осмеливаясь, впрочем, задаться вопросом, почему этот разрыв единства и это ухудшение духа были необходимы; как будто предполагалось, что Первопричина, которая могла бы удержать все вещи в состоянии высшего счастья единства в своем единственном, неподвижном и высшем счастье, была осуждена высшим и непреодолимым законом к вечному движению и вечным перезапускам.

Эти идеи, слишком чисто метафизические, чтобы питать религию, вскоре были покрыты в самой Индии огромной растительностью мифов и постепенно стали секретом брахманов, которые культивировали их, развивали, углубляли и усложняли до безумия. Оттуда они распространились по земле или вернулись туда, откуда исходили, потому что, хотя мы и можем более или менее хронологически определить центральный очаг, то нам невозможно определить, откуда они возникли в доисторические времена, если не обратиться к теософским легендам о семи расах, которые мы, возможно, сможем принять, когда нам будут представлены документы, менее подверженные критике, чем те, которые нам предоставлялись до сих пор.

IV

В любом случае, в историческом мире мы довольно легко прослеживаем развитие этих идей, будь то одновременное или позднее, в Индии, Египте и Персии, или же их проникновение в Халдею и досократовскую Грецию через мифы, контакты или миграции, о которых мы не знаем, или, особенно в случае с Элладой, через орфические стихи, собранные в александрийскую эпоху, но восходящие к легендарным временам и предлагающие нам стихи, которые, как отмечает Эмиль Бернуф в своей *«Науке о религиях»*, являются дословным переводом гимнов Вед[64].

[64] Эмиль Бернуф, *Наука о религиях*, стр. 105.

В результате пребывания в Египте, плена в Вавилоне и завоевания Кира они попали в Библию, где были искажены, чтобы соответствовать иудейскому монотеизму, но тайно сохранились почти в чистом виде благодаря устной передаче в Каббале, где Эн-Соф, как мы видели, является точной копией индуистского Непознаваемого и ведет к почти аналогичному агностицизму, пантеизму, оптимизму и морали.

Эти идеи, подавленные Библией в еврейском мире и в греко-римском мире под гнетом официальных религий и философий, выжили в тайных сектах, в частности среди ессеев, а также в мистериях, и вновь появились на свет около начала христианской эры в гностических и неоплатонических школах, а позднее в каббале, наконец зафиксированной в

письменном виде, откуда они перешли, более или менее искаженные, в оккультизм средневековья, составляя его единственную основу.

V

Таким образом, мы видим, что оккультизм, или, скорее, тайная доктрина, изменчивая в своих формах, часто очень затуманенная, особенно в средневековье, но почти везде одинаковая по сути, всегда была протестом человеческого разума, верного своим доисторическим традициям, против произвольных утверждений и мнимых откровений публичных и официальных религий. Она противопоставляла их безосновательным догмам, их антропоморфным, нелогичным, слишком мелким и неприемлемым проявлениям божественного признание полного и непреодолимого невежества во всех существенных вопросах. Из этого признания, которое на первый взгляд кажется разрушительным, но которое почти неизбежно ведет к спиритуалистическому представлению о вселенной, она сумела извлечь метафизику, мистику и мораль, гораздо более чистые, возвышенные, бескорыстные и, прежде всего, более рациональные, чем те, которые зародились в религиях, которые ее задушили. Можно даже доказать, что все, что еще объединяет эти религии на высотах, где все они сходятся, все, что не могло быть сведено к уровню материальных требований слишком долгой жизни, все, что в них величественно, бесконечно, вечно и универсально, они обязаны этой древней метафизике, в которой уходят их первые корни.

Кажется даже, что по мере того, как время отдаляет их от нее, дух возвращает их к ней; так, в двух последних, не говоря уже о том, что они заимствовали у нее более непосредственно, Бог-Отец христианства и Аллах ислама гораздо ближе к Эн-Софу каббалы, чем к Иегове Библии; и что Слово Святого Иоанна, о котором не говорится ни в Ветхом Завете, ни в Синоптических Евангелиях, является лишь Логосом гностиков и неоплатоников, которые сами заимствовали его из Индии и Египта.

VI

Так вот в чем заключается великая тайна человечества, которую так тщательно скрывали под загадочными и священными формулами, под порой пугающими ритуалами, под угрожающим молчанием и сдержанностью: безграничное отрицание, огромная пустота, безнадежное невежество? Да, это именно так; и хорошо, что это не что-то другое, потому что Бог и вселенная, достаточно малые, чтобы маленький человеческий мозг мог их охватить, понять их природу и устройство, узнать их происхождение, цель и пределы, стали бы настолько тесными и жалкими, что никто не согласился бы оставаться в них вечным пленником. Человечеству нужна бесконечность и ее следствие — непобедимое невежество, чтобы не чувствовать себя обманутым или жертвой непростительного эксперимента или бессмысленной ошибки. Его можно было бы не призывать к жизни, но раз уж его вытащили из небытия, ему нужна безграничность пространства и времени, идею о которых ему дали; оно имеет право участвовать во всем, что есть у того, кто его породил, прежде чем оно простит ему свое рождение. И оно может участвовать в этом только при условии, что не будет понимать. Любая уверенность, по крайней мере до тех пор, пока наш мозг не будет освобожден от связывающих его уз, станет препятствием, о которое разбивается любое желание существовать. Поэтому давайте радоваться тому, что у нас нет другой уверенности, кроме невежества, столь же бесконечного, как мир или Бог, который является его объектом.

VII

После стольких усилий, после стольких испытаний мы оказываемся точно в той же точке, откуда начали наш путь наши великие учителя. Они оставили нам в наследство мудрость, которую мы только начинаем очищать от мусора, накопившегося за столетия; и под этим мусором мы находим нетронутым самое высокое признание невежества, которое человек осмелился произнести. Это мало, если любишь иллюзию, и много, если предпочитаешь правду. Наконец, мы знаем, что никогда не было сверхчеловеческого откровения, прямого и неопровержимого послания божества, невыразимой тайны, и что все, что человек думает знать о Боге, его происхождении и целях, он почерпнул из своего собственного разума. Еще до того, как мы опросили наших доисторических предков, мы подозревали, что любое откровение в том смысле, в каком его понимают религии, было и всегда будет невозможным, потому что человеку можно открыть только то, что он способен понять, а Бога может понять только Бог. Но мы охотно представляли себе, что, будучи, так сказать, свидетелями рождения мира, они должны были знать больше нас, поскольку были еще ближе к Богу. Они не были ближе к Богу, они были просто ближе к человеческому разуму, который еще не был омрачен тысячелетними представлениями. Они довольствовались тем, что дали нам единственные ориентиры, которые этот разум может обнаружить в непознаваемом: пантеизм, спиритуализм, бессмертие, окончательный оптимизм, оставив остальное гипотезам своих преемников и мудро не отвечая, как мы отвечаем и сегодня, все неразрешимые вопросы, которые последующие религии решали слепо, часто изобретательно, но всегда произвольно и иногда по-детски.

VIII

Стоит ли пересчитывать эти вопросы? Переход от виртуального к реальному, от сущности к становлению, от небытия к бытию, спуск духа в материю, то есть происхождение зла, и восхождение материи к духу, необходимость выхода из вечно блаженного состояния, чтобы вернуться в него после очищения и испытаний, необходимость которых непостижима; вечные перезапуски для достижения цели, которая всегда будет ускользать, поскольку она не была достигнута, хотя в прошлом у нас было столько же времени для ее достижения, сколько будет в будущем.

Этот перечень непознаваемого можно было бы бесконечно продолжать. Достаточно добавить в заключение, что вопрос, который, справедливо или нет, беспокоит нас больше всего, вопрос о судьбе нашего сознания и нашей личности в божественном поглощении, также остается без ответа; ибо Нирвана ничего не решает, ничего не уточняет, а Будда, последний толкователь великих эзотерических учений, сам признает, что не знает, происходит ли это поглощение в небытии или в вечном блаженстве: «Возвышенное не открыло этого».

«Высшее не открыло этого», потому что ничего не было открыто и ничего не решено, поскольку вероятно, что ничего никогда не будет решено, и вполне вероятно, что существа, интеллект которых в миллион раз превосходит наш, все равно не найдут решения. Чтобы понять творение, сказать, откуда оно взялось и куда идет, нужно быть его автором; и даже тогда, спрашивает Ригведа, источник первоизданной мудрости, «И даже тогда, знает ли он это?»

Великая тайна, единственная тайна, заключается в том, что все является тайной. Давайте хотя бы научимся у наших загадочных предков, как они делали, долю непознаваемого и искать в нем только то, что в нем есть, то есть уверенность в том, что все есть Бог, что все

находится в нем и должно привести к счастью, и что единственное божество, которое мы можем надеяться познать, нужно открыть в самой глубине себя. Великая тайна не изменилась, она осталась на том же месте, каким она была для них. С самого начала они умели из непознаваемого извлекать самую чистую мораль, какую мы когда-либо имели; поскольку мы находимся в том же месте в этом непознаваемом, было бы рискованно, если не сказать невозможно, делать из этого другие выводы. И их учения, которые на высшем уровне остались прежними и различаются только в нижних частях всех религий, чьи различные догмы в сущности являются лишь переводами или мифологическими интерпретациями этих слишком абстрактных истин, сделали бы человека тем, кем он еще не является, если бы он имел мужество следовать им. Давайте не будем их забывать, это последний и лучший совет, который дает нам мистическое завещание, которое мы только что пролистали.

ТАБЛИЦА

	Страницы.
Введение	1
Индия	29
Египет	111
Персия	133
Халдея	141
Досократическая Греция	149
Гностики и неоплатоники	181
Каббала	189
Герметисты	213
Современные оккультисты	229
Метапсихологи	255
Выводы	303

В — 1926 — Lib.-Imp. réunies, 7, rue Saint-Benoît, Париж.